Матвеев Владимир Александрович – доктор исторических наук, автор более 200 научных публикаций, 10 монографий. Специализируется по проблеме российской универсалистской трансформации и сепаратизма на Северном Кавказе во второй половине XIX в. – 1917 г. Занимается также изучением особенностей государственного обустройства окраин отечественного Востока в имперский период, организации системы управления, роли мусульманства в интеграционном процессе и восточнославянского фактора в зонах цивилизационных разломов на иноэтнической периферии

9 785927 517435

В.А. Матвеев

Межэтнические конфликты на Северном Кавказе: опыт осмысления и противодействия

на рубеже XIX – начала XX вв.

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

В. А. Матвеев

Межэтнические конфликты на Северном Кавказе: опыт осмысления и противодействия на рубеже XIX – начала XX вв.

Монография

Ростов-на-Дону
2015

УДК 930.85
ББК 66.3(24)
М33

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор Б.В. Виноградов;

доктор исторических наук, профессор Ю.Ю. Клычников

Матвеев, В. А.

М33 Межэтнические конфликты на Северном Кавказе: опыт осмысления и противодействия на рубеже XIX – начала XX вв. : монография / В. А. Матвеев ; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону : Издательство Южного федерального университета, 2015. – 150 с.

ISBN 978-5-9275-1755-8

Восстановление набеговой традиции на рубеже XIX – начала XX вв. остается до сих пор не изученным. Эта практика и в тех условиях провоцировала межэтнические конфликты, обретавшие для российской государственности потенциал разрушения. В представляемом исследовании излагается одна из объяснительных версий, не встречавшаяся ранее в специальной литературе. Рассматривается вместе с тем исторический опыт урегулирования непростых ситуаций намечавшихся противостояний на Северном Кавказе. Анализу впервые подвергается редкая разновидность гражданской войны, которую автор классифицирует как этническую вандею.

Издание рассчитано на широкий круг специалистов, научных работников, преподавателей и студентов высших учебных заведений, интересующихся региональными особенностями юга России.

Публикуется в авторской редакции.

ISBN 978-5-9275-1755-8 УДК 930.85
ББК 66.3(24)

© Матвеев В.А., 2015
© Южный федеральный университет, 2015

Введение

О сущности явления. Одним из крайних проявлений социального радикализма на Северном Кавказе, связанного, по сложившемуся представлению в исторической науке, с процессами обезземеливания в начале XX в., выступало разбойничество, пережиточный феномен, с давних пор существовавший в крае, но имевший разные терминологические обозначения. У дагестанцев разбойников называли качагами, у чеченцев абреками и т.д.[1] Необходимо заметить, что подобный феномен не являлся каким-то этническим исключением и наблюдался в разных формах в иных местностях империи, например, в Бессарабской губернии[2], и когда-то – в российской глубинке[3]. Но горское разбойничество отличалось некой неповторимостью и являлось отражением своего рода не изжитой и в начале XX в. традиции. Имея у различных народов большую или меньшую степень распространенности, эта практика вместе с тем воплощала в себе много общих региональных черт[4].

Разновидности классификаций. Так же, как и все другие отечественные и зарубежные аналогии, северокавказское разбойничество до сих пор не изучено во всей полноте. В 20-е – начале 30-х гг. XX в. это явление рассматривалось как революционный «стихийный протест горцев против угнетения»[5], своеобразная разновидность «классовой борьбы… национально-освободительного движения горцев, партизанской, террористической формой его»[6]. Некоторые авторы в тот период, напротив, отрицали возможность отождествления горского разбойничества с революционным движением, указывая на отсутствие «сношений с какими-либо революционными

---

[1] Гриценко Н.П. Классовая и антиколониальная борьба крестьян Чечено-Ингушетии на рубеже XIX–XX вв. Грозный, 1971. С. 7; Шерипов А. Статьи и речи. Сборник. Изд. 2-е, испр. и доп. Грозный, 1972. С. 67.
[2] Бурин С.Н. Григорий Котовский: Легенда и быль. М. Смоленск, 1999. С. 6, 63.
[3] См. подробнее: Соловьев С.М. История России с древнейших времен. В 15 кн. Кн. VII (т. 13–14). История России в эпоху преобразования. М., 1962. С. 425.
[4] РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 922. Л. 5.
[5] Янчевский Н. Л. Гражданская борьба на Северном Кавказе. Т. 1. Ростов н/Д, 1927. С. 107.
[6] Буркин Н. Г. Революция 1905 г. в нацобластях Северного Кавказа. Ростов н/Д, 1931. С. 12.

организациями»[7] или признавали его как движение сугубо «народническое, террористическое»[8].

Вскоре эта тема из-за официального изменения отношения к народничеству именно по причине связанности его с террористическими методами достижения политических целей с 1934 г. из-за официальной увязки с ними убийства С.М. Кирова оказалась под запретом и, за редким исключением, в исторической литературе не поднималась. Возвращение к ней произошло лишь в 60-е гг. XX в. Однако каких-либо существенных отклонений от сложившейся ранее версии тогда в осмыслении природы горского разбойничества не произошло и оно по-прежнему оценивалось как разновидность стихийного протеста «против национально-колониального угнетения царизма»[9]. Примечательно, что в данном случае менявшиеся интерпретации явления в исторической науке отразились и на расшифровках значения слова «абрек».

Путешествовавший по Кавказу в 1858–1859 гг. французский писатель А. Дюма зафиксировал на основе бытовавших преданий его романтическое содержание. В его передаче абрек это «человек, давший клятву идти навстречу всем опасностям и не избегать ни одной»[10]. Но А. Дюма описывал не менее отважные поступки русских офицеров и казаков, которые противостояли «грабительским набегам»[11]. В сведениях об абреках писатель указал и на то, что они «дают клятву не только не уклоняться от опасности, но даже идти ей навстречу»[12]. В отзывах о тех, кто противостоял разбоям, он с неменьшим восхищением отображал и такие впечатления: «Русский офицер… служит образцом не только храбрости, но и воли», предводительствуемые же ими «линейные казаки – бесподобные солдаты»[13]. Абреков, после непосредственного ознакомления с действительностью, А. Дюма назвал

---

[7] Скачко А. Дагестан. М., 1931. С. 57.
[8] Рогов А. О потомках Шамиля, Хаджи-Мурата, Зелимхана и Асланбека Шерипова / Историко-литературный набросок // Революция и горец. № 6–7. Ростов н/Д, 1932. С. 96.
[9] Мужев И.Ф. Национально-освободительное движение горцев Северного Кавказа (1900–1914 гг.). Нальчик, 1965. С. 120; Коренев Д.З. Революция на Тереке. 1917–1918 гг. Орджоникидзе, 1967. С. 20; Гриценко Н.П. Указ. соч. С. 8.
[10] Дюма А. Кавказ. Пер. с фр. Тбилиси, 1988. С. 49.
[11] Там же. С. 58.
[12] Там же. С. 52.
[13] Там же. С. 52, 57.

между тем «бандитами», пояснив, что это «люди, живущие грабежом и убийством, оставляющие за собой отчаяние и слезы»[14].

Пребывая на Кавказе, французский писатель узнал и о том, что они делали то, «чем занимались их отцы до них, прадеды… все другие предки». Не останавливались даже перед похищением женщин с грудными детьми[15]. В разъяснении В. Даля в толкование слова «абрек» вкладывается смысл, соответствовавший бытовавшим легендам: «отчаянный горец, давший срочный обет или зарок не щадить головы своей и драться неистово; также беглец, приставший для грабежа к первой шайке»[16]. С ним также связывалось важное оценочное дополнение: «разбойник»[17]. В классификациях, опирающихся на реалии других ареалов, где отсутствовала интегрированность в российское государственное сообщество, например в Маньчжурии, к аналогичным представлявшим опасность явлениям применялось чаще всего название «этнический бандитизм»[18].

В толковании термина «абрек» С.И. Ожегова учитывается уже не реальность, существовавшая на юге России во второй половине XIX – начале XX в., а концептуальные штампы советской эпохи. В нем отражается соотнесение названия с периодом «присоединения Кавказа к России», опиравшееся на иное понимание происходивших событий. Затем под таким же углом зрения раскрывается его сущность. В образе «абрека» представлялся «горец», участвовавший в борьбе против царских войск и администрации[19]. Вместе с тем в словаре С.И. Ожегова сохранилось прежнее значение определения «разбой», под которым понималось «нападение с целью ограбления, убийства». Соответственно «разбойником» признавался тот человек, «грабитель», который всем этим занимался, то есть «разбоем»[20]. А это полностью совпадало с характером деятельности северокавказских абреков,

---

[14] Там же. С. 70.
[15] Там же. С. 71–72.
[16] Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. А – З. М., 1955. С. 2.
[17] Там же.
[18] Ершов Д.В. Хунхузы: необъявленная война. Этнический бандитизм на Дальнем Востоке. М., 2010.
[19] Ожегов С. И. Словарь русского языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. 21-е изд., перераб. и доп. М., 1989. С. 23.
[20] Там же. С. 639.

качагов и других подобных им объединений на Северном Кавказе. Под таким же углом зрения воспринималось и среднеазиатское разбойничество в разные периоды своего самовыражения[21].

Но приведенные выше суждения вряд ли соответствуют действительности, так как это явление считал злом и Шамиль. В пределах своего имамата он вел с ним беспощадную борьбу, сурово «наказывая виновных по шариату». Впоследствии, находясь уже в русском плену, Шамиль вспоминал, что «много людей… казнил… за их скверную натуру, за грабеж и… разбой»[22]. Тем не менее и ему уничтожить это зло, от которого страдали сами горцы, оказалось не под силу[23]. Ограблению как-то в одном из походов подвергся и сам имам Шамиль, причем даже со стороны тех, «кем… предводительствовал»[24]. Прежнее отношение к разбойничеству в имамате входившей в его состав частью населения со временем было забыто и наиболее «отважные и удачливые» из предводителей северокавказских разбойников, по утверждению А. Шерипова, примкнувшего в ходе революционного противостояния 1917–1920 гг. к большевикам и внесшего в качестве представителя чеченского народа немалый вклад в умиротворение края, «считались продолжателями дела Шамиля и мюридов»[25].

С 30-х гг. XX в. под влиянием взглядов И.В. Сталина получило распространение представление о том, что «на месте царских колоний» развернулись «национально-освободительные движения»[26]. Дополнением к нему служило ставшее «общепринятым» в историографии советского периода утверждение о специальном поддержании государственной властью вражды «между русскими и туземцами» для предания прочности самодер-

---

[21] Петрушевский И. П. Поход монгольских войск в Среднюю Азию в 1219–1224 гг. и его последствия // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977. С. 13.
[22] Шамиль на Кавказе и в России. Биографический очерк / Сост. М.Н. Чичагова. СПб., 1889. С. 183.
[23] Терский вестник. 1917. 5 авг.
[24] Акты Кавказской археографической комиссии (далее АКАК). Т. 5. С. 1496.
[25] Шерипов А. Указ. соч. С. 67.
[26] Сталин И. Октябрьский переворот и национальный вопрос // Марксизм и национально-колониальный вопрос. Сборник избранных статей и речей. М., 1939. С. 69–77; Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. 2-е изд. испр. и доп. Сост.: Г.Ф. Александров, М.Р. Галактионов и др. М., 1952. С. 67.

жавному строю[27]. Основывалось оно, как ясно теперь, на копировании реальностей западных империй, в пределах которых не происходило государственного соединения зависимых территорий. Тем не менее в дальнейшем из-за сложившихся в отечественной исторической науке условий именно не соответствовавшее действительности российских окраин представление о существовании в их пределах «национально-освободительных движений» превратилось в общепринятое.

Обоснования же основывались на предопределенных заранее теоретических установках, не отличавшихся ничем в изложении различных авторов. Широкое распространение при этом находило заключение о национально-освободительном характере движения горцев[28]. В последующие десятилетия оно обретало лишь несколько иные оттенки и детализацию. Так, по мнению А.В. Фадеева, высказанному в начале 60-х гг. XX в., «такое движение не преследовало цель отделения кавказских территорий от России, а было в первую очередь направлено на… решение аграрного вопроса и ликвидацию колониального режима»[29]. Для того периода эта мысль выглядела наиболее оригинально, но так и не обрела необходимых разъяснений.

Подтверждая аграрную направленность всех разновидностей социального протеста, наблюдавшихся в крае, И.Ф. Мужев увязал их «с борьбой за освобождение угнетенных народов Кавказа от национального гнета царизма»[30], сместив тем самым, в отличие от А.В. Фадеева, акцент на стремление к установлению самостоятельности. По ходу предпринятой систематизации, которая действительно вскрывала нарастание нестабильности и важность решения обострявших ситуацию проблем, он неоднократно возвращался к неподтвержденному фактами тезису «о национально-освободительном движении горцев Северного Кавказа в начале XX в…

---

[27] Ратгаузер Я.А. К истории гражданской войны на Тереке. Баку, 1928. С. 97.
[28] Эмиров Н. Установление Советской власти в Дагестане и борьба с германо-турецкими интервентами (1917–1919 гг.). М., 1949. С. 9.
[29] Фадеев А. В. Особенности антиколониальных движений на Северном Кавказе в период империализма // Национальный вопрос накануне и в период проведения Великой Октябрьской социалистической революции. Вып. 1. М., 1964. С. 80.
[30] Мужев И.Ф. Национально-освободительное движение горцев Северного Кавказа (1900–1914 гг.). С. 33.

особенно в годы революции 1905–1907 гг.», принявшим якобы «широкий размах» и охватившим «все народы многонационального Кавказа»[31].

Взаимоувязанность выступлений горского крестьянства и действий разбойников «с национально-освободительной борьбой» без каких-либо существенных изменений отмечалась и в последующих исследованиях, посвящавшихся тогда, как правило, изучению социально-экономических процессов в центре страны, на ее окраинах, в том числе и на Северном Кавказе[32]. Российская иноэтническая периферия имела равноправный статус, к разряду колониальных по всем признакам, в том числе и фискальным, не относилась и была подвержена общегражданской интеграции. Сепаратизм – проявление более узкое, не всегда перерастающее в национально-освободительные движения, опиравшиеся, как можно судить по мировым реальностям, на значительную часть или даже все население, выражающее стремление к независимости. На российских окраинах их не наблюдалось.

Особо следует остановиться на термине «набеговая система», введенном в научный оборот видными представителями отечественного кавказоведения М.М. Блиевым и В.В. Дегоевым[33], и вызвавшим разноречивые суждения у специалистов. В фундаментальном труде по Кавказской войне, изданном в 1994 г., они верно, на мой взгляд, обратили внимание на то, что набеговая практика не являлась следствием военных действий России на Кавказе, так как ее существование можно проследить задолго до присоединения местных народов, в частности, чеченцев[34]. Впоследствии В.В. Дегоев стал обосновывать набеговую экспансию наличием соответствующих предпосылок, получивших распространение в XIX в. в специфических версиях (тарикатах) ислама. Анализ идеологического влияния, следует отметить, был предпринят впервые[35]. Но социально-экономический фактор, существование не поддававшейся искоренению пережиточной традиции играли также немаловажную роль.

---

[31] Там же. С. 130.
[32] Коренев Д.З. Революция на Тереке. 1917–1918 гг. С. 20–21; Гугов Р.Х. Совместная борьба народов Терека за Советскую власть. Нальчик, 1975. С. 67.
[33] Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. М., 1994. С. 109, 115.
[34] Там же.
[35] Дегоев В. Кавказская война XIX в. и идеологические конъюнктуры советского и постсоветского времени // Россия. XXI век. 1997. № 9–10.

Соответствующая этой реальности систематизация фактов, дополненная доказательствами М.М. Блиевым в переизданной монографии, также убедительна[36]. Напротив, по его мнению, Россия всячески сдерживала набеги, которые выступали одним из специфических и разрушительных для других разновидностей хозяйственной деятельности средств «собирания собственности». Нападения производились и на ее границу, подвергавшуюся, как установил М.М. Блиев, со второй половины XVIII и вплоть до середины XIX вв. интенсивной экспансии, распространявшейся на огромные южные пространства империи и охватывавшей русские города, казачьи станицы, военные гарнизоны, и т.д.[37] Набеги имели направленность и против своих же соплеменников[38].

Следовательно, нельзя в полной мере увязывать набеги с «порождением формационных процессов», являвшихся, согласно рассматриваемой концепции, основой для развития соответствующей системы. Если исходить из данной посылки, то складывается впечатление о неизбежности набегов и их фатальной предопределенности. Между тем это далеко не так, на что, в частности, указывает негативное отношение к ним основной массы самого «туземного населения», находившегося в таком же экономическом положении.

Подтверждением не могут служить и количественные показатели, которые выглядят весьма противоречиво: набеги, совершавшиеся небольшими отрядами в несколько десятков или сотен человек – это не система, она становится реальностью, когда задействуются тысячи участников. Признавая преобладание нападений «мелкими разбойничьими группами», М.М. Блиев тем не менее утверждает, что «набеговая система, порожденная внутренними общественными процессами «вольных» обществ, развивалась главным образом в виде нашествий тысячных и многотысячных ополчений, захватывавших в открытых боях разнообразную военную добычу»[39].

Для системы характерна целостность, поддающаяся, как и все ее

---

[36] См. подробнее: Блиев М. Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. М., 2004.
[37] Блиев М.М., Дегоев В.В. Указ. соч. С. 136.
[38] Там же.
[39] Там же. С. 120.

структурные части, разрушению. Способность к длительному сохранению в изменившихся условиях она не имеет. Приведенные М.М. Блиевым иллюстрации фактов вскрывают, на мой взгляд, наличие не системы[40], а набеговой традиции в системе региональных социально-экономических отношений, выступавшей ее антагонистическим элементом и представлявшей собой более устойчивый фактор, способный претерпевать разностороннюю трансформацию и возрождаться. При изучении более ранних стадий утверждения России на Кавказе Б.В. Виноградов, например, также пришел к выводу, что набеги «являлись давним и традиционным занятием части горского населения»[41].

Они как раз и были связаны с конкретным феноменом, определявшимся когда-то как горское разбойничество. Такое терминологическое обозначение отражает определенный исторический фон и его исследователи не в праве менять на другие понятийные обобщающие конструкции. Уточнение о том, что набеговая традиция находила воплощение в разбойничестве, имеет принципиальное значение, так как позволяет проследить взаимосвязь в динамике этнополитических процессов после завершения Кавказской войны с последующими этапами, в том числе с событиями, разворачивавшимися в крае в начале XX в.

М.М. Блиев, видимо, исходил из популярного на рубеже 80–90-х гг. XX в. представления «виновата система», способного, как казалось тогда, объяснить причины неустранимости кризисных тенденций. Однако Кавказская война была явлением многосложным, обуславливавшимся в немалой степени сменой кодов цивилизационного развития, связанных с ними идеологических приоритетов, и только к формационным процессам не сводима. В.В. Дегоев, избрав несколько иной подход, исследованию подверг перспективное направление, открывающее возможность понять мировоззренческие (консциентальные) аспекты явления, то есть набеговой традиции.

Верным представляется и вывод М.М. Блиева о необходимости учета

---

[40] Там же. С. 118–120.

[41] Виноградов Б.В. Деятельность генерала П.Д. Цицианова в контексте основных тенденций российско-северокавказских отношений первой половины XIX в. // Проблемы истории Северного Кавказа: Сб. научных статей. Краснодар, 2000. С. 93.

стадиальности при осмыслении причин ее сохранения. Специализируясь по проблеме, именно он внес наибольший вклад в ее разработку. Восстановление же набеговой традиции на рубеже XIX – начала XX вв. остается между тем до сих пор не изученным. Эта практика и в тех условиях провоцировала межэтнические конфликты, обретавшие для российской государственности потенциал разрушения. В представляемом исследовании излагается одна из объяснительных версий, не встречавшаяся ранее в специальной литературе. Автор выражает признательность всем, кто способствовал реализации данного проекта.

Глава I
Восстановление набеговой традиции
Пережиточное наследие

Органами управления всех уровней отмечалось неоднократно, что на путь разбоев горцев подталкивало малоземелье[1]. Это, безусловно, в чем-то соответствовало действительности. Нагорная полоса Северо-Восточного Кавказа наиболее интенсивно заселялась имамом Шамилем еще по ходу войны с Россией преимущественно теми горцами, которые поддерживали идею газавата против нее[2]. Какая-то часть обществ, проживавшая там изначально (автохтонно), составляла основу затянувшегося почти на полвека конфликта и также подверглась соответствующей идеологической обработке.

Представители русской власти после прекращения вооруженного противостояния организовывали сюда во второй половине XIX в. неоднократные выезды, в том числе и в самые отдаленные районы, для разъяснения покоренному населению сущности проводимой российской политики, предусматривавшей гражданское равенство для всех подданных[3]. После окончания Кавказской войны она имела направленность на умиротворение. Применявшиеся тогда меры давали ожидаемые результаты. «Разбоев и грабежей» в крае не наблюдалось, хотя служившие опорой газавата против России непокорные районы в нагорной полосе Дагестана и Чечни были только что включены в ее состав[4].

Через непродолжительный период представители русской власти вновь столкнулись с этим явлением и вынуждены были приложить немало усилий к прекращению деятельности отрядов (шаек) абреков Атабая, Вары

---

[1] ГАРФ. Ф. 110. Оп. 1. Д. 581. Л. 3–3-об.; 29–29-об.; ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 45. Л. 1–1-об.
[2] Шамиль на Кавказе и в России. Биографический очерк / Сост. М.Н. Чичагова. СПб., 1889. С. 52, 60.
[3] Дзидзоев В.Д. Национальные отношения на Кавказе. Владикавказ, 1995. С. 72.
[4] Государственная дума. 3 созыв. Сессия 5. Ч. 4. Стенографические отчеты. Засед. 120–153 (с 30 апреля по 9 июня 1912 г.). СПб., 1912. С. 2391; Буркин Н.Г. Указ. соч. С. 11.

и др.[5] С конца XIX в. горское разбойничество стало усиливаться и в начале XX в. с появлением особо выделившегося на этом поприще абрека Зелимхана обрело невиданный до этого размах, получив в оперативных сводках и в печати наименование «зелимхановщины»[6]. Неуловимость предводителя в течение многих лет, с 1901 по 1913 гг., стяжала ему, как сообщалось в донесениях в Петербург, «славу среди туземцев, а громкие успехи сделали его народным героем»[7].

О Зелемхане в этой связи слагались песни, и в нагорных селениях Чечни ему даже было присвоено прозвище «наместника гор», как бы в противовес наместнику его императорского величества на Кавказе[8]. В этом также проявлялось в своеобразной форме стремление к обособленности. Зелимхан, как рассказывали очевидцы, исчезал в горах даже, казалось бы, в самых безвыходных ситуациях, находясь в плотном окружении, используя для этого знание местности. Отряды Зелимхана находили нередко укрытие и действовали на территории ряда равнинных горских обществ северокавказской окраины. Замечали в нем и некие способности магического воздействия на окружающих. Похищенный разбойниками и выкупленный затем на волю овцевод А. Месяцев, делясь своими впечатлениями, особо отметил «силу… молитвы» их предводителя[9].

По его словам, когда Зелимхан «громким голосом произносит священные слова Корана… все участвующие в намазе… рыдают»[10]. Несомненно, он не лишен был определенных качеств организатора, патерналистского притяжения для сподвижников и в какой-то мере благородства. Зелимхан ценил мужество и в отдельных случаях, восхищаясь храбростью русских офицеров, преследовавших его отряды, проявлял к ним великодушие, если они при каких-либо обстоятельствах попадали к нему в плен. Соблюдая во всем в обращении с ними вековые обычаи горского гостеприимства, он ос-

---

[5] Там же.
[6] Государственная дума. 3 созыв. Сессия 5. Ч. 4. Стенографический отчет. Засед. 138. 23 мая 1912 г.; Мужев И.Ф. Указ. соч. С. 117.
[7] РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1744. Л. 31.
[8] Буркин Н.Г. Указ. соч. С. 11–12; Шерипов А. Указ. соч. С. 67.
[9] Государственная дума. 3 созыв. Сессия 5. Ч. 4. Стенографические отчеты. Засед. 120–153 (с 30 апреля по 9 июня 1912 г.). СПб., 1912. С. 1619, 1636, 1639.
[10] Там же.

тавлял им личное оружие во время бесед и оберегал от своих, не допуская расправы[11].

Что касается «помощи… беднякам», приписываемой разбойникам, к какой бы этнической общности они не относились[12], то сведения об этом основываются преимущественно на слухах, циркулировавших среди соответствующих социальных слоев и, как правило, не поддававшихся проверке. В Поволжье и в середине XIX в., например, распространялись предания о том, что «Разин не был разбойником»[13]. Такие утверждения отрицали официальные оценки, осуждавшие действия «мятежного атамана». В этом просматриваются, безусловно, мотивы обострявшихся протестных настроений. В образе «народного заступника» воплощались определенные социальные ожидания. По передававшемуся в массах поверью, «Разин… собирал пошлину с кораблей и раздавал ее неимущим людям»[14]. Его записал Т.Г. Шевченко при переезде из Астрахани в Нижний Новгород.

В упомянутых изданиях 20-х – начала 30-х гг. XX в. слухи о помощи бедным, оказывавшейся якобы разбойниками, приводятся также без необходимых подтверждений[15], что позволяет усомниться в действительно широком распространении этих акций. Скорей всего, они были единичны, носили главным образом показной характер и в свою очередь способствовали тому, что при необходимости разбойники, спасаясь от преследований, «растворялись» в среде мирных жителей, находя укрытие в ряде аулов.

Так что здесь можно усмотреть даже определенный расчет, исходивший из своекорыстных побуждений, вводивший массы в заблуждение и порождавший иллюзии у части населения в восприятии опасного для общества пережиточного наследия. Представления «о многочисленных случаях помощи бедноте» существовали и в отношении разбойников, действовавших в других местностях империи. Так поступали, например, вожаки дагестанских качагов Джавад-оглы и иные[16]. Непредвзятые же исследова-

---

[11] Там же. С. 1632.
[12] Жизнь национальностей. 1919. 3 авг.; Жизнь национальностей. 1920. 29 февр.
[13] Шевченко Т. Дневник. М., 1954. С. 140.
[14] Там же.
[15] Жизнь национальностей. 1919. 3 авг.; Жизнь национальностей. 1920. 29 февр.
[16] Там же.

ния проясняют, что добытые в ходе нападений немалые средства шли не на «народные нужды», а прежде всего «на организацию новых убийств… грабежей… закупку оружия и т.д.». Удовлетворялись из них и материальные потребности участников[17].

Тем не менее рассматриваемое явление не стоит примитизировать. Оно отражало в региональном контексте Северного Кавказа наличие восстановившейся практики, обретшей в начале XX в. некую масштабность. В поисках объяснений ее соотносили с личностью самого Зелимхана, признававшейся легендарной. Созданная при российском парламенте, у которого «ограбленные и пострадавшие искали защиты», специальная комиссия, пытаясь разобраться в имевшихся в ее распоряжении весьма скудных сведениях, неоднократно ставила вопрос: «Кто он? Какие обстоятельства превратили его в абрека?»[18]. Прийти же к однозначному выводу с привлечением лишь «косвенных улик» из-за конспиративности действий разбойников Государственная дума так и не смогла.

Входившие в ее состав депутаты терялись в догадках, высказывая предположения о давлении «социальных условий», о протесте «угнетенного этими условиями туземного населения Кавказа». Склонялись они и к тому, что Зелимхан «простой шантажист, грабитель и убийца, корыстный и жестокий», прошедший «серьезную школу преступности», а «частые операции, по преимуществу ночные, выработали в нем… ловкость», обеспечивавшую неуловимость. Признавался в нем и «более сложный психологический тип, внутренний мир которого составляется из многих слагаемых, где дурные инстинкты переплелись с известными политическими задачами»[19].

Как бы там ни было, Зелимхан оставался обыкновенным разбойником, преследовавшим главным образом узкие цели. Его неправомерно, на мой взгляд, сравнивать с личностью имама Шамиля, выразившего смысл своей борьбы в кратком изречении: «Я простой уздень, тридцать лет дравшийся

---

[17] Бурин С.Н. Указ. соч. С. 62–63.

[18] Государственная дума. 3 созыв. Сессия 5. Ч. 4. Стенографические отчеты. Засед. 120–153 (с 30 апреля по 9 июня 1912 г.). СПб., 1912. С. 1632.

[19] Государственная дума. 3 созыв. Сессия 5. Ч. 4. Стенографические отчеты. Засед. 120–153 (с 30 апреля по 9 июня 1912 г.). СПб., 1912. С. 1632.

за религию»[20]. Тем не менее после поражения он смог возвыситься над прежними убеждениями и признать ошибочность войны против России, что так же, как и другие качества, указывает на широту его человеческой натуры, безусловно, выдающейся и эпохальной.

Зелимхан же оправдывал свои действия лишь «обидой на несправедливости властей» и данной однажды клятвой «кровью отомстить… начальнику Терской области за взятие в плен и ссылку его семьи и семьи… брата»[21]. Данное объяснение вряд ли можно рассматривать как исчерпывающее для понимания сути его деятельности, так как эта мера административного воздействия выступала своего рода реакцией на разбои, хотя и сомнительной по правовым критериям. Практика заложничества имела, как известно, широкое распространение и с той, и с другой стороны в ходе Кавказской войны[22], однако в изменившихся условиях в начале XX в., когда край без каких-либо исключений являлся уже составной частью России, она не могла быть эффективной в достижении задач государственной стабилизации.

В этом случае, видимо, не совсем удачно задействовались весьма устойчивые тейповые отношения, составным элементом которых являлась ответственность за своих родственников. Такое положение, вопреки предписаниям шариата, сохранял в системе управления имаматом и Шамиль, требовавший за бежавшего преступника наказывать его близких, друзей и даже односельчан[23]. Наряду с этим использовался русской властью и архаический принцип круговой поруки населения за проступки членов общества[24], применявшийся также в центральных губерниях империи. Помимо всего традиция предусматривала и месть за членов рода (в рассматриваемом контексте тейпа, но полного совпадения понятий, необходимо заметить, не существует) при соответствующих обстоятельствах. В любых ва-

---

[20] Шамиль на Кавказе и в России. Биографический очерк. Сост. М.Н. Чичагова. СПб., 1889. С. 89–100.
[21] Государственная Дума. 3 созыв. Сессия 5. Ч. 4. Стенографические отчеты. Засед. 120–153. (с 30 апреля по 9 июня 1912 г.). СПб., 1912. С. 1631.
[22] Дегоев В. Имам Шамиль и технология властвования. (Историко-биографический очерк) // Россия. XXI в. 1998. № 5–6. С. 14.
[23] Там же.
[24] Ошаев Х. Очерк начала революционного движения в Чечне. Грозный, 1927. С. 7–9.

риациях для подобных объединений присуща «стойкость форм», высокая степень устойчивости единства[25].

Поэтому на Северном Кавказе изложенные выше подходы давали чаще всего обратные результаты. Вследствие их применения не в последнюю очередь в ряде случаев намечалось противостояние власти, происходило на какие-то периоды этнополитическое сплочение в противодействии ей даже при отрицательном отношении к разбойничеству среди значительной части «туземного населения» в равнинных аулах. Это позволяло Зелимхану лишь получать сочувствие в различных слоях общества, основанное на жалости к «потерпевшему и преследуемому». Интересовавшимся его местонахождением при таком положении чеченцы либо ничего не говорили, либо убежденно заявляли, что «Зелим-хана население никогда не выдаст властям»[26].

Но его борьбу нельзя отождествлять с крестьянской и относить его к «крестьянским бунтарям»[27]. Для крестьянских выступлений присуща так или иначе связанность с интересами сельскохозяйственного производства, для разбойников, предводимых Зелимханом, побуждением к действиям выступали обычные экспроприации, то есть передел собственности. Их набеги имели разную направленность, в значительной мере не связанную с насущными потребностями этой социальной группы. Хотя, нужно признать, именно из ее представителей, преимущественно из нагорной полосы Терской области, некогда являвшейся в совокупности с такой же сопредельной частью Дагестанской области оперативной базой Шамиля в войне против России, горское разбойничество вбирало в себя людские ресурсы, но превращаясь затем в оторванную от сельскохозяйственного труда корпоративность.

Следует заметить, что нападениям подвергались расположенные как на русских, так и инородческих территориях поселения, жители которых непосредственно были заняты в аграрном секторе экономики и своим трудом создавали материальные ценности. Однако малоземелье части горского

---

[25] Джавахадзе Н.В., Чиковани Г.Д. Чеченская тейпа // Адат. Кавказский культурный круг: Традиции и современность. Москва–Тбилиси, 2003. С. 60.
[26] Государственная Дума. 3 созыв. Сессия 5. Ч. 4. Стенографические отчеты. Засед. 120–153. (с 30 апреля по 9 июня 1912 г.). СПб., 1912. С. 1638–1639.
[27] Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 1. С. 217.

населения не дает исчерпывающих объяснений природы разбойничества, получившего широкое распространение на Северном Кавказе на рубеже XIX–XX вв. Так, дагестанские крестьяне, возмущенные действиями чеченских абреков в 1917 г. в отношении русского населения, заявили: «У нас меньше земли, но мы не идем ее захватывать»[28]. Появление сепаратистских признаков в данном сохранившемся от прошлого феномене, следовательно, обуславливалось отнюдь не только нарастанием экономического кризиса. И на современном этапе, например, в Испании, Ольстере и Шотландии, устремление к этнополитическому обособлению устойчиво наблюдается и при его отсутствии[29].

Проведенный анализ показывает вместе с тем, что неправомерны отождествления обычных разновидностей социального радикализма, имевших направленность на решение внутренних для страны проблем, и отмеченной крайней его вариации, со своеобразными, несхожими с обычными для аграрных выступлений, установками. В первом случае смыкание происходило с общегражданскими революционными акциями протеста, во втором – трансформация была сложнее и находила разнообразное воплощение в протекавших событиях. На то, что действия разбойников на Северном Кавказе в начале XX в. не подпадают в полной мере под категорию обычных крестьянских выступлений, указывает то, что они, в частности, в вайнахской этнической среде, в ряде случаев представали и как «своего рода коммерческая организация», созданная преступным сообществом, в которой существовала даже «своеобразная иерархия»[30].

Во всех местностях Кавказа абреки Зелимхана облагали через своих агентов налогами различные предприятия, рыбные промыслы, отдельные крупные и мелкие хозяйства, зажиточных граждан, которые под воздействием террора нередко соглашались отдавать часть прибыли или унаследованного состояния, не надеясь на помощь власти. Обложение соответствовало, как правило, их достатку, а владельцам гарантировалась безопасность

[28] РГВИА. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 130. Л. 81; ЦГИА РГ. Ф. 13. Оп. 11. Д. 332. Л. 1–20.
[29] Заурбекова Г.В. Сепаратизм в Чечне // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 135. М., 2000. С. 8.
[30] Государственная дума. 3 созыв. Сессия 5. Ч. 4. Стенографические отчеты. 3засед. 120–153 (с 30 апреля по 9 июня 1912 г.). СПб., 1912. С. 1630–1631.

от возможных нападений и грабежей. Нарушений таких обещаний почти не наблюдалось[31]. В этом отношении северокавказское разбойничество имело немалое сходство с бессарабским или новороссийским, существовавшим в империи в тот же период. Но в отличие от него, северокавказское было явлением все же более масштабным.

В нем прослеживается и наличие устойчивой региональной практики, превратившейся в своеобразную традицию. Так, население, основанной в XIX в. за Тереком немецкими сектантами колонии Гнаденбург, установив дружеские отношения с русскими казаками, выдерживало такую же линию на добрососедство с кабардинцами и карачаевцами. Однако одному из северокавказских племен жители этого поселения вынуждены были платить «ежегодную дань», чтобы «обезопасить себя от опустошительных набегов свирепых горцев»[32]. При нападениях на колонию разбойников получавшие постоянное вознаграждение мусульмане становились на защиту «немецких христиан»[33].

Действуя отрядами от нескольких десятков, реже до сотни человек, разбойники быстро собирались для осуществления своих мероприятий, неожиданно появляясь, то в одном, то в другом месте края, а затем внезапно исчезали[34]. Объектами их «грабежей и разбоев» обычно являлись правительственные учреждения, сельские и станичные правления, банки, казначейства, усадьбы крупных земельных собственников, частные и государственные промышленные заведения, воинские посты и подразделения и т.д.[35] Постоянным нападениям с их стороны подвергались железные дороги, следовавшие по ним поезда подвергались разграблению. Интенсивность этих акций особенно возросла с 1914 г.[36] Действия разбойников вследствие этого неизбежно сопровождались разрушениями средств производства, приводили к подрыву производительных сил на северокавказской окраине Рос-

---

[31] Там же.
[32] Керн Э. Пляска смерти. Воспоминания унтерштурмфюрера СС. 1941–1945. Пер. с англ. Г.П. Бляблина. М., 2007. С. 116.
[33] Там же.
[34] Терский вестник. 1917. 1 окт.; Жизнь национальностей. 1920. 29 февр.
[35] ЦГИА РГ. Ф. 94-с. Оп. 1. Д. 326. Л. 25; Жизнь национальностей. 1920. 1 янв.
[36] ГАРФ. Ф. 110. Оп. общ. Ф. 488. Л. 2–2-об; Оп. 1. Д. 545. Л. 30; Д. 581. Л. 35–36-об.

сии, нанося огромный экономический ущерб, снижая эффективность государственного управления.

В этой связи неслучаен был и интерес русских анархистов к горскому разбойничеству. В феврале 1911 г. в Терскую область приезжали от них из г. Ростова-на-Дону два студента и при помощи нескольких чеченцев, сочувствовавших анархизму, встретились с Зелимханом. Через переводчиков они объяснили ему основополагающие программные идеи русского анархизма и, получив полное одобрение разбойника, вручили ему четыре бомбы, красный флаг и специально заготовленную печать как своего рода символы причастности к их движению[37]. Известие об этом вызывало сомнения. В его соответствие действительности никто не хотел верить. Но после боя во время одного из разбойных нападений в сентябре 1911 г. в Андийском округе на месте была найдена дорожная сумка Зелимхана, в которой среди различных планов и печатей была обнаружена печать, подтверждавшая его симпатии к идеям российских анархистов. На печати по кругу была сделана надпись: «Группа кавказских горных анархистов-террористов. Атаман Зелим-хан»[38].

В центре его выделялось изображение скрещенных двух винтовок, пересеченных сверху вниз шашкой и обращенных к месту пересечения дулами справа и слева двух револьверов[39]. Такое сочетание оружия в дополнение к надписи усиливало ее смысловую нагрузку, подчеркивая «беспощадность мести и террора», как изначального основополагающего идеала объединяемого сообщества. Содержание данной символики показывает неплохую осведомленность русских анархистов, которые внимательно судя по всему следили за ситуацией в стране и в крае, об особенностях данной разновидности социального радикализма на Северном Кавказе, заключавшихся в постепенном расшатывании государственной централизации и, как следствие, целостности страны.

Видимо, неслучайно в составе разбойничьих отрядов, например, в на-

---

[37] Государственная дума. 3 созыв. Сессия 5. Ч. 4. Стенографические отчеты. 3засед. 120–153 (с 30 апреля по 9 июня 1912 г.). СПб., 1912. С. 1631.
[38] Там же.
[39] Там же.

горной части Дагестанской области, замечались и русские[40]. Осведомленность прослеживается в том числе в словах надписи «группа» и «горных»[41], так или иначе указывающих на численность участников (небольшие отряды), конспиративность действий, преимущественные места дислокации и пополнения людскими ресурсами. Эти привязки также выступали своего рода обобщающей характеристикой сущности явления, которую представители данной революционной организации понимали, очевидно, лучше, чем те, кто занимался непосредственно вопросами управления.

Интерес к разбойничеству со стороны русских анархистов предопределялся надеждами, что с помощью данного явления удастся установить диктатуру «исключительных личностей». В разбойниках, «среди мужицкого мира» М.А. Бакунин как раз и видел необходимый потенциал для разрушения государства[42]. После польского восстания 1863 г. у русских анархистов устанавливается скептическое отношение к «массе народа». По мнению М.А. Бакунина, «затемняющее» воздействие на нее оказывают такие черты: «1) патриархальность, 2) поглощение лица миром, 3) вера в Царя»[43]. М.А. Бакунин вместе с тем полагал, что «есть в русском народе лица, смеющие идти против мира»[44]. К ним он и относил разбойников. Соответственно их предводители, в частности, Разин и Пугачев, были «первые революционеры». Разбой, как считал М.А. Бакунин, «составляет важное историческое явление в России»[45].

Анархизм, как учение об обществе, в основу которого положена идея безвластия, уничтожения государства, утверждения добровольной ассоциации граждан и признающее в качестве руководящего начала только волю отдельной личности, был, в свою очередь, привлекателен для разбойников. Его последователи в борьбе за реализацию своих представлений на пере-

---

[40] Гриценко Н.П. Классовая и антиколониальная борьба крестьян Чечено-Ингушетии на рубеже XIX–XX вв. Грозный, 1971. С. 7.
[41] Государственная Дума. 3 созыв. Сессия 5. Ч. 4. Стенографические отчеты. 3асед. 120–153 (с 30 апреля по 9 июня 1912 г.). СПб., 1912. С. 1631.
[42] Михаил Александрович Бакунин. Критико-библиографический очерк М.П. Драгоманова. Казань, 1906. С. 33.
[43] Цит. по: Там же.
[44] Там же.
[45] Там же.

устройство общества также отдавали предпочтение террору и экспроприациям. Но анархизм в России был вместе с тем неоднороден и аморфен, что находило выражение в целом ряде специфических, порой существенно отличавшихся друг от друга, доктринальных ответвлений. Так, анархо-синдикалисты предлагали опереться на беспартийные рабочие профсоюзы, течение во главе с лидером Я. Махайским исходило в своей деятельности из наличия «всемирного заговора господ и интеллигенции против рабочих»[46].

Наиболее активные террористические формы социального протеста проповедовали участники движения, получившие по сплотившему их печатному органу название «чернознаменцев», и анархо-коммунисты («хлебовольцы»), выступавшие за всеобщую забастовку «в городах и деревнях». Именно первые своей главной задачей считали создание широкого массового анархистского движения, а существовавшая внутри них группа «Интернационал» бомбами благословляла акции возмездия. Второе направление в период революции 1905–1907 гг. распалось еще на несколько подразделений, среди которых в связи с рассматриваемой проблемой наибольший интерес представляют так называемые «безначальцы», отстаивавшие необходимость террора и грабежей для разрушения самодержавного строя и отрицавшие какие-либо критерии нравственности[47].

Достигнуть «царство свободы» они надеялись при помощи организации беспощадной «кровавой народной расправы» с теми, кто находился у власти, используя для этой цели в том числе «мятежные шайки» из безработных и люмпен-пролетариев. В начале XX в. в российском анархизме в большом количестве появлялись и обыкновенные отряды грабителей, имевшие сугубо индивидуальные названия «анархистов-террористов» и др.[48] Поэтому можно лишь предполагать, что контакты с северокавказскими разбойниками пытались установить те, кто принадлежал к наиболее радикальным его разновидностям. На террористическую направленность в их

---

[46] История политических партий России / Думова Н.Г., Грофеев Н.Д., Тютюкин С.В. и др. Под общ. ред. Зевелева А.И. М., 1994. С. 199, 203–206, 210; История России: учебный словарь-справочник / Под ред. Блохина В.Ф. Брянск, 1996. С. 10–11.
[47] Там же.
[48] Там же. С. 11.

деятельности обращали внимание многие авторы, занимавшиеся изучением явления[49], и она, безусловно, не подлежит сомнению.

Месть Зелимхана производилась и против представителей своего народа, а иногда даже против целых обществ, отказывавших ему в помощи и содействии. Разбойники расправлялись с офицерами военной и полицейской службы, с приставами и начальниками округов, сельскими старшинами, честно исполнявшими свой долг перед соплеменниками и государством, и т.д.[50] Таким образом, складывавшиеся в отечественной историографии 20 – начала 30-х гг. XX в. под влиянием авторов, которые описывали события, в том числе, на основе личных воспоминаний, представления о природе «горского разбойничества» отчасти соответствовали действительности.

Необходимо признать, что оно вбирало в себя отдельные группы крестьянства, пользовалось в определенной степени поддержкой части местного населения, но не имело всего комплекса признаков, присущих аграрным движениям. Хотя их участники иногда пополняли те или иные разбойничьи отряды[51], последние в целом были оторваны от сельскохозяйственного производства и представляли собой, как правило, замкнутые ограниченные по составу сообщества. Их намерения для остальной массы оставались неведомы. В аграрных выступлениях, как видно на примере Зольского восстания кабардинских крестьян[52], участие принимали широкие массы с вполне понятными целями. Этой особенностью также, в какой-то мере, объясняется неуловимость и безнаказанность «разбойников» после многочисленных случаев совершения уголовных преступлений.

В свете изложенного становится очевидно, что их деятельность нельзя идеализировать, как это делалось в предшествующие периоды развития знаний об этом явлении. В конце 20-х гг. XX в. была отснята даже и широко показывалась в кинотеатрах страны «Героическая киноповесть из истории Чечни в 6-ти частях», посвященная «крестьянской борьбе» Зелимха-

[49] Рогов А. Указ. соч. С. 96; Скачко А. Указ. соч. С. 52–53 и др.
[50] ЦГИА РГ. Ф. 94-с. Оп. 1. Д. 326. Л. 25.
[51] Ошаев Х. Очерк начала революционного движения в Чечне. С. 79.
[52] См. подробнее: Цораев М.М. Восстания кабардинских и балкарских крестьян в 1863 году. Нальчик, 1963.

на[53]. В качестве «народного мстителя» запечатлен его образ и в одноименном романе чеченского писателя М. Мамакаева[54], версия которого создавалась под влиянием сложившихся в 60-е – начале 70-х гг. представлений в отечественной исторической науке, основанных на оценочных суждениях авторов 20 – начала 30-х гг. XX в.

Идеализация недопустима не только в данном случае, но и при оценке, как это делалось когда-то, крестьянских бунтов в России, революционных выступлений, так как это экстремальный способ разрешения общественных противоречий. Недопустима лишь идеализация, сами же формы проявления протеста должны восприниматься как объективная реальность, которую невозможно изменить и необходимо видеть такой как она есть.

[53] Нахчо. «Зелимхан» / Героическая киноповесть из истории Чечни в 6 частях // Революция и горец. 1929. № 9. С. 76.
[54] Мамакаев М. Зелимхан. Роман. Грозный, 1971.

Предопределяющие факторы

Северокавказское же разбойничество на рубеже XIX–XX вв. обретало и некую сепаратистскую направленность, выражавшуюся в попытках выдавливания при помощи террора и хозяйственного разорения восточнославянского населения за пределы края и мести тем горским обществам, которые устойчиво придерживались российской ориентации. Данный сепаратизм не похож, безусловно, на другие разновидности устремлений на обособление и нуждается в специальном категориальном обозначении. Для этого необходим анализ всех составляющих, предопределявших жизнестойкость феномена. Противостояние любому явлению предполагает прежде всего понимание его сути. Возрастание интенсивности набегов в начале XX в. чеченцы, например, объясняли прекращением уважительного отношения к «обычаям отцов» и неисполнением норм адатов. О тех же, кто их совершал, с сожалением говорили: «воровство вошло у них в славу и доблесть»[55].

Восстановление набеговой традиции на северокавказской окраине России в начале XX в. имело, кроме того, следующую ярко выраженную тенденцию. Абреки и отчасти качаги, чеченские и дагестанские разбойники, терроризировали русское население в осуществление, как признавали представители краевой власти, «идей инородческого сепаратизма»[56]. Оно подвергалось грабежам и хозяйственному разорению. Причем это воздействие предпринималось преимущественно по отношению к вновь прибывшим переселенцам. Под его влиянием миграционные потоки их из России на Северный Кавказ и особенно в Хасавюртовский округ Терской области, в который они наиболее интенсивно росли до 1905 г., приостановились[57]. То, что горскому разбойничеству присуща была и сепаратистская направленность, подтверждается и другими фактами.

Так, после гибели Зелимхана в 1913 г. абречество пошло на спад, но в

---

[55] Блиев М.М., Дегоев В.В. Указ. соч. С. 124.
[56] Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. 3 созыв. Сессия 1. 1907–1908 гг. Т. 1. (№№ 1–350). СПб., 1908. С. 1365.
[57] ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 526. Л. 3–4; РГИА. Ф. 1276. Оп. 21. Д. 3. Л. 5.

горах Дагестана с 1914 г. стала несколько усиливаться деятельность качагов в связи с обретением среди части горцев популярности другим предводителем разбойников Узуном-Хаджи, прошедшим все ступени духовной школы, хорошо знавшим арабский язык и шариат. Ему также удалось организовать отряд в 80–100 человек, который предпринимал действия весьма сходные с деятельностью Зелимхана. Награбленное он, по распространявшимся слухам, раздавал бедным. Данное утверждение использовалось так или иначе и в проводившейся усиленной агитации «против царского правительства», что усиливало ее воздействие на массы. По ходу направленной на разрушение России деятельности Узуном-Хаджи пропагандировалась и «идея горской независимости»[58].

По его заверениям, «помощь для освобождения от русского ига» должна была прийти из Турции[59]. Вместе с тем в политических устремлениях предводителей северокавказских разбойников начала XX в. прослеживаются и некие различия, отражавшие этнополитическую противоречивость в развитии «туземных сообществ». Зелимхан, как видно, симпатизировал российскому анархизму и изъявил даже согласие на причастность к этому движению. Его деятельность и во всех других отношениях в большей мере поддавалась влиянию процессов, происходивших в стране, а сепаратизм сводился преимущественно к изгнанию недавно прибывших на Северный Кавказ переселенцев из внутренних областей России, разместившихся на сопредельных с чеченскими территориях. В прошении на имя председателя Государственной думы от 15 января 1909 г. Зелимхан пояснил, что на путь разбойничества он встал лишь «вследствие несправедливого отношения властей»[60].

Узуна-Хаджи к такой же деятельности подвело предшествующее религиозное образование, сформировавшее соответствующий фанатичный настрой, с чуждыми для отечественного мусульманства установками, и на всех этапах борьбы он неизменно ориентировался на зарубежный Восток и

[58] Жизнь национальностей. 1920. 29 февр.
[59] Там же.
[60] Алиев У. Очерк исторического развития горцев Кавказа и чужеземного влияния на них ислама, царизма и пр. Ростов н/Д, 1927. С. 110–111.

прежде всего Турцию[61]. Наличие общеимперской евразийской консолидации населения российской периферии, в том числе и северокавказской окраины, он в категоричной форме не признавал. Однако антироссийская направленность в деятельности разбойников выступала скорей всего лишь одним из проявлений сепаратизма, но отнюдь не национально-освободительного движения, для которого необходима, как известно, более широкая этнополитическая поддержка. Отряды же разбойников насчитывали от нескольких десятков до сотен человек, а их укрывательство зачастую вызывалось страхом перед возмездием. Соплеменники в преобладающей степени, как уже отмечалось, относились к ним отрицательно и взывали к той же русской власти о защите.

Проблема эта для России, судя по распространенности набегов, и из-за скрытности действий разбойничьих отрядов представала на рубеже XIX–XX вв. как весьма серьезная. Сепаратизм на Северном Кавказе между тем отражал настроения лишь части населения, причем у большинства народов самой незначительной. Это позволяет сделать вывод об ошибочности отождествления сепаратизма и национально-освободительных движений. Укоренившееся с 30-х гг. XX в. под влиянием взглядов И.В. Сталина представление о том, что они развернулись «на месте царских колоний»[62] не соответствует действительности.

На Северном Кавказе, как и на других окраинах России, сепаратизм, при отсутствии широкой общественной поддержки, обретал экстремистские и террористические вариации. Тот же опыт зарубежных стран показывает, что и при отсутствии поддержки сепаратисты иногда достигают своих целей. Такая угроза существовала и в рассматриваемый период, когда спустя полвека после окончания Кавказской войны Россия столкнулась вновь с нарастанием крупного регионального конфликта. Его появление в начале XX в. представители краевой администрации преимущественно связывали с обострением экономической ситуации, вызванной сокращением земель-

[61] Жизнь национальностей. 1920. 29 февр.

[62] Сталин И. Октябрьский переворот и национальный вопрос // Марксизм и национально-колониальный вопрос. Сборник избранных статей и речей. М., 1939. С. 69–77; Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. 2-е изд. испр. и доп. Сост.: Г.Ф. Александров, М.Р. Галактионов и др. М., 1952. С. 67.

ных наделов, и предпринимали усилия к ее устранению. Утверждения, что такого понимания не существовало, не объективны[63].

Вместе с тем это свидетельствует об упрощенном взгляде на возможности решения сложной и опасной для государства проблемы. Немаловажную роль, например, в нарастании конфликта играл идеологический фактор. При этом религия в нем не имела преобладающего значения, хотя в некоторых отрядах разбойников принимали участие и муллы[64]. В тот промежуток времени наблюдалось ослабление религиозности, а в ряде специфических местностей Северного Кавказа и фанатичности масс, с чем сталкивались во все больших размерах проповедники идей панисламизма, проникавшие на эту и другие российские окраины «со значительным… мусульманским населением» из Турции и стран зарубежного Востока[65].

Набеги, в том числе с антирусской направленностью, поддерживала, видимо, лишь какая-то часть мусульманского духовенства. В подавляющей массе оно осуждало разбои и в проповедях нередко предавало проклятию тех, кто их совершал. Такая позиция вызывалась не только тем, что мусульманское духовенство Россию считало своим отечеством и поддерживало официальный курс в борьбе с этим злом, от которого, как уже отмечалось, страдали сами горцы. Каноническая сущность самого ислама содержит строжайший запрет на такого рода действия. В отряды разбойников скорей всего попадали лишь малообразованные муллы, не знавшие основ вероучения, предусматривавшего за подобные проступки суровые меры наказания вплоть до смертной казни. Неслучайно многие деятели мусульманского духовенства при обострениях обстановки, связанных с набегами, настаивали на применении к разбойникам не правовых норм империи, казавшихся им достаточно мягкими, а именно шариата[66].

Когда же представитель чеченского народа Т. Чермоев, владелец нефтяных месторождений и ротмистр императорского конвоя, в 1908 г. внес предложение в правительственные инстанции для достижения успеха в

---

[63] ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 45. Л. 1–1-об.
[64] РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 922. Л. 5.
[65] ГАРО. Ф. 826. Оп. 1. Д. 285. Л. 1–1-об.
[66] Терский вестник. 1917. 18 июля.

борьбе с абречеством «пороть целые аулы», предоставлявшие укрытие и не выдававшие их властям, влиятельные муллы поддержали это предложение[67]. В данном случае заимствовалась практика, существовавшая в имамате Шамиля, где действительно при помощи таких жестких мер пытались искоренить «грабежи и разбои». Сам Шамиль спустя годы, возвращаясь к пережитому, отмечал, что для управления горцами была «необходима железная рука», и рассматривал «свою прежнюю жестокость, как… печальную необходимость»[68].

В донесениях с мест разгул разбойной стихии на Северном Кавказе в начале XX в. напрямую увязывался с тем, что «туземцы не слушаются своих мулл»[69]. Поэтому можно даже утверждать о неорганизованном противостоянии мусульманского духовенства, не получившим на государственном уровне необходимой поддержки, распространению этого разрушительного для стабильности в регионе и опасного для общества явления. Ставка на низшие слои, осуществлявшие непосредственный контакт с верующими, еще, видимо, не привела к предусматривавшемуся результату[70]. Тем не менее большинство мулл уже являлись надежной опорой российской государственности.

Изложенные выше факты вместе с тем указывают и на существенные перемены, произошедшие в этнополитической сфере горских обществ по сравнению с эпохой Кавказской войны. Решающее воздействие на них оказывала и в этой части империи российская универсалистская трансформация. Однако восстановившиеся в начале XX в. на Северном Кавказе набеги обретали все больше признаки особой разновидности сепаратизма, встречающейся в исторической действительности лишь в зонах цивилизационных разломов. Ее типологизация нуждается в специальном рассмотрении.

На рубеже XIX–XX вв. мусульманский фактор перестал играть прежнюю враждебную роль, превратившись и на северокавказской окраине в элемент общероссийской и евразийской консолидации. Идеологическую

---

[67] Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 1. С. 204.
[68] Шамиль на Кавказе и в России. Биографический очерк. Сост. М.Н. Чичагова. С. 45, 183.
[69] Терский вестник. 1917. 1 окт.
[70] Ошаев Х. Указ. соч. С. 6.

подпитку восстановлению набеговой традиции и усилению ее сепаратистских проявлений давал судя по всему главным образом отход от реалистических оценок в восприятии прошлого, связанного с Кавказской войной и обстоятельствами включения региона в состав империи. Подводя итог длительному противостоянию вскоре после завершения эпохи, имам Шамиль признал произошедшее ошибкой и на склоне лет искренне сожалел, что «не знал России и… ранее не искал ее дружбы»[71]. К такому же осознанию приходили постепенно и многие его сподвижники, о чем свидетельствует, в частности, их поступление на военную или государственную службу в крае и за его пределами.

Однако целенаправленной работы с остававшимся в нагорной полосе Чечни и Дагестана населением представители русской власти не проводили, видимо, полагая, что все в условиях мирной жизни должно произойти само собой и в установившемся восприятии реальности на исходе Кавказской войны не произойдет каких-либо существенных изменений. Между тем через три десятилетия ветераны, принимавшие участие в ней на стороне непримиримых, вступили в преклонный возраст. Преодолев усталость, они со временем все больше обретали склонность идеализировать относящиеся к молодости события, давая под соответствующим углом зрения им свои оценки.

Панорама пережитого при этом, как всегда бывает в таких случаях, искажалась, ее детали предавались забвению. Подрастающие поколения воспитывались на героизированных, односторонне отражавших реальность рассказах стариков «о газавате против русских» и имаме Шамиле, народном предводителе, возглавлявшем движение. Его личность, как верно заметил В.В. Дегоев, занимавшийся, как уже отмечалось, изучением идеологических процессов на Северном Кавказе в эпоху вхождения края в состав России, служила «одним из элементов, стимулировавших развитие» националистических[72], и, добавим, неотделимых от них по сути сепаратистских настроений.

---

[71] Шамиль на Кавказе и в России. Биографический очерк. Сост. М.Н. Чичагова. С. 113.
[72] Дегоев В. Кавказская война XIX в. и идеологические конъюнктуры советского и постсоветского времени // Россия. XXI в. 1997. № 9–10. С. 110.

Происходила своего рода стихийная мировоззренческая организация исторических знаний и их консциентальное, относящееся к сфере самосознания, воплощение. Такой способ передачи информации о прошлом использовался с самых ранних этапов развития этнических сообществ, и от его качества не в последнюю очередь зависела их судьба и та или иная предрасположенность к внешним воздействиям. Возрастной контакт сменявшихся поколений в специфических местностях Северного Кавказа оказался при крайне низком уровне просвещенности населения решающим в формировании представлений у части горцев. Грамотность у мусульманских народов в восточных пределах окраины не превышала 2%, и то в основном за счет духовенства, в западных – она была несколько выше, достигая 5–6%[73].

Преобладающее значение этого контакта в становлении сепаратистских настроений и порождающих их мировоззренческих установок подтверждается и демографическими показателями. Натиск набегов был сильнее именно там, где происходил наиболее интенсивный прирост населения. В нагорных районах Терской области в среде чеченцев он составил 36,6%, а на сопредельных аналогичных территориях Дагестанской области – 23,5%. Неравномерность распространенности разбойничества у различных горских народов имела, безусловно, под собой и этнопсихологическую обусловленность.

Историческая память сохранялась, судя по всему, и у тех горцев, которые принимали участие в Кавказской войне на стороне России. Это вскрывали время от времени происходившие на рубеже XIX–XX вв. в империи и на ее северокавказской окраине события, в том числе и присутствие в 1909 г. многочисленных делегаций от иноэтнического населения на торжествах по случаю 50-летнего юбилея завершения «вековой борьбы в горах Чечни и Дагестана»[74]. Но в условиях наметившегося кризиса государственной сис-

[73] Жизнь национальностей. 1921. 3 дек.; Алиев У. Адыгейская (Черкесская) автономная область // Жизнь национальностей. Кн. 1. М., 1923. С. 119; Горянов А. Советский Дагестан на путях культурной революции // Революция и горец. № 5. Ростов н/Д, 1931. С. 31; ГАРФ (бывш. ЦГА РСФСР). Ф. 296. Оп. 1. Д. 283. Л. 123; Ф. 2314. Оп. 3. Д. 4. Л. 15. (Подсчет авт.).
[74] ЦГИА РГ. Ф. 13. Оп. 3. Д. 687. Л. 3; Ф. 1087. Оп. 1. Д. 170. Л. 7–7-об; Кавказ. 1909. 23 авг. (3 сент.); 26 авг. (8 сент.); 27 авг. (9 сент.); 1 (14) сент.

темы воспроизводство реалистического восприятия прошлого в контакте поколений постепенно ослаблялось, тогда как идеализация его под иным углом зрения среди тех, кто поддерживал в разные периоды Шамиля, усиливалась.

Данные представления, по всей видимости, получали и более широкое распространение, способствуя в критических ситуациях консолидации еще какой-то части населения на антироссийской основе. Эти слагаемые как раз и предопределяли в совокупности наступление фаз избытка (подъема, взрыва) биосоциальной энергии, пришедшей на смену спада (надлома, инерции). Появление их, как показывает восстановление набеговой традиции на северокавказской окраине России на рубеже XIX–XX вв., зависит не только от естественных факторов (природно-климатических, экономических и иных), но в значительной мере подвергается, что не принимал во внимание Л.Н. Гумилев, автор теории пассионарности[75], организации и переорганизации на основе исторических знаний. В каком направлении она происходила в нагорных районах «Чечни и Дагестана», некогда служивших опорой Шамиля в войне против России, становится очевидно.

Этому фактически ничего не было противопоставлено, в том числе и в науке, которая прежде всего призвана привносить осмысленность в проводимую политику. Изыскания российских историков, занимавшихся проблемами региона в тот период, Н.Ф. Дубровина, В.А. Потто и других[76], признающиеся и в наши дни замечательными по глубине и точности описания, преимущественно посвящались покорению Кавказа и носили главным образом ретроспективный характер. Негативные последствия контакта поколений, способствовавшие восстановлению набеговой традиции и ее сепаратистской трансформации, могли быть смягчены целенаправленным просвещением вошедших в состав России народов. Но политика государства в данном отношении не была до конца оформлена. Поиск ее содержания затягивался, в нем были лишь верные наметки, реализация которых наталкивалась на те или иные препятствия.

---

[75] Гумилев Л. Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. М., 1993. С. 23–24, 183–184.
[76] Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т. 1. Кн. 1; Потто В. А. Кавказская война. В 5 т. Ставрополь, 1994. Т. 1 и др.

С 1914 г. активизировалась деятельность и иностранной агентуры, направленная на отторжение Кавказа от России. Среди населения распространялись прокламации на арабском языке, в которых содержались призывы к восстанию. В них давались заверения в том, что на помощь подоспеют «турецкие отряды». Начало выступления приурочивалось к какому-либо из религиозных праздников («уразы» и др.). Для эффективности такой пропаганды проповедники чаще всего выдавали себя за мулл, но и это прикрытие не способствовало успеху. Их усилия находили отклик только у части «туземных обществ», преимущественно в нагорных районах[77].

Тем не менее это также в какой-то мере оказывало влияние на развитие нестабильности в регионе. Однако в большинстве аулов, особенно в равнинных округах, население оказалось к такой агитации невосприимчивым, и, согласно поступавшей в краевые органы власти информации с мест, «многие проповедники такого рода были изгнаны и даже убиты»[78]. Усиленную работу среди горцев проводила кроме того агентура Германии, действовавшая в том числе при помощи турецких эмиссаров. Это присутствие по мере обострения кризисных явлений значительно возрастало и самого высокого уровня достигло в 1917 г. Ее представители не жалели средств, «подбивая молодежь на грабежи и разбои». Расчет при этом делался на то, чтобы, «не давая покоя казакам… вывести их из терпения» и спровоцировать «на открытую войну с горцами»[79].

В создавшейся обстановке правительство постепенно теряло инициативу, допускало ошибки. В какой-то мере это обуславливалось тем, что его представители в краевых органах власти, обретавшие административный опыт еще по ходу Кавказской войны и после ее завершения, прослужив положенные сроки, выходили в отставку. К рубежу XIX–XX вв. вследствие этого произошла наиболее массовая смена управленческих кадров, а вместе с ней стала утрачиваться из-за несоответствия складывавшейся реальности эффективность проводимой политики. Последствия этой смены не были своевременно учтены.

---

[77] Северокавказский край. 1917. 1 июля.
[78] ЦГА РСОА. Ф. 1849-П. Оп. 2. Д. 34. Л. 26.
[79] Терский вестник. 1917. 23 дек.

После включения в состав России ряда южных периферийных территорий резко сократились объемы востоковедческого образования, которому когда-то в империи уделялось должное внимание. Связанные с ним знания не в последнюю очередь способствовали успешному утверждению позиций России на Кавказе. Достижения же отечественного востоковедения получали в свое время и мировое признание, равно как и основанная на его разработках государственная политика. Именно благодаря этому в XIX в. удалось добиться перелома крайне неблагоприятной для империи геополитической ситуации в самых взрывоопасных регионах. Опираясь на мощный потенциал ориенталистики, Россия смогла обрести, по мнению современного исследователя Р. Шукурова, «свой собственный взгляд на Восток», установила лидирование «в освоении исламской культуры»[80].

Но эти достижения прежде всего отвечали требованиям своего времени и были, как показала последующая практика, всего лишь началом, сменившимся вскоре ослаблением научных поисков. Их значимость с завершением процесса формирования территориальных пределов России утрачивает прежнюю остроту. Существовала судя по всему так и не понятая взаимосвязь между ослаблением «просвещенности», сокращением объема преподавания восточных языков и соответствующей подготовки специалистов, наметившихся к концу XIX в.[81], и началом на некоторых окраинах, в том числе и на Кавказе, опасных для страны катаклизмов. Призыв в восточные районы управленцев, не понимавших местной специфики, лишь усугублял положение[82]. Об этом свидетельствует, в частности, назначение главноначальствующим князя М.С. Голицына, не имевшего соответствующей подготовки к управлению столь сложным краем[83].

Депутат от Дагестанской области в Государственной думе Гайдаров выделил различие в использовавшихся подходах в следующем сравнении: «В эпоху первых наместников… на Кавказе был введен такой строй, кото-

---

[80] Шукуров Р. По дороге в Индию // Российский исторический журнал «Родина». 1995. № 10. С. 32.
[81] ЦГИА РГ. Ф. 94-с. Оп. 1. Д. 326. Л. 215.
[82] Витте С.Ю. Избранные воспоминания, 1849–1911 гг. М., 1991. С. 32.
[83] Государственная дума. 3 созыв. Сессия 5. Ч. 4. Стенографические отчеты. Засед. 120–153 (с 30 апреля по 9 июня 1912 г.). СПб., 1912. С. 2391–2392.

рый считался с потребностями и интересами населения… соответствовал психологии горцев», выступая, как подчеркнуто далее, «переходной ступенью к высшей форме общения»[84]. Этим, по его утверждению, объясняется и то, что «в те времена разбоев и грабежей не наблюдалось, за редкими исключениями, хотя горцы только… были присоединены»[85]. Восстановление же практики обуславливали различные обстоятельства.

Влияние на него оказывало и появление тенденции «узкого национализма» в проводимой политике, «при котором, – по словам С.Ю. Витте, – все нерусские должны почитаться ненастоящими сынами России и верноподданными государя»[86]. Хотя этот отход не затрагивал всю систему государственно-политических отношений и был лишь частичным, он способствовал тем не менее в свою очередь провоцированию сепаратистских настроений у имевших к ним предрасположенность слоев «туземного населения». Прогноз С.Ю. Витте о том, что принцип «узкого национализма», использовавшийся весьма широко в других странах мира, России, выступавшей отечеством для многих народов, входивших в ее состав, «ничего, кроме вреда, принести не может»[87] между тем подтверждался.

Когда в 1901 г. военному министру генерал-адъютанту Куропаткину поступило донесение командующего войсками Кавказского военного округа о значительном усилении нападений на Хасавюртовский округ Терской области, на записке, представленной об этом по Главному штабу, он наложил резолюцию: «Надо вооружить русское население»[88]. Предполагалось вооружить казачество Кубанской и Терской областей, а также русское (не казачье) и вообще не туземное население, которое близко соприкасалось с местами расселения горцев[89]. Тем самым власть упрощала возможности устранения конфликта, дополнительно создавая прецедент межэтнического противостояния.

---

[84] Там же; Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 1. С. 189.
[85] Витте С. Ю. Указ. соч. С. 30.
[86] Там же.
[87] РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 67154. Л. 6–6-об, 9-об.
[88] Жизнь национальностей. 1919. 27 апр.
[89] Жизнь национальностей. 1919. 27 апр.

Глава II
Нарастание межэтнической напряженности
Невостребованные возможности

Столкновения между казаками, более мобильной и лучше приспособленной к обстановке военной экстремальности части русского населения, и «туземными обществами» из-за действий разбойников становились и без того достаточно частыми. В начале XX в. отчетливо обозначились в связи с восстановлением набеговой традиции признаки нарастания конфликта, имевшего свойства стихийности и непредсказуемости. Устойчивость явления «зелимхановщины» порождала склонность к обвинению в содействии разбойникам всего «инородческого населения», что было, как свидетельствуют факты, неверно. Такая поддержка, безусловно, не опиралась на большинство, но неопределенность ситуации порождала озлобленность и подозрительность, которая не имела разграничений по каким-либо определенным этническим признакам и втягивала в конфликт все сообщества края.

Так, подвергавшиеся также нападениям абреков осетины, кабардинцы, лезгины и другие народы, по поступавшим в органы власти с мест донесениям, «ненавидели ингушей и чеченцев»[1]. В среде русского населения, например, в Грозном, при обострении межэтнических отношений намечались вспышки погромных движений под лозунгом «Бей чеченцев!», куда вовлекались казаки и солдаты воинских частей. Со стороны отдельных его представителей следовали предложения «выселения с Кавказа ингушей и чеченцев в Сибирь для водворения порядка». Проявлялась и склонность искать объяснение существования разбойничества в том, что «каждый горец по природе хищник», придерживавшиеся же таких взглядов руководители оказывались, как правило, не на высоте положения[2].

---

[1] ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 45. Л. 1–1-об; Жизнь национальностей. 1919. 27 апр.
[2] ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 526. Л. 3–4; Государственная дума. 3 созыв. Сессия 5. Ч. 4. Стенографические отчеты. Засед. 120–153 (с 30 апреля по 9 июня 1912 г.). СПб., 1912. С. 1619, 1624; Ошаев Х. Указ. соч. С. 8.

Попытки разоружения «инородческого населения» на фоне вооружения сопредельных казачьих станиц лишь подрывало престиж русской власти в крае. Это подталкивало и администраторов из «инородцев» на аналогичные действия по отношению к русскому населению, особенно в периоды ослабления центральной власти[3]. О размерах дестабилизации обстановки вследствие грабежей и разбоев можно судить в том числе по подаваемым прошениям, содержавшим одни и те же просьбы о защите. Они поступали в большом количестве в Совет министров и иные правительственные инстанции от различных обществ, уполномоченных Кавказского комитета овцеводства и т.д. Владикавказская дума ходатайствовала об установлении военной охраны в городе, подвергавшемся частым нападениям. В создавшихся условиях периодически происходили ответные действия, имевшие весьма трагические последствия[4].

Наиболее крупным и вследствие этого заметным в масштабах всей страны явилось событие 28–29 мая 1906 г. вокруг ингушского аула Яндырка, спровоцированное убийством его жителя на территории станицы Троицко-Карабулакской. После этого между казаками и ингушами данных населенных пунктов завязалась перестрелка. В конфликт включились казаки ряда других близлежащих станиц и совершили совместное нападение на аул. Для его обороны подоспели отряды ингушей из соседних селений. Сражение на его подступах продолжалось два дня. Оказавшись в отчаянном положении, ингуши обратились за помощью к власти[5].

Начальник второго участка Назрановского округа срочно переслал донесение в вышестоящие инстанции, так как не располагал необходимыми силами для восстановления порядка. Несмотря на серьезность конфликта и его возможные отрицательные последствия в условиях этнически неоднородного края, помощь из Владикавказа подоспела с опозданием. Прибывшие на место батальон пехоты Апшеронского полка, пулеметная рота и три сотни казаков из-за попустительства командования приняли участие в раз-

---

[3] Там же.
[4] Государственная дума. 2 созыв. Сессия 1. Стенографические отчеты. Т. II. Засед. 19–38 (с 1 июня по 4 июля 1906 г.). СПб., 1906; Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 1. С. 189.
[5] Там же.

громе аула. Настоятельные просьбы начальника округа полковника Котляревского «не громить беззащитный аул» не остановили трагедии. Старики, женщины и дети в ужасе разбежались в соседние леса. Среди защитников имелись убитые и раненые[6].

Данный случай проявления «узкого национализма» в разрешении ситуации лишь дестабилизировал и без того непростую обстановку. Он провоцировал «туземное население» на такой же экстремизм и в действительности усугублял положение. У ингушей возникло опасение, что их «хотят истребить». По этому поводу последовало даже обращение в Государственную думу, в котором они жаловались вместе с тем на то, что им негде искать «справедливости и защиты». По их утверждению, куда бы они ни обратились, им везде отвечают: «С казаками мы ничего не можем поделать»[7].

В телеграмме уполномоченных ингушского народа содержалась просьба «назначить… следствие по… делу» и удалить исполнявшего в момент столкновения обязанности областного начальника генерала Ржевуского, а также тех командиров подразделений, которые попустительствовали погрому. Это касалось и атамана Сунженского отдела генерала Суровецкого, возглавлявшего прибывшие к месту происшествия сотни казаков. Он-то как раз и сыграл главную роль в инциденте, следуя своим прежним обещаниям за грабежи и разбои «согнуть в бараний рог горцев»[8]. Производившие впоследствии расследование по поручению наместника военные также сообщили ему в секретном отчете, что «главными виновниками если не начала вооруженного столкновения, то, во всяком случае, его развития и перестрелки… являются административные лица»[9].

Меры, принятые по итогам расследования, возымели воздействие лишь на какое-то время. И.И. Воронцову-Дашкову не удалось, несмотря на предпринимавшиеся усилия, добиться перелома. Отклонения в проводи-

---

[6] Там же.
[7] Государственная дума. 2 созыв. Сессия 1. Стенографические отчеты. Т. II. Засед. 19–38 (с 1 июня по 4 июля 1906 г.). СПб., 1906. С. 1038.
[8] Мартиросиан Г.К. Нагорная Ингушетия. Социально-экономический очерк // Известия Ингушского научно-исследовательского института краеведения. Вып. 1. Владикавказ, 1928. С. 56.
[9] Там же.

мой политике в связи с притоком не имевших опыта кадров продолжались. В 1910 г. при преследовании абреков, предводимых Зелимханом, по вине ответственных за операцию был допущен вновь погром нескольких ингушских аулов, заподозренных в укрывательстве разбойников. Такие же действия в отношении «туземного» населения предпринимались отрядами, посылавшимися для поимки разбойников, и в других местах края. Так, один из них под командой Ляхова подверг обстрелу из артиллерии и несколько осетинских селений[10] (по всей видимости, мусульманских. – В.М.).

Необходимо заметить, что отношения между ингушами и казаками стали обостряться из-за состояния аграрной перенаселенности, наступившего на Северном Кавказе на рубеже XIX–XX вв. Это вызывалось целым комплексом разнообразных причин, среди которых немаловажное значение имел рост численности «туземного населения». Поселения казаков в некоторых местностях выполняли функции разделительных линий для предотвращения столкновений между враждовавшими между собой на протяжении многих веков различных этнических общностей края.

В зоне произошедшего конфликта, например, полоса из казачьих поселений вводилась в свое время для прекращения столкновений между ингушами и осетинами, которые до этого были постоянными и сопровождались жертвами с обеих сторон. Но в указанный промежуток времени в конфликт с ингушами и чеченцами были втянуты казаки. Только в 1905–1907 гг. произошло несколько кровопролитных межэтнических столкновений. Станичные общества, встревоженные тем, что «туземная преступность достигла небывалых размеров», вырабатывали меры борьбы с ней и составляли по этому поводу в огромном количестве специальные приговоры. Пострадавшие и ограбленные, не полагаясь на возможности краевой власти, искали защиты в Совете министров и в Государственной думе, подавая все новые и новые прошения[11].

В горских обществах весьма широко велась агитация «за отобрание

---

[10] РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 469. Л. 26; Янчевский Н.Л. Гражданская борьба на Северном Кавказе. В 2 т. Т. 1. Ростов н/Д, 1927. С. 105, 107.

[11] Государственная дума. 3 созыв. Сессия 5. Ч. 4. Стенографические отчеты. Засед. 120–153. (с 30 апреля по 9 июня 1912 г.). СПб., 1912. С. 1619–1620; Мартиросиан Г. К. Указ. соч. С. 56.

казачьих земель», что усиливало напряженность. Это неоднократно подтверждалось и оперативными наблюдениями. Так, в результате одного из них было установлено, что такую агитацию в нагорной Чечне вел Т.Э. Эльдарханов, депутат Государственной думы 1 и 2-го созывов от Терской области. Он настраивал проживавших там чеченцев на скорый возврат «всех земель, отнятых у них для казачьих станиц»[12]. Пропаганда мифа «об отобранных землях» также оказывала влияние на формирование мировоззренческих установок и для стабильности в регионе имела негативные последствия. Она способствовала распространению основанного в немалой степени на искажениях в восприятии прошлого установления государственного единства России с Северным Кавказом, приведшего чуть позже терское казачество к трагедии.

Реакция на события у аула Яндырка была неадекватной обстановке и порождала у ингушей законное чувство обиды. Она послужила в том числе появлению версии «о намеренном угнетении русской государственностью туземных народностей», нашедшей отражение первоначально в ряде думских запросов, а затем превратившейся в версию, обретшую на последующих этапах широкое распространение. Негативная информация о России, отражавшая одну из тенденций в ее развитии в условиях кризиса в начале XX в., стала абсолютизироваться и отрываться от контекста исторических реалий.

Критические возражения, последовавшие в 1911 г. от библиотекаря «Терского общества казачьей старины» Г.А. Ткачева, хотя и опирались на объективные сведения[13], оказались в конечном итоге в связи с усилением иных представлений всего лишь эпизодом в защите правды о прошлом. Изложенные в опубликованной брошюре с весьма красноречивым названием «Ингуши и чеченцы в семье народностей Терской области» обоснования с интересом были выслушаны казаками, входившими в общество, и одобрены ими. Главная же идея была призвана работать, как видно, на единство с

[12] РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1115. Л. 27–27-об.

[13] Ингуши и чеченцы в семье народностей Терской области. Пояснительная записка к Думскому запросу, составленная библиотекарем «Терского общества любителей казачьей старины» Г.А. Ткачевым и читанная в заседании общества 8-го января 1911 г. Владикавказ, 1911. С. 5.

горцами. Примечательно, что и после столкновения с казаками ингуши возлагали надежды на русскую власть, что нашло выражение в обращении их в Государственную думу. Они чужды были в подавляющей массе сепаратистским устремлениям и связывали свое будущее с обновлением, озарившим «все российские народности», подтверждая еще раз «горячую любовь к России»[14].

Межэтнические столкновения тем не менее для целостности империи при другом стечении обстоятельств могли превратиться в условие разрушения. Опасность недооценивалась, видимо, и на самом высоком государственном уровне. На это, в частности, указывает реакция Николая II на сообщенные ему тревожные сведения о том, что «столкновения между чеченцами и казаками, живущими по соседству, приносят материальный ущерб и человеческие жертвы»[15]. На просьбу в связи с этим «принять меры к смягчению обстановки» он легкомысленно ответил: «По моему мнению, именно это соседство и поддерживает в казаках их старую дедовскую удаль, а посему принимать меры к смягчению обстановки нет никакой надобности»[16].

Это уже потом, после того, как стали очевидными допущенные ошибки, произошел возврат к прежней политике России в отношении окраин и Николай II, как носитель верховной власти, всячески ему содействовал. Но исправить упущения оказалось непросто. Для этой цели между тем предпринимались, хотя и с опозданием, необходимые меры. Из государственного аппарата прежде всего были устранены несоответствующие своему положению представители власти. В него привлекаются новые административные силы, в том числе недостаток опытных кадров отчасти начали восполнять за счет ветеранов Кавказской войны, хорошо знавших местную специфику[17].

Это нашло выражение и при восстановлении по указу царя в 1905 г. наместничества, что должно было, как предполагалось, способствовать

---

[14] Государственная дума. 2 созыв. Сессия 1. Стенографические отчеты. Т. II. Засед. 19–38 (с 1 июня по 4 июля 1906 г.). СПб., 1906. С. 1038.
[15] Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 1. С. 204.
[16] Там же.
[17] ЦГИА РГ. Ф. 94-с. Оп. 1. Д. 326. Л. 215.

преодолению проявлений «национальной обособленности»[18]. Во главе его был поставлен граф И.И. Воронцов-Дашков, принимавший участие в покорении Северо-Восточного Кавказа и штурме Гуниба, последнего пристанища имама Шамиля и его мюридов. В случае «беспорядков» он мог также принимать решения и о применении силы оружия[19].

Вместе с тем по его настоянию для разработки способов противодействия «преступности» созываются смешанные съезды из посланцев русского и «туземного населения» Кавказа: в июне 1907 г. во Владикавказе – ингушей и осетин, между которыми возобновились столкновения, в апреле 1909 г. в Грозном – «туземных народов», и т.д. В их состав для повышения авторитетности решений в обязательном порядке включались муллы, кадии (судьи), старшины, начальники участков, почетные старики различных обществ, шейхи, землевладельцы, представители казачества, офицеры из «инородцев» и русских, а также другие посланцы аулов, станиц и селений края[20].

Наряду с этим было предпринято изучение предшествующего опыта управления Кавказом[21]. Стремление справиться с нестабильностью в регионе с опорой на исторические познания, необходимо заметить, также опиралось на опыт утверждения владычества России на Кавказе, который показывал, как и в других аналогичных случаях, что они являются не менее эффективным средством стабилизации, чем только опора на силу оружия. По крайней мере, ретроспективные знания помогают действовать осознанно, а не вслепую. В ту эпоху успех предопределяли двойственные подходы: консциентальное воздействие на ситуацию при помощи всемерного поддержания нравственного авторитета России и проведение войсковых операций там, где этого требовали обстоятельства.

При этом покоряемым народам показывалось, что примирение сделает их без каких-либо исключений полноправными подданными империи. Некоторые ограничения устанавливались для них, согласно официальным

[18] РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 940. Л. 17; ЦГИА РГ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 749. Л. 9-об.
[19] РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 1. Л. 23, 33-об.
[20] Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 1. С. 203.
[21] Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. В 2 т. Тифлис, 1907. Т. I–II.

разъяснениям, лишь на переходный период, «исходя из… духа вновь покоряемого народа» и предполагалось, что они «дадут время и средство» для того, чтобы «удержание горцев в покорности военной силой сменилось владычеством, основанном на нравственной силе»[22]. В начале XX в., несмотря на наметившиеся отклонения, официальная позиция по-прежнему в преобладающей степени сводилась к намерению поставить население Кавказа «в уровень с населением внутренней России»[23].

Разъясняя ее основополагающую направленность, наместник его императорского величества граф И.И. Воронцов-Дашков дал и более точное определение ее содержания: «верноподданные кавказцы должны стать… действительными сынами общего отечества»[24]. Вместе с тем он, как и другие руководители, осознавал, что исключить применение силы оружия в урегулировании обстановки невозможно, поскольку дестабилизация достигла угрожающих для государственной безопасности пределов. Именно его применение в сочетании с консциентальным (мировоззренческим) воздействием предопределило исход Кавказской войны в интересах России и большинства «туземных народов» края. И после ее завершения «неотвратимость наказания» выступала важнейшим элементом поддержания порядка.

Пока этот критерий, являющийся важнейшим показателем эффективности любой государственной власти, выдерживался, разбоев и грабежей в крае в первые десятилетия после окончания Кавказской войны не наблюдалось. Тем не менее на местах в ряде случаев допускались искажения, и некоторые исполнители делали ставку лишь на результативность силового воздействия в стремлении как можно быстрее прекратить разгул разбойной стихии. С таких позиций действовал, например, капитан Генерального штаба Вербицкий, возглавлявший неоднократно карательные экспедиции в Терской и Дагестанской областях[25].

Так, в 1907 г. в своем послании наместнику он изложил следующие соображения на перспективы урегулирования ситуации: «Я бы предложил

---

[22] АКАК. Т. 12. С. 423.
[23] Всеподданнейший отчет за восемь лет управления Кавказом генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб., 1913. С. 18.
[24] Там же.
[25] Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 1. С. 196.

им (чеченцам) или открыто присоединиться к Зелимхану, или выдать его нам, рискуя в противном случае имуществом и даже жизнью». По его убеждению, войскам «гораздо легче справиться с целым многосемейным народом, чем с шайкой, которую он прячет»[26]. Для стабилизации обстановки между тем задействовались не все возможности. Игнорировался, в частности, потенциал самого «туземного населения», который задействовался последовательно по ходу Кавказской войны и способствовал успешному для России ее завершению.

Подавляющая часть чеченского народа, в среде которого разбойничество получило наибольшее распространение, как показывают факты, не хотела обострения отношений с имперской властью и русским населением. Об этом, в частности, свидетельствует и то, что когда стали производиться наборы стражников из горцев для охраны помещичьих имений в центральной России, где происходили массовые выступления крестьян, чеченцы выразили по этому поводу крайнее недовольство. В отношении тех, кто записывался, сыпались проклятия: «Дай Аллах, чтобы все погибли, никто из вас не возвращался бы назад, что вы хотите позорить свой народ, накликать беду на его голову»[27].

На следующий же день после отправки стражников, 17 июня 1906 г., от имени чеченского народа доверенными лицами была послана телеграмма Д. Муромцеву, председателю Государственной думы, а копии – депутатам от Терской области Т. Эльдарханову и А. Маслову. Ее экземпляр был направлен и наместнику его императорского величества на Кавказе графу И.И. Воронцову-Дашкову. В телеграмме содержалось требование прекратить «вовлекать чеченцев в позорную сделку», стражников немедленно вернуть, так как они «могут явиться источником раздора, народной распри и вооружат против чеченцев многомиллионный русский народ». В тексте была сделана также приписка, что эту обеспокоенность «разделяет и русская часть населения»[28].

«Туземные общества» по всему Северному Кавказу изъявляли готов-

[26] Там же.
[27] Там же. С. 188–189.
[28] Там же. С. 189.

ность включиться в борьбу с теми, кто занимался грабежами. Для этого предпринимались соответствующие инициативы, показывавшие, что явление пользовалось лишь частичной поддержкой. Население Кюринского округа Дагестанской области, например, убило действовавшего там не один год разбойника Бабу, а двух его товарищей выдало капитану Вербицкому. В кабардинских и балкарских аулах были созданы специальные отряды для противодействия разбойникам. В 1911 г. ингуши образовали охранную сотню, занимавшуюся преследованием мелких преступников и грабителей[29].

Однако те, кому тогда была вверена судьба края, не сумели, как видно, воспользоваться этой возможностью, и относились к ней даже с некоторым недоверием. Из Терской постоянной милиции уволены были почти все горцы. Высказывалось мнение о необходимости укомплектования ее «исключительно русским элементом из отставных казаков и запасных нижних чинов». В одном из приказов численность горцев была установлена в пределах 10%. Превышение этого показателя считалось недопустимым[30]. Впоследствии это формирование, превратившееся в смешанное по составу, было преобразовано на таком же принципе в Терскую охранную стражу, куда привлекались прежде всего кровники абреков и казаки[31], наиболее заинтересованные в достижении поставленных задач.

Основания для такого недоверия, безусловно, были. Некоторые служащие из «туземцев» оказывали содействие разбойникам, передавали им информацию, и т.д. Так, население Закатальского округа Дагестанской области, обращаясь в правительственные инстанции за помощью, обвинило начальника Кахского участка в сношениях с шайкой разбойника Джавад-оглы. «Разбой возведен, – как констатировалось не раз по мере обострения ситуации в крае, – в правильную систему, находящую себе покровительст-

[29] Государственная дума. 3 созыв. Сессия 5. Ч. 4. Стенографические отчеты. Засед. 120–153 (с 30 апреля по 9 июня 1912 г.). СПб., 1912. С. 1644; Государственная дума. 3 созыв. Сессия 5. Ч. 4. Стенографический отчет. Засед. 138, 23 мая 1912 г.; История Кабардино-Балкарской АССР. В 2 х т. Т. 1. М., 1967. С. 283; Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 1. С. 204.
[30] Там же.
[31] Ошаев Х. Указ. соч. С. 7–9.

во в некоторых представителях низшей администрации»[32]. Но в восприятии этих рецидивов отсутствовала объективность, соответствовавшая в полной мере реальности, и вследствие этого допускались преувеличения.

На возможность использования потенциала «туземного населения» в борьбе с разбойниками указывает, в частности, то, что всеобщей поддержки у них не было. Продолжающая же фигурировать в историографии версия, появившаяся еще в 20–30 гг. XX в., с утверждением обратного, так и не обрела, на мой взгляд, доказательной подтвержденности фактами. Помощь русской власти со стороны местного населения могла принять и более массовые размеры, если бы престиж ее не подрывался изложенными выше обстоятельствами. Отношение к ней существенно меняла к худшему, вдобавок ко всему, коррупция, получавшая широкое распространение, особенно в низших звеньях административного аппарата. Места же в нем занимались, в соответствии с российской практикой управления окраинами, только представителями «туземного населения». Допускались они и на более высокие должности.

В неменьших размерах с коррумпированностью «туземного» управленческого персонала столкнулась и Англия, после того как в своих колониях стала допускать его коренизацию. Подкупными оказались в том числе и суды, составлявшиеся из жителей зависимых провинций. Попытки поставить их под надзор английских чиновников не привели к кардинальным изменениям[33]. Коррупция же на Кавказе выступала кроме того своего рода связующим звеном между отдельными представителями власти и разбойниками. Получавшие от них взятки чиновники разных уровней потворствовали грабежам, покрывая преступников. Замеченные в этом, правда, сразу же отстранялись от должностей и подвергались арестам[34]. Несмотря на это, коррупция была достаточно распространенной и, несомненно, понижала результативность борьбы.

Такую же роль она играла и в других пределах империи. Например, в

---

[32] Государственная дума. 3 созыв. Сессия 5. Ч. 4. Стенографический отчет. Засед. 138, 23 мая 1912 г.

[33] Индия под английским владычеством. Сочинение барона Барту де Паноэна. Пер. с фр. Т. 1. Университетская типография. М., 1848. С. 543.

[34] Новая жизнь. 1917. 17 (30) июня.

той же Бессарабской губернии даже высокие полицейские чины брали у боевиков, связанных с партией эсеров, «крупные взятки… а в качестве ответной любезности закрывали глаза на их преступления»[35]. Но на северокавказской окраине данное явление – срастание государственного аппарата с преступными элементами на основе коррупции – приняло наиболее угрожающие формы. В 1908 г. по этому поводу в Государственную думу был внесен «Кавказский запрос», в котором авторы выступили с тревожным обличением краевой администрации. На заседании 20 декабря было произведено его заслушивание[36].

Внимание присутствующих было обращено на то, что на Кавказе «идет развал на почве лихоимства, мздоимства, потворства со стороны русской администрации националистам»[37]. После обсуждения запроса последовало лишь обращение «высоко держать на Кавказе знамя русской государственности», не имевшее каких-либо последствий. В 1911 г., выступая в кадетской фракции, в которой происходило очередное рассмотрение вопроса, Вербицкий, владевший как практик наиболее достоверной информацией, открыто признал, что «чины администрации сносились с разбойниками»[38]. Из-за этого не в последнюю очередь престиж правительственной власти оказался подорванным[39].

Высшие ее представители, так же, как и администраторы на местах, включая наместника И.И. Воронцова-Дашкова, руководствовавшиеся нравственными критериями и болевшие душой за державу, не смогли этому воспрепятствовать. А коррупция между тем расшатывала устои империи. Несмотря на это, авторитет России на Кавказе сохранялся. Его вполне можно было задействовать для преодоления сепаратистских проявлений. Для этого нужна была соответствующая политика, опирающаяся в том числе как и в эпоху Кавказской войны, на потенциал самого «туземного насе-

---

[35] Бурин С.Н. Указ. соч. С. 100–101.
[36] ЦГИА РГ. Ф. 94-с. Оп. 1. Д. 326. Л. 215; Государственная дума. 3 созыв. Сессия 5. Ч. 4. Стенографический отчет. Засед. 138. 23 мая 1912 г.
[37] Там же.
[38] Государственная дума. 3 созыв. Сессия 5. Ч. 4. Стенографический отчет. Засед. 138. 23 мая 1912 г. СПб., 1912.
[39] ЦГИА РГ. Ф. 94-с. Оп. 1. Д. 326. Л. 215; Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 1. С. 206.

ления». Возможности же его использования для стабилизации обстановки в начале XX в. были, несомненно, выше, чем в тот период. Однако для этого делалось не все.

Этническая вандея

Нестабильность на Северном Кавказе развивалась по нарастающей, переходя в ряде случаев в открытые межэтнические столкновения. Для их предотвращения все чаще стали предприниматься меры военного принуждения, в особенности после того, как краевая власть заручилась поддержкой общественных организаций и «смешанных съездов» из представителей русского и «туземного населения» Кавказа, созывавшихся неоднократно для выработки решений по борьбе «с развивающейся преступностью»[40].

В 1907 г. наместник издает приказ, по которому с 7 июня в крае вводится чрезвычайное положение, а с 15 июня на военном положении объявляется Терская область. В неспокойные районы Кавказа снаряжаются карательные экспедиции. Отряды пехоты, усиленные артиллерией, и казачьи сотни производят прочистку аулов. К «туземным обществам», заподозренным в укрывательстве разбойников, применяются репрессии. Неблагонадежные аулы подвергаются по принципу круговой поруки штрафам, в некоторых из них размещаются войсковые части на постой, а в обязанность обществ, предоставлявших убежище абрекам, вменяется содержание оставляемых команд. При преследовании разбойников карательные отряды иногда открывали стрельбу по мирному населению. По отношению к принимавшим участие в набегах и тем, кто оказывал им содействие, применяются административные высылки в Сибирь и другие места империи. Муллы, поддерживавшие абреков, ссылаются в Астрахань и Калугу[41].

Репрессии озлобили население равнинных аулов против Зелимхана, и он вследствие этого, видя, что существовавшие добрые связи с ним уже на-

---

[40] Государственная дума. 3 созыв. Сессия 5. Ч. 4. Стенографические отчеты. Засед. 120–153 (с 30 апреля по 9 июня 1912 г.). СПб., 1912. С. 1619, 1632, 1636; Ошаев Х. Указ. соч. С. 9; Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 1. С. 204, 217; Мужев И.Ф. Указ. соч. С. 78.
[41] Там же.

рушены, в 1910 г. удаляется с семьей в горы, совершает там поездки по аулам, где находит сочувствие. Однако в равнинных обществах поддержка у него и до этого была не столь значительна, ему симпатизировала лишь какая-то часть «туземного населения». В подавляющей массе оно с пониманием относилось к необходимости борьбы с разгулом разбойной стихии и вносило свой вклад в противостояние. Превосходно, по отзывам русских офицеров, несли службу, например, кровники абреков, привлекавшиеся в Терскую охранную стражу. Тем самым для достижения успеха задействовались родовые традиции. Для прекращения разбойных нападений и получившей широкое распространение «туземной преступности» изыскивались и иные средства. Но она продолжала расти и в 1912 г. даже усилилась[42].

Только после уничтожения ближайших сподвижников Зелимхана, чеченца Аюба и ингуша Саламбека, сыгравших главные роли в беспрецедентном по своей дерзости нападении на Кизляр и в ряде других нашумевших разбойных нападений, а затем и гибели его самого в 1913 г., активность их резко пошла на спад. Очевидно, что фаза ее подъема зависела в немалой степени и от патерналистского начала, то есть наличия опытного предводителя. С вступлением же России в Первую мировую войну в 1914 г. и распространением на окраинах империи патриотических настроений относительная популярность разбойников среди населения во всех местностях, где наблюдалась их деятельность, в том числе и на Северном Кавказе, заметно снизилась[43].

Объясняется это прежде всего воздействием на самосознание горцев фактора внешней опасности для государства, которое они признавали своим отечеством. В создавшихся условиях это мировоззрение на какое-то время, до нового витка развития кризиса в стране, обрело конструктивность, превратившись в идею единения и общегражданской консолидации. Вне всякого сомнения, она не достигла всеохватывающей полноты, но снижение интенсивности преступлений в крае даже на непродолжительный срок – факт весьма показательный. Принимавших в них участие, в частности абреков, в условиях Первой мировой войны удавалось привлекать даже

[42] Там же.
[43] Бурин С.Н. Указ. соч. С. 142; Мужев И.Ф. Указ. соч. С. 120.

в русскую армию, в составе которой они оправдывали изначально возлагавшиеся на них надежды командования. Отдельные же попытки грабежа населенных пунктов противника по ходу боевых действий пресекались.

Примечательно и то, что все допущенные ранее просчеты в управлении и межэтнические столкновения не повлияли на успешный исход мобилизационных мероприятий на Северном Кавказе. Представители «туземного населения» неоднократно заявляли еще на предшествующих этапах, когда верховная власть и различные правительственные структуры оказывались не в состоянии прекратить разбои, что возлагают надежды в решении этой проблемы на русский народ, который «утвердит свою волю» и обеспечит проведение прогрессивных преобразований[44]. Но, безусловно, сохранялась и другая тенденция, находившая выражение в росте сепаратистских настроений. Их соотношение, как показывали различные события в начале XX в., было явно не в пользу последней.

По мере усиления государственного кризиса после Февральской революции межэтнический конфликт в регионе, вызванный набегами, разрастался. Наибольшего размаха он достиг в конце 1917 – начале 1918 гг. Из стихийных спорадических стычек в Терской области противостояние постепенно переросло тогда в настоящую войну, которую по всем признакам (социально-экономическим, конфессиональным, политическим и т.д.), на мой взгляд, следует причислить к совершенно неизученной разновидности вандеи[45].

Особенностью же ее является не сословно-классовая, а, как видно из европейских аналогий, этническая сплоченность, когда тот или иной народ как бы единым монолитом поднимается против другого в пределах не однородного по этническому составу государства, добиваясь чистоты «своей» территории и ее сепаратистского обособления. В обычном, классическом типе вандеи таким монолитом, как правило, выступало крестьянство (зажиточное, среднее и беднейшее), боровшееся за реставрацию порушенных ре-

---

[44] Государственная дума. 3 созыв. Сессия 5. Ч. 4. Стенографические отчеты. Засед. 120–153 (с 30 апреля по 9 июня 1912 г.). СПб., 1912. С. 2408–2409.

[45] См. подробнее: Матвеев В.А. Исторический опыт противостояния сепаратизму на Северном Кавказе и современность // Исследование по прикладной и неотложной этнологии РАН. № 147. М., 2002.

волюционными переменами феодально-монархических порядков. В российских условиях этническая вандея из-за общегражданского векторов притяжения в конце концов утратила этот важнейший признак, претерпев социально-политический распад в соответствии с общими для страны процессами[46].

Первоначально при ее проявлениях в восточных районах северокавказской окраины, преимущественно в контактной зоне расселения чеченцев, ингушей, терских и сунженских казаков, встречалось все, что ей обычно присуще, вплоть до взаимных погромов, приводивших к перемещению населения и появлению беженцев. Но при этом антирусская направленность погромов в связи с образовавшейся значительной диспропорцией в соотношении мужского населения (русские по закону о воинской повинности с началом Первой мировой войны были призваны в армию) была все же более мощной. Набеги приводили к огромным жертвам среди оставленного фактически без защиты восточнославянского населения.

Согласно сохранившимся сводкам, в подвергшихся нападению русских селениях находили «сотни трупов». Трагичность положения красноречиво запечатлена в одной из телеграмм, посланных в 1917 г. в Петроград министру-председателю А.Ф. Керенскому: «На Кавказе уничтожают русское население, грабежи, насилия, убийства. Жители бегут. Комиссары-мусульмане бездействуют. Где власть? Укажите. Долго ли будут мучить и унижать людей мусульмане?»[47] Разорению подвергались также аулы мирных горцев (чеченцев, ингушей и др.), добровольно принявших когда-то подданство России, придерживавшихся ее ориентации и в обстановке наступившей государственной дестабилизации. Именно это обрекло этническую вандею на распад и предопределило ее несостоятельность даже в этом крае, издавна отличавшемся конфликтностью отношений между различными расселявшимися в его пределах общностями.

Сам же раскол по мере разрастания масштабов трагедии становился

---

[46] Матвеев В.А. Украинский кризис 2014 г.: ретроспективное измерение (особенности исторической кодификации в восточнославянской этнической среде на юге Российской империи и ее проявление в новейшую эпоху) / Ростов н/Д, 2015. С. 221–234.
[47] РГИА. Ф. 1276. Оп. 21. Д. 3. Л. 5.

все глубже. При виде бессилия властей часть горцев стала стихийно создавать отряды, бравшие по собственной инициативе русское население под защиту. Свою враждебность к нему демонстрировали, таким образом, отнюдь не все «туземные общества». Показателен и тот факт, что в условиях наступившей политической неопределенности они оказались восприимчивы, с одной стороны, к призывам сепаратистов, так и не получивших в конце концов достаточной для самоутверждения поддержки однородцев, а с другой – к осознанию того, что им «нельзя без России». О «горячей любви» к ней представители горцев заявляли не раз в моменты возникновения для нее внешней опасности. Делались такие заявления и на многочисленных съездах, проходивших как на краевом, так и государственном уровнях в 1917 г.

Эта психологическая настроенность проявилась также при подходе турецких войск к пределам мусульманских областей Северного Кавказа в 1918 г., хотя их наступление агентура старалась представить как «освободительную миссию единоверной державы» и придать ему окраску священной войны против неверных. Несмотря на то, что сил остановить вторжение у России тогда не было, большинство горцев, вместо поддержки газавата, заявило на состоявшихся народных съездах, что будут защищать с оружием в руках ее границы. В оперативном донесении от 19 сентября 1918 г., посланном из края в г. Царицын К.Е. Ворошилову, по этому поводу сообщалось: «Турецкий режим вызвал восстание азербайджанцев в Закавказье… Чеченцы твердо решили не пропускать… турок и всю живую силу отдали Советской власти»[48].

Подтверждением пророссийских настроений могут служить, в частности, неоднократные конфликты Грузии с абхазцами и южными осетинами в 1918–1921 гг., которые разрешались военным путем и имели по отношению к последним типологические признаки этнической вандеи[49]. Данное противостояние в пределах Кавказа в тот промежуток времени, равно как и на современном этапе, предопределялось пространственным (земельным)

[48] РГВА. Ф. 100. Оп. 8. Д. 12. Л. 36.
[49] Нодия Г. Политическая смута и этнотерриториальные конфликты в Грузии // Спорные границы на Кавказе / под ред. Бруно Коппитерса. М., 1996. С. 93.

фактором. Вопреки существующему мнению, его нельзя, на мой взгляд, отнести к разновидности «этнотерриториальных»[50] с сугубо внутренними противоречиями из-за субъектной идентичности. В противостоянии абхазцев и южных осетин притязаниям Грузии прослеживалось отрицание двойных стандартов в праве наций на самоопределение и стремление сохранить этничность в составе России.

В записке, составленной в начале 30-х гг. XX в. для польской разведки Б. Байтуганом, который непосредственно наблюдал события революции и гражданской войны на Северном Кавказе, враждебность горцев к русским преувеличена. Как представитель последователей сепаратизма он сообщал и о «всеобщей» органической ненависти «масс ко всему, что русское»[51]. Однако ничего подобного в действительности не наблюдалось. Формирование такой разновидности гражданской войны как этническая вандея в пределах северных и южных ареалов края наталкивалось и в условиях политической неопределенности на сохранявшуюся силу притяжения российской государственности. Сплачивающая массы идеологическая составляющая так и не сложилась.

Об отсутствии цельной сепаратистской доктрины информацию не обошел вниманием и Б. Байтуган. Сформулировать ее оказалось невозможно и на основе ислама. Этому противостояла значительная часть мусульманского духовенства. Попытки отделения от России наталкивались на «недоверие масс»[52]. По подтверждению самого Б. Байтугана, «идея… независимости» не находила в их среде поддержки[53]. Российская идентичность мусульманского населения Северного Кавказа оказалась фактором преобладающим. Этническая же вандея от националистической отличается отсутствием в том числе объединяющей идеи. Ее роль, несмотря на драматизм ситуации, по-прежнему играла Россия как отечество для всех входивших в ее состав народов.

---

[50] Там же. С. 92.
[51] «Кристаллизация» горского освободительного движения. Размышления Б. Байтугана об истории мусульман Северного Кавказа и Дагестана // Вопросы истории. 2001. № 5. С. 25.
[52] Там же. С. 18, 24.
[53] Там же. С. 20.

Заключение

Проведенный анализ вместе с тем позволяет выделить следующее. Набеговая практика не являлась следствием военных действий России на Кавказе. Ее существование можно проследить задолго до присоединения местных народов. Россия всячески сдерживала набеги, от которых страдали и сами горцы. Не наблюдалось их в крае лишь после окончания Кавказской войны. Из-за восстановления набеговой экспансии в начале XX в. Россия столкнулась вновь с нарастанием крупного регионального конфликта. Отношение к набегам основной массы самого «туземного населения» было негативное. Всеобщей поддержки у явления не было.

Однако разбойничество на Северном Кавказе на рубеже XIX–XX вв. обретало своеобразную сепаратистскую направленность, выражавшуюся в попытках выдавливания при помощи террора и хозяйственного разорения восточнославянского населения за пределы края и мести тем горским обществам, которые устойчиво придерживались российской ориентации. Данный сепаратизм не имел сходства с другими разновидностями. На Северном Кавказе, как и на других окраинах России, национально-освободительных движений не наблюдалось и сепаратизм, при отсутствии широкой общественной поддержки, обретал экстремистские вариации.

Немаловажную роль в нарастании регионального конфликта играл идеологический фактор. При этом религия в нем не имела преобладающего значения, хотя в некоторых отрядах разбойников принимали участие и муллы. Но набеги, в том числе с антирусской направленностью, поддерживала лишь часть мусульманского духовенства. Идеологическую подпитку восстановлению набеговой традиции и усилению ее сепаратистских проявлений давал отход от реалистических оценок в восприятии прошлого, связанного с Кавказской войной и обстоятельствами включения региона в состав империи.

Происходила стихийная организация исторических знаний. Возрастной контакт поколений в специфических местностях Северного Кавказа оказался при крайне низком уровне просвещенности населения решающим

в формировании представлений у части горцев. В условиях наметившегося государственного кризиса воспроизводство реалистического восприятия прошлого постепенно ослаблялось. Идеализация его под иным углом зрения среди тех, кто поддерживал в разные периоды Шамиля, усиливалась.

Данные представления способствовали консолидации части населения на антироссийской основе. Сепаратистская трансформация набеговой традиции могла быть ослаблена целенаправленным просвещением местных народов. Политика государства в данном отношении не была до конца оформлена. На местах делалась ставка лишь на результативность силового воздействия, потенциал самого «туземного населения» игнорировался. Между тем оно изъявляло готовность включиться в борьбу с разбойничеством. Помощь русской власти в этой связи могла принять и более массовые размеры.

Представители краевой администрации восстановление набеговой практики на Северном Кавказе в начале XX в. связывали с нерешенностью аграрного вопроса, с обострением экономической ситуации, вызванной сокращением земельных наделов. В проводившейся политике на предшествующем этапе между тем производилось его решение в том числе в интересах «туземного населения». Обращение его к мирному созидательному труду рассматривалось в качестве одной из важнейших мер постепенного гражданского приобщения. В большей части горских обществ аграрный вопрос получил разрешение.

Мнение, существовавшее в том числе в органах управления, что на путь разбоев горцев подталкивало малоземелье в действительности оказалось не совсем верным. Появление сепаратистских признаков в восстановившейся практике набегов на рубеже XX в. обуславливалось отнюдь не только нарастанием экономического кризиса. Немаловажную роль в восстановлении набеговой традиции стал играть мировоззренческий фактор, связанный со стихийной организацией знаний о прошлом. При смене возрастных групп в составе «туземного населения» наметилась его идеализация. Подрастающие поколения воспитывались на героизированных рассказах о Кавказской войне. Для формирования сепаратистских настроений ис-

пользовалась идеализация практики имамата и личности самого Шамиля. Преобладающее значение возрастного контакта в становлении сепаратистских настроений и порождающих их мировоззренческих установок подтверждается демографическими показателями. Натиск набегов был сильнее именно там, где происходил наиболее интенсивный прирост населения.

В среде «туземного» населения наметилась наряду с этим идеализация набеговой традиции. Соответствующие действия оправдывались «обидой на несправедливости властей» и клятвой кровной мести. Разбойники расправлялись с представителями администрации, честно исполнявшими свой долг перед соплеменниками и государством. Объектами грабежей являлись государственные учреждения, усадьбы крупных земельных собственников, промышленные заведения, воинские посты, железные дороги и т.д. Действия разбойников вследствие этого неизбежно сопровождались разрушениями средств производства, снижая эффективность государственного управления.

В начале XX в. отчетливо обозначились в связи с восстановлением набеговой традиции признаки нарастания конфликта, имевшего свойства стихийности и непредсказуемости. Устойчивость явления, «зелимхановщины», порождала склонность к обвинению в содействии разбойникам всего «туземного населения». Между тем такая поддержка не опиралась на большинство. Неопределенность обстановки втягивала в конфликт все этнические сообщества края. Казачьи станицы, встревоженные тем, что «туземная преступность достигла небывалых размеров», вырабатывали меры борьбы с ней и составляли по этому поводу в огромном количестве специальные приговоры. В горских обществах весьма широко велась агитация «за отобрание казачьих земель», что усиливало напряженность. Пропаганда мифа о возвращении утраченного пространства также оказывала влияние на формирование мировоззренческих установок. Для стабильности в регионе она имела негативные последствия.

Участников набегов нельзя относить к «крестьянским бунтарям». Аграрным движениям присуща связанность с интересами сельскохозяйственного производства. Для разбойников побуждением к действиям выступали

обычные экспроприации. Нападения в ряде случаев не имели этнических различий. Им подвергались расположенные как на русских, так и «инородческих» территориях поселения. Но террору и хозяйственному разорению по признаку этнической принадлежности подвергалось преимущественно восточнославянское население. Но это воздействие предпринималось прежде всего по отношению к вновь прибывшим переселенцам. Под его влиянием миграция их на окраину приостановилась.

Пропагандировалась при осуществлении набегов в ряде случаев и «идея горской независимости». Антироссийская направленность в деятельности разбойников выступала одним из проявлений сепаратизма, но отнюдь не национально-освободительного движения, для которого необходима более широкая этнополитическая поддержка. Отряды разбойников насчитывали от нескольких десятков до сотен человек. Укрывательство их зачастую вызывалось страхом. Сепаратизм на Северном Кавказе отражал настроения лишь части населения, причем отнюдь не преобладавшей. Это указывает на ошибочность отождествлений с национально-освободительными движениями[54]. В немалой степени от возобновившихся набегов страдало и само «туземное население».

Мусульманское духовенство осуждало разбои. В проповедях оно предавало проклятию тех, кто их совершал. Россию мусульманское духовенство всех уровней как и большинство верующих считало своим отечеством. Позиция его по отношению к насильственным экспроприациям (разбоям) определялась и тем, что каноническая сущность самого ислама содержит строжайший запрет на такого рода действия и предполагает за них суровые меры наказания. Многие представители мусульманского духовенства при обострениях обстановки, связанных с набегами, настаивали на применении к участникам не правовых норм империи, а именно шариата. Наблюдалось

[54] См. подробнее: Матвеев В.А. Сепаратизм на Северном Кавказе: границы явления на рубеже XIX–XX вв. // Исследование по прикладной и неотложной этнологии РАН. № 146. М., 2002; Он же. Северный Кавказ: абреки, качаги и другие… // Журнал Министерства обороны России «Ориентир». 2002. № 4; Ботяков Ю.М. Абреки на Кавказе: социокультурный аспект явления. СПб., 2004; Клычников Ю.Ю., Цыбульникова А.А. «Так буйную вольность законы теснят…»: борьба российской государственности с хищничеством на Северном Кавказе (исторические очерки) / Пятигорск, 2011 и др.

неорганизованное противостояние мусульманского духовенства, не получившего на государственном уровне необходимой поддержки.

Невосприимчивым к агитации, направленной к отторжению Кавказа от России, «туземное население» оказалось и в 1914 г. Активизировавшаяся для достижения этой цели деятельность иностранной агентуры наталкивалась на препятствия. Распространявшиеся прокламации на арабском языке с призывами к восстанию популярностью не пользовались. В большинстве аулов, особенно в равнинных округах, сохранялась приверженность общероссийскому единству. В создавшейся обстановке правительство допускало ошибки и не учитывало в полной мере эту реальность. Эффективность проводимой политики в крае к рубежу XIX–XX вв. при смене управленческих кадров утрачивалась.

Призыв в восточные районы администраторов, не понимавших местной специфики, лишь усугублял положение. Наметился и некоторый отход от прежней практики управления. Возврат к прежней политике России в отношении окраин, исключавшей подходы основанные на «узком национализме», все-таки произошел. Из государственного аппарата были устранены не соответствующие своему положению представители власти. В него привлекаются новые административные силы. Недостаток опытных кадров восполняется за счет ветеранов Кавказской войны, знавших местную специфику. По настоянию наместника для разработки способов противодействия «преступности» созываются смешанные съезды из посланцев русского и «туземного населения». Наряду с этим было предпринято изучение предшествующего опыта управления.

После завершения Кавказской войны важнейшим элементом поддержания порядка выступала неотвратимость наказания. Но в изменившихся условиях в начале XX в., когда большинство «туземного населения» северокавказской окраины признавало Россию родиной, такой опыт оказался устарелым. Для преодоления сепаратистских проявлений можно было задействовать сохранявшийся престиж русской власти. Для этого нужна была соответствующая политика, опирающаяся в том числе, как и в эпоху Кавказской войны, на потенциал самого «туземного населения». В начале XX

в. его возможности были выше, чем в эпоху Кавказской войны. Нестабильность на Северном Кавказе переходила в ряде случаев в открытые межэтнические столкновения. Для их предотвращения все чаще стали предприниматься меры силового принуждения.

В неспокойные районы Кавказа снаряжаются карательные экспедиции. К «туземным обществам», заподозренным в укрывательстве разбойников, применяются репрессии. Неблагонадежные аулы подвергаются по принципу круговой поруки штрафам. В них размещались войсковые части. Применяются административные высылки в другие места. Озлобление населения равнинных аулов против участников набегов вследствие применявшихся репрессий усилилось. Но это не решало проблему полного устранения угрозы. С вступлением России в Первую мировую войну в 1914 г. и распространением на окраинах империи патриотических настроений, относительная популярность разбойников среди населения во всех местностях, где наблюдалась их деятельность, в том числе и на Северном Кавказе, заметно снизилась. Сказалось воздействие на самосознание горцев внешней опасности для государства.

Однако в условиях революционного кризиса 1917–1920 гг. сепаратистская трансформация набеговой традиции не состоялась. Явление, с которым вел борьбу и имам Шамиль, из-за интегрированности «инородческого населения» северокавказской окраины в российской общегражданское сообщество соотносится, на мой взгляд, с этнической вандеей, являвшейся разновидностью гражданской войны[55]. В соответствии с общими для страны процессами она претерпела в конечном итоге распад. Иноэтническое население северокавказской окраины внесло свой посильный вклад в борьбу с разгулом разбойной стихии. Российская государственность выдержала испытания на прочность. Призывы сепаратистов не получили массовой поддержки. Проявилась устойчивая тенденция к сохранению целостности России.

[55] Матвеев В.А. Исторический опыт противостояния сепаратизму на Северном Кавказе и современность // Исследование по прикладной и неотложной этнологии РАН. № 147. М., 2002.

Библиография

Источники

Архивные материалы

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА, г. Москва)

Ф. 1. Канцелярия Военного министерства. Оп. 1.

Ф. 970. Военно-походная канцелярия Е. И. В. при императорской квартире. Оп. 3.

Ф. 1300. Штаб Кавказского военного округа. Оп. 1.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ, г. Москва)

Ф. 110. Штаб отдельного корпуса жандармов. Оп. 1.

Ф. 110. Штаб отдельного корпуса жандармов. Оп. общ.

Ф. 1779. Канцелярия Временного правительства. Оп. 1.

ГАРФ (бывш. ЦГА РСФСР, г. Москва)

Ф. 296. Комитет по просвещению национальных меньшинств РСФСР Наркомата просвещения РСФСР (Комнац). Оп. 1.

Ф. 2314. Всероссийская чрезвычайная комиссия по ликвидации неграмотности и малограмотности (ВЧКАБ) Наркомата просвещения РСФСР. Оп. 3.

Российский государственный военный архив (РГВА, г. Москва)

Ф. 100. Управление армиями Южного фронта против Краснова, Деникина. Оп. 8.

Российский государственный исторический архив (РГИА, г. Санкт-Петербург)

Ф. 1276. Совет министров. Оп. 19, 21.

Центральный государственный архив
Республики Дагестан
(ЦГА РД, г. Махачкала)

Ф. 2. Канцелярия военного губернатора Дагестанской области. Оп. 1.

Центральный государственный архив
Республики Северная Осетия-Алания
(ЦГА РСО-А, г. Владикавказ)

Ф. 1849-П. «Испарт». Оп. 2.

Государственный архив Ростовской области
(ГАРО, г. Ростов-на-Дону)

Ф. 826. Донское охранное отделение. ДОО. Оп. 1.

Центральный государственный исторический архив
Республики Грузия
(ЦГИА РГ, г. Тбилиси)

Ф. 13. Канцелярия наместника на Кавказе.1905–1917 гг. Оп. 1, 3, 11.

Ф. 94-с. Кавказское районное охранное отделение (1907–1914 гг.). Оп. 1.

Ф. 1087. Военно-исторический отдел Кавказского военного округа за 1876–1917 гг. Оп. 1.

Докладная документация

Всеподданнейший отчет за восемь лет управления Кавказом генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб., 1913.

Государственная дума. 2 созыв. Сессия 1. Стенографические отчеты. Т. II. Засед. 19–38 (с 1 июня по 4 июля 1906 г.). СПб., 1906.

Государственная дума. 3 созыв. Сессия 5. Ч. 4. Стенографические отчеты. Засед. 138. 23 мая 1912 г. СПб., 1912.

Государственная дума. 3 созыв. Сессия 5. Ч. 4. Стенографические отчеты. Засед. 120–153 (с 30 апреля по 9 июня 1912 г.). СПб., 1912.

Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. 3 созыв. Сессия 1. 1907–1908 гг. Т. 1. (№№ 1–350). СПб., 1908.

Сборники документов

Акты Кавказской археографической комиссии (АКАК). Т. 5.

Акты Кавказской археографической комиссии. (АКАК). Т. 12.

Шерипов А. Статьи и речи. Сборник. Изд. 2-е, испр. и доп. Грозный, 1972.

Богословские и теологические трактаты

Библия. Ветхий завет. М., 2009.

Коран. Перевод смыслов и комментарии Иман Валерии Пороховой. Главный редактор Мухаммад Саид Аль-Рошд. Изд. десятое, доп. М., 2008.

Литературное наследие и публицистика

Дюма А. Кавказ. Пер. с фр. Тбилиси, 1988.

Ингуши и чеченцы в семье народностей Терской области. Пояснительная записка к Думскому запросу, составленная библиотекарем «Терского общества любителей казачьей старины» Г.А. Ткачевым и читанная в заседании общества 8-го января 1911 г. Владикавказ, 1911.

Мамакаев М. Зелимхан. Роман. Грозный, 1971.

Нахчо. «Зелимхан» / Героическая киноповесть из истории Чечни в 6 частях // Революция и горец. 1929. № 9.

Рогов А. О потомках Шамиля, Хаджи-Мурата, Зелимхана и Асланбека Шерипова / Историко-литературный набросок // Революция и горец. № 6–7. Ростов н/Д, 1932.

Сталин И. Октябрьский переворот и национальный вопрос // Марксизм и национально-колониальный вопрос. Сборник избранных статей и речей. М., 1939.

Шевченко Т. Дневник. М., 1954.

Мемуарные и иные
археографические свидетельства

Витте С.Ю. Избранные воспоминания, 1849–1911 гг. М., 1991.

Керн Э. Пляска смерти. Воспоминания унтерштурмфюрера СС. 1941–1945. Пер. с англ. Г.П. Бляблина. М., 2007.

«Кристаллизация» горского освободительного движения. Размышления Б. Байтугана об истории мусульман Северного Кавказа и Дагестана // Вопросы истории. 2001. № 5.

Ошаев Х. Очерк начала революционного движения в Чечне. Грозный, 1927.

Шамиль на Кавказе и в России. Биографический очерк / Сост. М.Н. Чичагова. СПб., 1889.

Справочные издания

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. А – З. М., 1955.

Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. 2-е изд. испр. и доп. Сост.: Г.Ф. Александров, М.Р. Галактионов и др. М., 1952.

История России: учебный словарь-справочник / Под ред. Блохина В.Ф. Брянск, 1996.

История России: учебный словарь-справочник / Под ред. Блохина В.Ф. Брянск, 1996.

Михаил Александрович Бакунин. Критико-библиографический очерк М.П. Драгоманова. Казань, 1906.

Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. 21-е изд., перераб. и доп. М., 1989.

Периодические издания

Газеты:

Новая жизнь. 1917. 17 (30) июня. (Петроград).

Жизнь национальностей. 1920. 29 февр. (Москва).

Кавказ. 1909. 1 (14) сент. (Тифлис).

Жизнь национальностей. 1920. 1 янв. (Москва).

Жизнь национальностей. 1919. 27 апр. (Москва).

Северокавказский край. 1917. 1 июля. (Ставрополь).

Терский вестник. 1917. 18 июля. (Грозный).

Жизнь национальностей. 1919. 3 авг. (Москва).

Терский вестник. 1917. 5 авг. (Грозный).

Кавказ. 1909. 23 авг. (3 сент.). (Тифлис).

Кавказ. 1909. 26 авг. (8 сент.). (Тифлис).

Кавказ. 1909. 27 авг. (9 сент.). (Тифлис).

Терский вестник. 1917. 1 окт. (Грозный).

Жизнь национальностей. 1921. 3 дек. (Москва).

Терский вестник. 1917. 23 дек. (Грозный).

Журналы:

Революция и горец (Ростов-на-Дону). 1929–1933.

Литература

Алиев У. Адыгейская (Черкесская) автономная область // Жизнь национальностей. Кн. 1. М., 1923.

Алиев У. Очерк исторического развития горцев Кавказа и чужеземного влияния на них ислама, царизма и пр. Ростов н/Д, 1927.

Блиев М. Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. М., 2004.

Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. М., 1994.

Ботяков Ю.М. Абреки на Кавказе: социокультурный аспект явления. СПб., 2004.

Бурин С.Н. Григорий Котовский: Легенда и быль. М. Смоленск, 1999.

Буркин Н. Г. Революция 1905 г. в нацобластях Северного Кавказа. Ростов н/Д, 1931. С. 12.

Виноградов Б.В. Деятельность генерала П.Д. Цицианова в контексте основных тенденций российско-северокавказских отношений первой половины XIX в. // Проблемы истории Северного Кавказа: Сб. научных статей. Краснодар, 2000.

Горянов А. Советский Дагестан на путях культурной революции // Революция и горец. № 5. Ростов н/Д, 1931.

Гриценко Н.П. Классовая и антиколониальная борьба крестьян Чечено-Ингушетии на рубеже XIX–XX вв. Грозный, 1971.

Гугов Р.Х. Совместная борьба народов Терека за Советскую власть. Нальчик, 1975.

Гумилев Л. Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. М., 1993.

Дегоев В. Имам Шамиль и технология властвования. (Историко-биографический очерк) // Россия. XXI в. 1998. № 5–6.

Дегоев В. Кавказская война XIX в. и идеологические конъюнктуры советского и постсоветского времени // Россия. XXI век. 1997. № 9–10.

Дегоев В. Кавказская война XIX в. и идеологические конъюнктуры советского и постсоветского времени // Россия. XXI в. 1997. № 9–10.

Джавахадзе Н.В., Чиковани Г.Д. Чеченская тейпа // Адат. Кавказский культурный круг: Традиции и современность. Москва–Тбилиси, 2003.

Дзидзоев В.Д. Национальные отношения на Кавказе. Владикавказ, 1995.

Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1. Кн. 1. СПб., 1871.

Ершов Д.В. Хунхузы: необъявленная война. Этнический бандитизм на Дальнем Востоке. М., 2010.

Заурбекова Г.В. Сепаратизм в Чечне // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 135. М., 2000.

Индия под английским владычеством. Сочинение барона Барту де Паноэна. Пер. с фр. Т. 1. Университетская типография. М., 1848.

История Кабардино-Балкарской АССР. В 2 х т. Т. 1. М., 1967.

История политических партий России / Думова Н.Г., Грофеев Н.Д., Тютюкин С.В. и др. Под общ. ред. Зевелева А.И. М., 1994.

Клычников Ю.Ю., Цыбульникова А.А. «Так буйную вольность законы теснят…»: борьба российской государственности с хищничеством на Северном Кавказе (исторические очерки) / Пятигорск, 2011.

Коренев Д.З. Революция на Тереке. 1917–1918 гг. Орджоникидзе, 1967.

Мартиросиан Г.К. Нагорная Ингушетия. Социально-экономический очерк // Известия Ингушского научно-исследовательского института краеведения. Вып. 1. Владикавказ, 1928.

Матвеев В.А. Исторический опыт противостояния сепаратизму на Северном Кавказе и современность // Исследование по прикладной и неот-

ложной этнологии РАН. № 147. М., 2002.

Матвеев В.А. Северный Кавказ: абреки, качаги и другие… // Журнал Министерства обороны России «Ориентир». 2002. № 4.

Матвеев В.А. Сепаратизм на Северном Кавказе: границы явления на рубеже XIX–XX вв. // Исследование по прикладной и неотложной этнологии РАН. № 146. М., 2002.

Матвеев В.А. Украинский кризис 2014 г.: ретроспективное измерение (особенности исторической кодификации в восточнославянской этнической среде на юге Российской империи и ее проявление в новейшую эпоху) / Ростов н/Д, 2015.

Мужев И.Ф. Национально-освободительное движение горцев Северного Кавказа (1900–1914 гг.). Нальчик, 1965.

Нодия Г. Политическая смута и этнотерриториальные конфликты в Грузии // Спорные границы на Кавказе / под ред. Бруно Коппитерса. М., 1996.

Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. В 2-х т. Т. 1. Грозный, 1967.

Петрушевский И. П. Поход монгольских войск в Среднюю Азию в 1219–1224 гг. и его последствия // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977.

Потто В. А. Кавказская война. В 5 т. Т. 1. Ставрополь, 1994.

Ратгаузер Я.А. К истории гражданской войны на Тереке. Баку, 1928.

Скачко А. Дагестан. М., 1931.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. В 15 кн. Кн. VII (т. 13–14). История России в эпоху преобразования. М., 1962.

Фадеев А.В. Особенности антиколониальных движений на Северном Кавказе в период империализма // Национальный вопрос накануне и в период проведения Великой Октябрьской социалистической революции. Вып. 1. М., 1964.

Цораев М.М. Восстания кабардинских и балкарских крестьян в 1863 году. Нальчик, 1963.

Шукуров Р. По дороге в Индию // Российский исторический журнал «Родина». 1995. № 10.

Эмиров Н. Установление Советской власти в Дагестане и борьба с германо-турецкими интервентами (1917–1919 гг.). М., 1949.

Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. В 2 т. Т. 1–2. Тифлис, 1907.

Янчевский Н. Л. Гражданская борьба на Северном Кавказе. Т. 1. Ростов н/Д, 1927.

Приложение 1
Набеговая традиция и технологии противостояния в Кавказской войне
Критерий справедливости

Утверждение геополитических позиций России на Северном Кавказе длительное время изображалось как отражение ее агрессивных имперских устремлений к расширению границ. Соответственно справедливость признавалась лишь за теми, кто этому противостоял. Сложившееся в 20–30-е гг. XX в. и в последующие десятилетия состояние исторических знаний о Кавказской войне, не в последнюю очередь, по признанию специалистов, способствовали разрастанию современной трагедии в регионе. Приверженцы сепаратизма не раз заявляли: «Россия нас завоевала!», хотя, если брать край в целом в период вхождения в ее состав, силовая составляющая отнюдь не являлась преобладающей.

Попытки вернуть обсуждение проблемы ненасильственной солидаризации при формировании государственного единства России и Северного Кавказа, предпринятые В.Б. Виноградовым, подверглись массированной критике. Начавшаяся в связи с этим еще в начале 80-х гг. XX в. дискуссия продолжается и в наши дни[1]. Так, Г.В. Заурбекова, автор статьи «Сепаратизм в Чечне», написанной, что весьма примечательно, с пророссийских позиций, по-прежнему утверждает: «Вред делу взаимного доверия народов, причиненный концепцией добровольного вхождения Чечни в Россию, неоспорим и огромен»[2]. Объяснение этому она усматривает в том, что «многолетняя эпопея борьбы с царизмом была объявлена антинародной, и что целые поколения гибли в этой борьбе, одурманенные религиозным фанатизмом и невежеством»[3].

---

[1] Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). М., 2001. С. 132.
[2] Заурбекова Г.В. Сепаратизм в Чечне // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 135. М., 2000. С. 18.
[3] Там же.

Между тем ошибочность идеализации борьбы горцев в XIX в., необходимость в свете имеющихся фактов признания ее бесперспективности и учета различных векторов Кавказской войны заметили и дагестанские ученые Б.Г. Алиев и М.-С.К. Умаханов[4]. Все более широкое подтверждение находит и предложенное М.М. Блиевым осмысление причин Кавказской войны без отрыва от существовавшей в качестве традиции в ряде горских обществ «индустрии набега»[5]. По его мнению, она являлась в крае «таким же устойчивым занятием, как скотоводство и земледелие»[6]. Критика научной позиции М.М. Блиева «в вопросе о горских набегах» со ссылкой на оценочные суждения других авторов, придерживающихся иной точки зрения, отражающей только одно измерение существовавшей реальности[7], на мой взгляд, не убедительна.

Россия действительно, втянувшись в охватившую полвека Кавказскую войну, прежде всего, решительно выступила «против набеговой практики горцев»[8], без искоренения которой достижение стабильности в регионе было немыслимо. Правота М.М. Блиева получила широкое признание. Несмотря на наработки отечественной исторической науки, учитывающие с опорой на источники преобладание позитивных последствий в присоединении Северного Кавказа к России, представления о завоевании сохраняются.

Об этом, в частности, свидетельствует изданный при финансовой поддержке «фламандского и франкоязычного национальных фондов научных исследований, свободного фламандского Брюссельского университета и НАТО» российско-бельгийский сборник, в котором прослеживаются истоки и современные проявления территориальных споров и этнических конфликтов на Кавказе, тесно связанных с проблемой присоединения. Вопреки утверждению редактора Бруно-Коппитерса, что «международному коллек-

---

[4] Умаханов М.-С.-К., Алиев Б.Г. Некоторые вопросы освещения борьбы горцев под руководством Шамиля: подходы и итоги изучения, перспективы // Кавказская война: Спорные вопросы и новые подходы. Тез. докл. межд. науч. конф. Махачкала, 1998. С. 84–85.
[5] Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. М., 1994. С. 113, 115, 127.
[6] Блиев М.М. Рецензия // Отечественная история. 2001. № 6. С. 149.
[7] Гапуров Ш.А. К вопросу о «набеговой системе горцев» // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Общественные науки. 2003. № 4. С. 27–32.
[8] Блиев М.М. Указ. соч. С. 151.

тиву авторов удалось избежать односторонности», все статьи отечественных и зарубежных авторов написаны с уклоном «исторической вины России» (1996)[9].

Проводившиеся многолетние наблюдения при контактах с людьми позволили и известному отечественному этнологу В.А. Тишкову выделить особо идеологическую подпитку современного конфликта на Юге России. В книге, отразившей обобщения связанных с ним настроений в обществе, он пишет: «Фактически вся аргументация чеченского сопротивления (или чеченской революции) была построена на драматической презентации прошлого, Кавказской войны XIX в.»[10]. По заключению В.А. Тишкова, данная причина вооруженного противостояния проявлялась на разных стадиях его развития. Но как показывает непредвзятое рассмотрение фактов, добровольное вхождение ряда «туземных обществ» в состав империи было не менее массовым, чем движение тех, кто этому противостоял.

Отображение итогов Кавказской войны только под углом зрения победителей, «завоевания и покорения», как это делалось нередко до 1917 г.[11], или побежденных, как было предписано после, с подбором ужасающих фактов о «разгромленных… и испепеленных аулах»[12] и умолчания о такой же участи казачьих станиц и русских сел, отнюдь не отвечает критериям объективности. Цели Кавказской войны в свое время определялись как «умиротворение всего сопредельного… края»[13]. Завоевания же России в преобладающей степени диктовались настоятельной потребностью защиты безопасности населения и государства в целом. В тех случаях, когда присоединение достигалось посредством принуждения, оно чаще всего вызывалось необходимостью обеспечить безопасность тех рубежей, над которыми нависала постоянная угроза нападения.

---

[9] Спорные границы на Кавказе / Под. ред. Б. Коппитерса. М., 1996.
[10] Тишков В.А. Указ соч.С. 54.
[11] Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1888. Т. 6; Утверждение русского владычества на Кавказе / Под ред. генерал-лейтенанта Потто. Тифлис, 1904. Т. 3. и др.
[12] Кокиев Г. Военно-колонизационная политика царизма на Северном Кавказе // Революция и горец. 1929. № 6. С. 32–37; Ошаев Х. Очерк начала революционного движения в Чечне. Грозный, 1927; Эшба Е. Асланбек Шерипов. Грозный, 1927. С. 11 и др.
[13] ЦГИА РГ. Ф. 416. Оп. 3. Д. 1055. Л. 12.

Наиболее беспокойным в этом отношении на протяжении нескольких столетий оставалось южное направление. Частые и внезапные набеги на Россию «восточных инородцев» (крымских татар, ногайцев, горцев и др.), как правило, сопровождались грабежами, захватом людей, скота, имущества. После этих набегов подвергшиеся им области длительное время оставались в запустении, а пленных только в Крым приводили в таком количестве, что при виде их нескончаемых верениц очевидцы спрашивали, остался ли еще кто-нибудь там, откуда их привели. Невольников массами продавали в Турцию и другие страны Востока[14].

Только в результате не прекращавшихся вплоть до включения Крыма в 1783 г. в пределы империи набегов, усилившихся особенно с XVI в., после того, как Турция попавшим под ее влияние полуостровом вознамерилась систематически, по словам французского автора второй половины XIX в. Альфреда де Бессе, «разорять и устрашать Россию»[15], в общей сложности погибло более 5 миллионов восточных славян, преимущественно русских и украинцев. Вследствие этого заселенность южных территорий длительное время была низкой. По словам В.О. Ключевского, в XVI–XVII вв. «из разбойных нападений на Русскую землю» крымские татары «сделали себе прибыльный промысел»[16].

Для спасения пленных «московское правительство» вынуждено было выкупать их «на казенный счет», ввести для этого даже особый налог, получивший наименование «полоняничные деньги»[17]. В пополнении «общей милостыни» участвовали «и царь и все “православные христиане”, его подданные». Ставки же неизменно оказывались достаточно высокими. Набеги в тот период рассматривали, по образному выражению В.О. Ключевского, как «самые больные язвы тогдашней русской жизни»[18]. В ведении дел с «магометанским востоком» данную угрозу приходилось постоянно учиты-

[14] Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. М., 1987. Т. 2. С. 196–198.
[15] Турецкая империя. Сочинение Альфреда де Бессе. Издание книгопродавца Манухина. Пер. с фр. М., 1860. С. 67.
[16] Ключевский В.О. Исторические портреты и этюды. Афоризмы. СПб., 2009. С. 19.
[17] Там же. С. 20.
[18] Там же. С. 19.

вать[19]. Не занимаясь обычной для других народов хозяйственной деятельностью, крымские татары необходимые для жизни ресурсы пополняли преимущественно грабежом, пользуясь и в этом отношении покровительством турецкого султана[20]. Откупаться от набегов вынуждена была и Польша. Правительство этой страны также вынуждено было посылать «ежегодные подарки» крымскому хану[21].

Для обеспечения безопасности границ и предотвращения разорений южных окраин государства русское правительство неоднократно обращалось к нему за содействием, но положение так и не менялось. Разбойные вторжения продолжались. В передаче В.Д. Сухорукова, «татары всякий раз», осуществив вторжение, «легко могли укрыться в глухой пустыне, где преследование было губительнее самих набегов»[22]. Пограничным, а нередко и центральным районам страны, наносился огромный ущерб, и они подвергались систематическому опустошению из-за массового увода людей в неволю. Урон наносился земледелию и скотоводству[23]. Набеги с Крымского полуострова, как писал Н.Я. Данилевский, делались «при всяком удобном случае», в ходе их «пожигали огнем и посекали мечом южные русские области до самой Москвы»[24]. В конце XVI в. английский путешественник Дж. Флейтчер, даже на дороге между Ярославлем и Волгой обнаружил 50 из-за них полностью покинутых деревень[25].

Если учесть все компоненты демографических последствий, не исключая и снижение естественного прироста населения, цифра потерь многократно увеличится. При подсчете же их на других участках южного приграничья масштабы трагедии России будут выглядеть еще более внуши-

---

[19] Там же. С. 20.
[20] Русская политика в восточном вопросе (Ее история в XVI–XIX вв., критическая оценка и будущие задачи). Историко-юридические очерки С. Жигарева // Ученые записки. Московский университет. Вып. 11. М., 1896. С. 65, 72.
[21] Калашников М., Бунтовский С. Независимая Украина. Крах проекта. М., 2009. С. 34.
[22] Сухоруков В.Д. Историческое описание Земли Войска Донского. Комментарии, дополнения, вступительная статья Н.С. Коршикова и В.Н. Королева. Ростов н/Д, 2001. С. 27.
[23] Русская политика в восточном вопросе (Ее история в XVI–XIX вв., критическая оценка и будущие задачи). Историко-юридические очерки С. Жигарева. С. 65, 72.
[24] Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 37.
[25] Троицкий Е. Русский народ в поисках правды и организованности (988 – 1996). М., 1996. С. 108.

тельно. Не меньшую угрозу для государства вплоть до второй половины XIX в. представляло кавказское направление. По данным современного исследователя Б.В. Виноградова, «разбойные нападения с похищениями людей, имущества, отгоном скота были нередкой действительностью рубежа XVIII–XIX в.», хотя «туземные» народы тогда отнюдь «не подвергались насаждению российских порядков»[26]. Беспрепятственность набегов вызывалась неустроенностью границы, их усиление, как правило, было связано с активизацией деятельности турецких эмиссаров, провоцировавших своей пропагандой со ставкой на идею «единства мусульман» к вторжениям в пределы России[27].

Значительные территории на Северо-Западном Кавказе вплоть до русско-турецкой войны 1828–1829 гг. находились под влиянием Османской империи и служили еще одним плацдармом для набеговой экспансии[28]. С целью противостояния ей совершались ответные рейды, в ходе которых предпринимались попытки «наказать за разбои» и вернуть попавших в плен соотечественников. Для предотвращения бедственного положения южных областей, связанного с «похищением людей… и скота» вдоль линии российской границы возводились крепости, но и они не могли сдержать вторжение. В качестве меры использовалось и частичное вытеснение в горы, что создавало пространственное препятствие, облегчало контроль за враждебной территорией, и, в какой-то мере давало некоторые результаты. Во всяком случае, набеги делались более затруднительными, и их активность на какое-то время снижалась[29].

Но, в целом, угрожающее положение не менялось. По свидетельствам очевидцев, возвращавшихся из неволи, «русских пленных в горах много»[30]. После посещения Кавказа в 1858–1859 гг. А. Дюма оставил по поводу заня-

---

[26] Виноградов Б.В. Горские набеги в контексте российско-кавказских взаимоотношений периода правления Павла I // Вопросы северокавказской истории. Вып. 1. Армавир, 1996. С. 28.
[27] Кипкеева З.Б. Российский фактор в миграциях и расселении закубанских аулов XIX в. Армавир; Ставрополь, 2002. С. 11.
[28] Там же. С. 15.
[29] Там же. С. 15, 20.
[30] Клычников Ю.Ю. Усилия российской администрации по ликвидации последствий горского «хищничества» // Казачество в социокультурном пространстве России: исторический опыт и перспективы развития. Тезисы Всероссийской науч. конф. (28–29 сентября 2010 г., Ростов-на-Дону). Ростов н/Д, 2010. С. 256.

тий горцев такие заметки: «изготовление кабардинских шашек, черкесских бурок, чеченских кинжалов и лезгинских сукон – их второстепенный промысел». «На первом месте», по наблюдению французского писателя, стоят пленные, которые удерживаются до тех пор, пока за них «не заплатят выкуп». В противном случае невольники «отсылаются на трапезундский рынок» для продажи в рабство[31].

Осуществлявшие набеги с кавказского направления проникали в отдельные периоды вглубь имперского пространства вплоть до донских и волжских поселений. Затрагивалась вторжениями и территория Закавказья, преимущественно Грузия, ближе других расположенная к районам, откуда происходили нападения[32]. Несмотря на это в отдельные периоды, по распоряжению высоких правительственных инстанций для того, чтобы не нарушать мирных отношений с горскими обществами, на Северо-Западном Кавказе был наложен даже строжайший запрет на преследования за пограничной рекой Кубань тех, кто предпринимал набеги. Его соблюдение связывало казаков в их ответных действиях и грабительские вторжения, ставившие их на грань хозяйственного разорения, производились фактически безнаказанно.

Когда же в ходе одного из преследований было разорено несколько аулов натухайцев, по их жалобе генерал Власов, допустивший погром, был отстранен от должности и предан суду[33]. Таким наказаниям в случаях нарушения запрета на преследования вне пределов территории, находившейся под российской юрисдикцией, подвергались и офицеры ниже рангом. При этом как смягчающие «вину» не рассматривались их предшествующие заслуги, боевой опыт и высокая военная репутация[34].

Вспоминая первые годы своей службы на Кавказе, генерал А.П. Ермолов пишет о наличии здесь постоянной угрозы для российских границ, как

---

[31] Дюма А. Кавказ. Пер. с фр. Тбилиси, 1988. С. 56.
[32] Клычников Ю.Ю. Набеговая система горцев и ее влияние на северокавказскую политику России в первой половине XIX в. // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северо-Западного Кавказа за 2000 г. Дикаревские чтения (7). Краснодар, 2001. С. 166.
[33] Щербина Ф.А. Указ. соч. Т. 2. С. 75, 557.
[34] Виноградов Б.В. Кавказ в политике государя Павла I (1796–1801 гг.). Армавир; Славянск-на-Кубани, 1999. С. 20–21.

о чем-то наиболее значимом среди прочих государственных забот: «Набеги, убийство, разбои не менее были частыми»[35]. Еще в 1818 г. в рапорте от 23 марта, направленном верховному правителю России, он со всей остротой поставил вопрос о «прекращении торга людьми»[36]. Без искоренения нападений с целью увлечения «в плен людей», по мнению А.П. Ермолова, невозможно достичь «спокойствия и безопасности»[37]. А Р. Фадеев при осмыслении уходящих в прошлое событий, связанных с эпохой установления единства с Кавказом, уже на завершающей стадии устранения конфликтных зон отметил: «Пожалуй, ни одна война, ни один иноземный завоеватель в течение столетий не причинили этому краю столько вреда, сколько торговля живым товаром»[38].

В одном из писем из Стамбула (Константинополя) 15 октября 1858 г. П.А. Чихачев, известный в то время представитель отечественной науки, сообщал о том, что после того, как Россия лишилась флота на Черном море, «Турция открыто покровительствует гнусной торговле рабами»[39]. О массовой распродаже невольников, в числе которых было немало и русских подданных, уведомлял неоднократно в 1860 г. консул А.Н. Мошнин из Трапезунда посла империи в этой стране[40]. После подписания Парижского договора, положения которого рассматривали как «самые неудачные» и наиболее дальновидные западные политики[41], цены на рабов в странах Востока резко стали снижаться. Это свидетельствует о том, что борьбу с этим позорным промыслом вела только Россия[*], тогда как в нем наряду с

---

[35] Записки А.П. Ермолова. 1798–1826 гг. / Сост.: В.А. Федоров. М., 1991. С. 284.
[36] Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска: в 2 т. Т. 2. (Репринтное воспроизведение). Екатеринодар, б/и., 1910–1913. Краснодар, 1992. С. 259.
[37] Цит. по: Клычников Ю.Ю. Деятельность А.П. Ермолова на Северном Кавказе (1816–1827 гг.). Ессентуки, 1999. С. 14.
[38] Фадеев Р.А. Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис, 1860.
[39] Чихачев П.А. Письма о Турции. М., 1860.
[40] Дзидзария Г.А. Указ. соч. С. 267–269.
[41] Бисмарк О. Мысли и воспоминания / Пер. с нем. М., 1940. Т. 2. С. 99.
[*] Проблема работорговли и ее острота признавалась тогда на официальном уровне. Этого не делается, к сожалению, в современной России, где практика похищения людей в постсоветскую эпоху вновь восстановилась. Статистика на этот счет по признанию специалистов далеко не полная. [См. подробнее: Миронов И.А. Уголовно-правовые и криминологические аспекты похищения человека. Автореф. дисс. канд. юридических наук. Ростов н/Д, 2002. С. 12–14, 16–17].

турками участие принимали англичане, французы и другие представители европейских держав[42].

Ограничение суверенитета империи на принадлежащие ей южные сухопутные и водные пространства имело, следовательно, сугубо негативные последствия. Прогнозировалось это еще тогда, когда соответствующие решения вводились в действие[43]. Однако значение этому не было придано. При создавшемся положении, как признавалось в различных источниках, похищения людей в рабство продолжались и многие «цивилизованные» европейские коммерсанты «при посредничестве турок, продолжали наживать капиталы на позорной торговле людьми»[44].

Противодействие работорговле со стороны России предпринималось и в тот период, когда ее рассматривали не иначе как «жандарма Европы». По инициативе Николая I принимались самые решительные меры в этом отношении. Обеспокоенность русского правительства подкреплялась диплома-тическими усилиями, крейсерством военных судов вдоль побережья Черного моря и т.д. Но размах преступной коммерции был таким, что все меры давали лишь частичные результаты[45]. С введением же повсеместного русского упра-вления на Кавказе после его полного включения в состав империи торговля живым товаром в крае полностью прекратилась[46].

Представители иной концептуальной версии в науке склонны считать, что все приводимые доказательства о том, что набеговая экспансия спровоцировала Кавказскую войну, «безосновательны» и имеют «идеологическую подоплеку»[47]. Мурад Аджи формирование государства сводит к оторванному от реальности представлению: «русские любили нападать на беззащитные степные страны», ставшие «незаметно для себя… “москальской вотчиной”», потеряв свободу[48]. Но наличие постоянной угрозы для россий-

---

[42] Дзидзария Г.А. Указ. соч. С. 267–269.
[43] Бисмарк О. Мысли и воспоминания. Т. 2. С. 99.
[44] История Абхазии. Сухуми, 1991. С. 194.
[45] Там же.
[46] Дзидзария Г.А. Указ. соч. С. 267–269.
[47] Керашев М.А., Ачмиз М.Я., Аминова В.М. Гибель Черкесии. Краснодар, 1994. С. 19–21.
[48] Аджи М. Полынь половецкого поля. М., 1994. С. 91, 342.

ских границ в XVIII – первой половине XIX вв. признавалось и в международных договорах.

Так, еще по Ясскому миру (1791), Турция получив признание, несмотря на победу России в войне, своих прав над западными черкесскими племенами, взяла на себя вместе с тем обязательства «употребить всю власть и способы к обузданию и воздержанию народов на левом берегу реки Кубань, обитающих при границах ея, дабы они на пределы Всероссийской Империи набегов не чинили, никаких обид, хищничеств и разорений Российско-Императорским подданным и их селениям, жилищам и землям не приключали ни тайно, ни явно, и ни под каким видом людей в неволю не захватывали»[49].

А. Дюма «границу русского владычества» на Северном Кавказе назвал «сомнительной», так как ее «какой-нибудь набег горцев ежеминутно превращает в подобие кровавого прилива и отлива». Отметил он в путевых заметках и то, что «на всем огромном пространстве» от Кизляра до Дербента «нет сажени, не пропитанной кровью»[50]. В оценках геополитической миссии России на Кавказе, таким образом, должен учитываться эпохальный контекст, с наличием различных тенденций, влиявших на ее осуществление.

На это одним из первых обратил внимание Л.Н. Толстой в рукописных размышлениях над сюжетами рассказа «Набег». По горячим следам событий он подметил то, к чему отечественная историческая наука подошла только на рубеже XXI в.: в Кавказской войне справедливость была на стороне России. «Кто станет сомневаться, – поставил вопрос перед современниками и потомками великий писатель, – что в войне русских с горцами справедливость, вытекающая из чувства самосохранения, на нашей стороне? Ежели бы не было этой войны, что бы обеспечивало все смежные… русские владения от… набегов?»[51]. Сдержать их не могли и сооружаемые крепости вдоль линии границы, возводимые для предотвращения разоре-

[49] Договоры России с Востоком политические и торговые / Собрал и издал Т. Юзефович. СПб., 1869. С. 45.
[50] Дюма А. Кавказ. С. 56.
[51] Толстой Л.Н. Варианты из рукописных редакций «Набега» // Полн. собр. соч. Т. 3. М.; Л., 1932. С. 234–235.

ний русских поселений, сопровождавшихся массовым угоном скота и похищениями людей в рабство[52].

Изучение исторической памяти населения на юге России, предпринимавшееся в последние годы, вскрывает масштабность бедствия русского народа и его особой части казачества, проживавшей непосредственно в контактной зоне, чаще всего подвергавшейся грабительским вторжениям. Исследования такого рода позволили получить дополнительные доказательства, запечатленные в «преданиях старины далекой» (сказаниях, песнях и в других разновидностях устного творчества масс), передававшиеся из поколения в поколение и сохранившие вековую боль до наших дней[53]. Справедливость в то же время, следуя размышлениям Л.Н. Толстого, была и на стороне горцев[54]. Это касается, прежде всего, тех, кто не принимал участия в боевых действиях и не по своей воле страдал от их последствий.

Данная оценка, что весьма интересно, не расходилась и с представлениями простых русских людей, принимавших участие в различных событиях, связанных с преодолением затяжной конфликтной ситуации в регионе. Кубанский казак Пимен Пономаренко так, например, отзывался о черкесах, с которыми ему приходилось воевать: «свое ридно гниздечко обороняв. Як що по правде говорыты, то его тут правда була, а не наша»[55]. Известны и случаи, когда русские солдаты при таких обстоятельствах становились на защиту «туземного» населения. Подтверждения этому сохранились, в частности, в воспоминаниях участников Кавказской войны[56]. Вставший как-то при возникшей ссоре на защиту чеченцев от своих, личный состав Куринского полка, имевшего славу лучшего в Кавказском корпусе, пояснил свой единодушный поступок следующим образом: «Как нам не защищать чеченцев, они наши братья, вот уже 20 лет, как мы с ними деремся»[57].

---

[52] Кипкеева З.Б. Указ. соч. С. 11.
[53] Матвеев О.В. Враги, союзники, соседи: этническая картина мира в исторических представлениях кубанских казаков. Краснодар, 2002. С. 9–19.
[54] Толстой Л.Н. Указ. соч. С. 235.
[55] Чекалин С.В. Завещание Шамиля: Кавказские войны в лицах. М., 1998. С. 141.
[56] Воспоминания участников Кавказской войны XIX в. СПб., 2001.
[57] Там же. С. 284.

В этом как раз и просматриваются черты сформировавшихся «кавказцев», русских, обладавших приспособленным к местным условиям складом характера. Однако тот факт, что правда была также на стороне России, признавался и теми, кто воевал против нее. То, что она применяя силовое принуждение добивалась именно прекращения «грабительства», в свое время признавали и некоторые влиятельные мусульманские авторитеты[58]. Поэтому утверждения об агрессивности ее политики и преднамеренном расширении границ, не соответствуют действительности. Посещавшие Кавказ в рассматриваемый период и знакомившиеся на практике с особенностями края путешественники, делясь впечатлениями в своих путевых заметках, выражали глубокое сочувствие русскому населению, проживавшему по соседству с воинственными племенами, производившими постоянные набеги. Эти вторжения, если не получали своевременный отпор, приводили к многочисленным жертвам и разорению[59].

Вместе с тем, набеги имели не только внешнее проявление и направленность против «чужих», но и своих же соплеменников. В последнем случае, по свидетельству немецкого путешественника Э. Кемпфера, тоже похищалось все и продавалось, в том числе и люди, «туркам, персам и прочим в качестве крепостных»[60]. От грабительских вторжений страдали все без исключения народы края. Подтверждения этому встречаются до сих пор, как удалось выявить З.Б. Кипкеевой при сборе различных сведений в среде северокавказской диаспоры в Турции, даже в фольклоре. Она смогла найти на этот счет и другие документальные свидетельства[61].

На основе собранного материала за рубежом З.Б. Кипкеева, существенно расширив источниковую базу для отечественного кавказоведения, сделала вывод, что набеги, в частности для карачаевцев и балкарцев, до присоединения к России представляли постоянную угрозу для этнического развития, так как приводили не только к экономическому разорению из-за

---

[58] ЦГИА РГ. Ф. 416. Оп. 3. Д. 205-а. Л. 9.
[59] Дегоев В.В. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. М., 2001. С. 170.
[60] Цит. по: Блиев М.М., Дегоев В.В. Указ. соч. С. 136.
[61] См. подробнее: Кипкеева З.Б. Карачаево-балкарская диаспора в Турции. Ставрополь, 2000. С. 14.

массового угона скота, но и похищению людей. После же утверждения российской юрисдикции над этими народами, их аулы, также как и станицы, были взяты под охрану казачьих постов[62]. Так что от набегов существовала необходимость брать под защиту и само «туземное» население, которое от них страдало не меньше.

Происходили они и в сопредельные регионы со Средней Азией. Отсюда русских пленников в огромном количестве поставляли на невольничьи рынки Хивы, Бухары, Коканда и др.[63] В.И. Даль так описывал по преданию бедственное положение из-за набегов уральских казаков, «вскоре пугачевщины» сложившееся: «Казаки ни днем ни ночью не выходили со двора без винтовки за плечами; стада и табуны частию отогнаны были… а частию держались по близости станиц и пикетов… пастухи, вооруженные… были удвоены и едва смели прилечь, один из них конный, всегда стоял на ближайшем возвышении и высматривал окружность»[64]. Осуществлявшие набег «шайки» иногда достигали «несколько сот человек»[65]. Ответные же нападения уральские казаки вынуждены были производить «на аулы, к которым грабители принадлежали»[66].

Положение не претерпело существенных изменений и в XIX в. Из-за сложности ситуации на среднеазиатском направлении в 1864 г. по требованию царя проводится несколько заседаний Кабинета министров. Дипломатам империи в странах зарубежного Востока рассылаются депеши с рекомендациями. В одной из них Горчаков, в частности, разъяснял: «Россия занимает в Центральной Азии такую же позицию, как и все цивилизованные государства, которые сталкиваются с… кочевым населением, не имеющим никакой определенной социальной организации. В подобных случаях, как правило, более цивилизованное государство вынуждено, во имя безопасно-

---

[62] Там же.
[63] Кляшторный С.Г. Россия и тюркские народы Евразии // Цивилизации и культуры: научный альманах. Вып. 2. М., 1995. С. 198.
[64] Даль В. Полунощник. (Уральское предание) // Даль В. Упырь: Страшные легенды, предания и сказки. СПб., 2009. С. 106.
[65] Там же. С. 115.
[66] Там же. С. 113.

сти собственной границы и своих коммерческих намерений, осуществлять некоторое господство над теми, чей буйный и неукротимый нрав превращает их в нежелательных соседей»[67].

В заключительном сюжете канцлером обращено внимание на следующее: «После умиротворения эти племена имеют право на защиту против своих соседей; но в силу моральных причин этого не произойдет, поскольку особенность азиатов состоит в том, чтобы уважать только видимую и ощутимую силу»[68]. О значительных размерах вызванного набегами бедствия можно судить хотя бы по тому, что все посольства из России, направлявшиеся в XIX в. в различные государства среднеазиатского региона, вплоть до самого последнего посольства в Хиву в 1873 г., имели поручения освободить из плена ее подданных. Эти переговоры чаще всего не давали каких-либо результатов, и сложившееся положение продолжало оставаться без изменений[69].

Тем не менее, в случаях, когда умиротворение народов достигалось в результате военных акций, дискриминации в отношении их в России не устанавливалось. Учитывая, что элементы добровольности и силового принуждения закономерны для становления любого государства, можно говорить о том, что проводившиеся Россией завоевания выступали частью общего геополитического стабилизационного процесса, происходившего на протяжении многих веков в пределах Евразии. В качестве решающей меры они признаются в разрешении крымской проблемы. Но и в данном приращении территории прослеживается отмеченная двойственность.

Еще до начала военных действий покровительство России признали буджакские татары, такое же намерение получало распространение в среде остального населения ханства. Завоевание же Крыма привело к освобождению проживавших там татар от влияния Турции и к прекращению набегов с этого полуострова в пределы России[70]. Приостановились они на какое-то время и после завершения Кавказской войны во второй половине XIX в.

[67] Цит. по: Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. С. 15.
[68] Там же.
[69] Кляшторный С.Г. Указ. соч. С. 198.
[70] Турецкая империя. Сочинения Альфреда де Бессе. С. 111.

еще на одном южном направлении[71]. Огромные пространства начали заселяться народами империи и вводиться в хозяйственный оборот.

М. Гаммер называет циничным утверждение о направленности усилий России на Кавказе на прекращение в крае работорговли. Вместе с тем он подробно передает в качестве иллюстраций общей картины сводки о совершавшихся набегах в пределы России. При этом иногда М. Гаммер дословно отражает в описании содержание источника: «134 человека были убиты (преимущественно мирные русские жители). Полностью сожжены тридцать домов и три церкви. Нанесенный ущерб был оценен в 200 000 рублей. Но самое главное – горцы увели с собой 168 человек, в основном женщин, выкуп за которых дал… хороший куш»[72]. Напрашивается вопрос: какое государство могло терпеть подобное, поступаясь интересами и безопасностью своих подданных?

Разъяснения, если они лишены предвзятости, очевидны. М. Гаммер отмечает, что противодействия русских, «карательные экспедиции, сметавшие все на своем пути», являлись откликом «на инициативы горцев». Но почему-то, сталкиваясь с фактами такого рода, он выражает сожаление по поводу экономического ущерба, нанесенного отдельным обществам, «когда русские власти запретили работорговлю… с Османской империей, куда продавались грузинские и армянские пленники, захваченные во время набегов»[73]. О том, как все происходило в Кавказской войне на самом деле, можно судить и по такой цитируемой выдержке в книге М. Гаммера, но не по его концептуальным обобщениям: «Весь год прошел в беспрестанных набегах горцев и ответных рейдах русских»[74].

Описывая на основе источников «опустошительные набеги горцев на русские поселения», автор не обошел вниманием и существовавшую надежду у командования, «что удастся добиться мирного подчинения».

---

[71] Государственная дума. 3 созыв. Сессия 5. Засед. 120–153 (с 30 апреля по 9 июня 1912 г.). Стенографич. отч. Ч. 4. СПб., 1912. С. 2391; Буркин Н.Г. Революция 1905 г. в нацобластях Северного Кавказа. Ростов н/Д, 1931. С. 11.

[72] Гаммер М. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. Пер. с англ. М., 1998. С. 63, 92.

[73] Там же. С. 71 – 72, 230.

[74] Там же. С. 300.

В неоднократных попытках достичь договоренности о прекращении противостояния Шамилю предлагалось взять обязательство «не делать набегов на равнинные земли… и удерживать от этого других»[75]. Именно в этой взаимосвязи необходимо рассматривать и эпизодические меры на ранних этапах по вытеснению на Северо-Восточном Кавказе отдельных «туземных обществ» в горы и иных воздействий[76], направленных на прекращение набегов в российские пределы. При этом имелись в виду не только восточнославянские поселения. Под защиту брались все подданные империи независимо от этнической принадлежности.

Расчистка пространства подчинена была потребности установления над ним контроля, что и было достигнуто на какое-то непродолжительное время. Занятые же казаками земли[77] составляли незначительный процент, и то преимущественно принадлежали не вытесненным, а переселившимся в Турцию племенам. Для достижения объективности М. Гаммер должен был дать объяснение и другим связанным с перемещением населения фактам. Ему известны, судя по обобщениям, и проводившиеся русским командованием кампании, как, например, в 1845 г., с целью «восстановить ушедшие в горы общества на их прежних местах обитания», предоставить «возможность туземцам, насильно угнанным Шамилем, перейти на… сторону» России[78].

По замыслу это должно было «ослабить размах общего восстания» и сократить взаимные потери. Шамиль при насильственных переселениях отдавал распоряжения сжигать «аулы, уведя всех людей и увезя продовольствие»[79]. Сохранившиеся документальные свидетельства, если их систематизировать во взаимосвязи, позволяют иначе представить политику России на Кавказе, а не заниматься подтверждениями оторванных от исторической реальности мифологем отечественной и зарубежной историографии.

---

[75] Там же. С. 117, 176, 228.
[76] Там же. С. 57 – 58.
[77] Там же. С. 72.
[78] Там же. С. 226, 255.
[79] Там же.

В Кавказской войне осуществлялось, как показывает проведенный анализ, противостояние набеговой экспансии, без искоренения которой достижение стабильности в регионе было немыслимо. Укрепляя свои позиции на Кавказе, Россия стремилась предотвратить и работорговлю. Ни одно государство перед такой угрозой не может поступиться интересами и безопасностью своих подданных. Справедливость в Кавказской войне была на ее стороне. Силовая составляющая в объединительном процессе не являлась между тем преобладающей. Добровольное вхождение в состав империи было не менее массовым, чем движение тех, кто этому противостоял.

Имамат Шамиля

При укреплении своих геополитических позиций на Кавказе Россия опиралась на значительную часть «туземного» населения. Поэтому движение Шамиля и его усилия на сохранение имамата есть основания соотносить со своеобразным сепаратизмом, который неизбежно в разных формах встречается при формировании государств. Данная закономерность наблюдалась неоднократно в анналах мировой истории. С внутренним этническим сепаратизмом сталкивались, в частности, в эпоху Киевской Руси. Проявления его широко были распространены и в самом имамате. Шамилю, как уже отмечалось, приходилось наталкиваться на существенные препятствия, но они не носили остаточного характера и, напротив, усиливались. Движение «непримиримых» на Северном Кавказе, выступало в качестве своеобразного барьера. Несмотря на это параметры российского интеграционного процесса постоянно расширялись.

Однако Шамиль, по подтверждению сподвижников, сталкиваясь с трудностями, не отказывался от замыслов подчинения всех «туземных» народов Северного Кавказа «от владений Шамхала до Анапы», и утвердиться на этом обширном пространстве он намеревался в качестве султана (эмира) по подобию политической системы Османской империи. Для реализации задуманного он рассылал своих единомышленников по всему краю, включая районы расселения осетин, кабардинцев, черкесов и др. Но выйти за

пределы первоначально занятой локальной территории так и не смог. Все же попытки геополитических расширений по его варианту не получили поддержки даже у сопредельных обществ и обрекались неизменно на неудачу[80]. Поддержка Шамиля постепенно сужалась. В современных исторических публикациях, тем не менее, получила распространение идеализация имамата Шамиля и существовавших в нем порядков. Его представляют как «шариатское государство, построенное на Законах и Откровениях Всевышнего Аллаха»[81].

Бесперспективность борьбы части горцев против установления государственных порядков осознавалась и по ходу противостояния. По одному из запоздалых откровений самого Шамиля, «войну можно было кончить раньше», где-то еще в 1838 г. Именно тогда он впервые пришел к намерению изъявить покорность России и обещал прекратить свои враждебные действия против нее на переговорах с представителями командования русскими войсками и склонялся даже к поездке в Тифлис для встречи по этому поводу с государем императором, прибывшим в край, в чем горячо начал убеждать и своих ближайших сподвижников[82].

Но не встретил понимания, столкнулся с грубыми обвинениями «в измене шариату» и угрозами убить, и вынужден был, как человек безукоризненной честности, подчиниться данной когда-то клятве, безупречно пронеся до последнего еще на протяжении ряда лет взваленную обстоятельствами на его плечи ношу народного предводителя. Прибывшие от мюридов посланцы сообщили русскому командованию о стремлении и предпринимавшихся усилиях своего вождя переубедить окружение, о его душевных переживаниях после того, когда сделать это не удалось[83].

Необходимость исполнения данной однажды клятвы в конечном итоге взяла верх и подавила колебания. По признанию Шамиля, в войне с Россией он потерял свой народ. Незадолго до сдачи в плен уже почти все

---

[80] Дегоев В.В. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. С. 150–151, 206–207; 342.
[81] Хачилаев Н.М. Предисловие к русскому изданию // См. в кн.: Гаммер М. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. М., 1998. С. 5,7.
[82] Шамиль на Кавказе и в России. Биографический очерк / Сост. М.Н. Чичагова. СПб., 1889. С. 55–56, 20, 83, 89–100.
[83] Там же.

население, когда-то подвластное имаму, изъявило покорность ей вопреки мюридам и благосклонно встречало русские войска и их главнокомандующего, наместника его величества князя А.И. Барятинского[84]. Завершился процесс, начавшийся еще задолго до этого. От Шамиля уходили целыми аульными обществами в поисках защиты и покровительства со стороны России. Ее вооруженные силы в крае воспринимались в качестве гаранта безопасности. В ряде случаев «туземное» население по собственной инициативе оказывало противодействие отрядам, посылавшимся имамом для карательных целей. Систематические формы принимало изгнание или уничтожение представителей его власти.

Распоряжения их не исполнялись в массовом порядке. К русским генера-лам являлись многочисленные депутации, которые заявляли о своей покорности и просили защиты от Шамиля, нередко предлагая и свою помощь в противодействии ему. Принять российское подданство только в июле 1859 г. желание изъявили фактически все аварские, южные дагестанские и другие общества. В интеграцию включились и те аулы, которые ранее казались наиболее преданными Шамилю. Их население также ожидало прекращения его тирании и придерживалось настроений на принятие российского подданства[85]. Дагестанские авторы того периода, писавшие на арабском языке, сообщали также о том, что массы народа «торопились к встрече с русскими», выражая свое повиновение. Не являлись исключением даже соратники Шамиля по борьбе, входившие в его ближайшее окружение[86]. В соответствии со сложившимися стереотипами в исторической науке обстоятельства сдачи в плен выглядели иначе.

Современный кавказовед В.Г. Гаджиев описывает их следующим образом: «После окончания Крымской войны самодержавие значительную часть своей армии, участвовавшей в боевых действиях, перебросило на

---

[84] Там же.
[85] Дегоев В.В. Указ. соч. С. 221–222, 253.
[86] Хроника Мухаммеда-Тахира Ал-Карахи. О дагестанских войнах в период Шамиля. М., 1941. С. 245.

Северо-Восточный Кавказ. И эта намного превосходившая числом горские народы армия сделала свое дело. Окружив плотным кольцом имама, она принудила Шамиля сложить оружие и сдаться на милость победителей»[87]. Как видно, автор по-прежнему считает возможным не принимать во внимание фактор прекращения поддержки со стороны населения, хотя его в качестве определяющего при принятии решения назвал сам имам Шамиль[88]. Что же касается взаимоувязки окончания противостояния части горцев на Северо-Восточном Кавказе с Крымской войной, во внимание должны приниматься и отрицательные изменения в ситуации в регионе, напрямую вызванные этим поражением. Возросли при посредничестве турок и масштабы работорговли.

В статье, написанной в 1859 г. незадолго до окончания войны на Северо-Восточном Кавказе, Н.А. Добролюбов оставил такое объяснение: «Шамиль давно уже не был для горцев представителем свободы и национальности. Оттого-то и находилось так много людей, способных изменить ему». В качестве весьма важного обстоятельства, обусловившего эти изменения в самосознании, упоминалось именно управление населением, установленное в имамате, оказавшееся тяжелым для племен, непривыкших к повиновению и не получавших никаких выгод от созданного на теократических принципах подобия государственного порядка. Вместе с тем, находившиеся под властью Шамиля «туземные общества» видели, отмечает Н.А. Добролюбов в заключение, что «жизнь мирных селений… под покровительством русских, гораздо спокойнее и обильнее». Это то и заставило, по его утверждению, их делать, в конце концов, соответствующий выбор, «с надеждою на мир и удобства быта»[89].

Прослуживший на протяжении ряда лет во второй половине XIX в. в Ичкерийском (Веденском) окружном управлении русский чиновник Н.С. Семенов, увлекавшийся изучением вайнахской культуры, дал в свою оче-

---

[87] Гаджиев В.Г. Введение: Об авторе и его книге // См. в кн.: Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. М., 2000. С. 26.
[88] Шамиль на Кавказе и в России. Биографический очерк / Сост. М.Н. Чичагова. С. 55–56, 20, 83, 89–100.
[89] Добролюбов Н.А. О значении наших подвигов на Кавказе // Собр. соч. В 9 т. М.-Л., 1962. Т. 5. С. 448.

редь весьма сходную оценку общественно-политическому обустройству имамата, не являвшемуся, по его словам, воплощением народной независимости[90], о чем широко в тот промежуток времени утверждали на Западе. Отмечая «шамилевский деспотизм с его произволом, казнями, грабежом и всякими насилиями над личностью», чиновник, можно сказать, непосредственно переживший эпоху и много общавшийся по роду деятельности с людьми, также подтвердил, что чеченцы не без оснований возлагали надежды именно на русскую власть, которая предоставляла лучшие перспективы и после ее установления «не могли пожаловаться на посягательства… на их права или на стеснительное вмешательство в их домашние распорядки»[91].

Н.С. Семенов оставил свидетельство и о том, что отношение к ним было такое же, как и ко всем остальным подданным, «царь на всех смотрит одинаково», и даже более снисходительное, чем «к русским простолюдинам»[92]. Данное наблюдение подтверждается и другими очевидцами. Впрочем, и Шамиль, следует упомянуть в дополнение, также не был лишен благородства. Он разрешил русским раскольникам, бежавшим в горы, свободно отправлять богослужение, возводить новые часовни, поддерживать разбросанные храмы, не требуя за эти права ни податей, ни повинностей[93].

За их притеснения Шамиль строго наказывал виновных, не допуская в таких случаях никакого снисхождения. А когда положение аула Ведень, в окрестностях которого в лесах было основано несколько старообрядческих скитов, стало ненадежным, он для обеспечения безопасности перевел их в Дагестан[94]. В этом просматривается, безусловно, не только личное благородство Шамиля. Как считают некоторые кавказоведы, в этом просматривается прежде всего прагматическая расчетливость, так как русские пленники, как правило, являлись носителями очень важных для любой войны

---

[90] Виноградов В.Б. Н.С. Семенов и его очерк «День в ауле» 1869 г. Армавир, 2002. С. 6, 20.
[91] Там же. С. 14, 20.
[92] Там же.
[93] Шамиль на Кавказе и в России: Биографический очерк. Сост. М.Н. Чичагова. С. 49, 93; Дегоев В.В. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. С. 286, 317.
[94] Россикова А. Путешествие из центральной части горной Чечни // Зап.-Кавк. отд-е Имп. Рус. геогр. об-ва. Тифлис, 1896. Кн. 18. С. 147–148.

технических и военных знаний. Данная категория населения имамата приносила очевидные выгоды, создавая продовольственные ресурсы.

Переход к Шамилю не принимал, тем не менее, массовости, в отличие от принятия подданства России, и оставался явлением исключительным. Поэтому вряд ли есть основания его преувеличивать[95]. Староверы, в том числе и из терских казаков, жили на территории имамата изолированно, по законам своей веры и не воспринимали идеалы создаваемого государства, тем более не известны случаи, чтобы они подтверждали приверженность ему с оружием в руках. Да и имам понимал невозможность привлечения их для этих целей. Тот же М. Гаммер, в очередной раз, опровергая свои предшествующие утверждения, признает, что «общее количество русских перебежчиков к Шамилю было незначительным»[96]. Как имам он какое-то время, безусловно, обладал непререкаемым авторитетом у подвластных народов.

Очевидцы отмечали в нем наличие сильных качеств вождя: публичные выступления в аулах производили неизгладимые впечатления на окружающих, для которых произносимые речи казались внушительными и суровыми, манера оглашения молитв в мечетях действовала устрашающе, и, воспламеняя воображение, побуждала действовать в нужном Шамилю направлении. Впечатления от общения с ним оставляли неизгладимый след и заставляли повиноваться. В делах веры как наставник проявлял глубокую убежденность, ценности ислама вызывали у него захватывающее других вдохновение. Религия для имама исключала, по сути, какие-либо сделки, если он сталкивался с несоответствием ее идеалам, поступал всегда предельно жестко[97].

А. Дюма со слов русского офицера, побывавшего в плену у горцев, дал ему такую характеристику: «Шамиль отличается чрезвычайно высокой нравственностью и строго наказывает других за слабости… черты его лица доказывают, что они могут выражать самую сильную энергию. С первого взгляда можно угадать в нем человека высшего достоинства, человека, соз-

[95] Хачилаев Н.М. Указ. соч. С. 7.
[96] Гаммер М. Указ. соч. С. 344.
[97] Хроника Мухаммеда-Тахира Ал-Карахи. С. 76–78.

данного повелевать»[98]. Однако и ему была свойственна противоречивость. По ходу Кавказской войны, например, с одобрения Шамиля допускались набеги на равнину, преследовавшие грабительские намерения, от которых страдали не только русские поселения, но и аулы. Погромы последних провоцировались распоряжениями самого имама, предоставлявшими возможность мюридам производить по своему усмотрению изъятие имущества у подвергавшихся наказанию[99].

Разорения предпринимались даже в отношении аварских обществ. Нападения не знали, таким образом, этнических границ: им подвергались казачьи станицы на Линии, села в Кахетии и т.д. На такие действия, по всем показателям, наталкивала не столько нищета, сколько корыстные установки. Об этом свидетельствует, в частности, то, что лезгины соглашались принимать участие в военных действиях только под предлогом возможности грабить. С гор они спускались лишь с этой целью, а, обретя добычу, стремительно отходили в свои недоступные для преследования места проживания. Русские гарнизоны крепостей, призванные предотвращать набеги, в том числе на аулы, нередко из-за их стремительности оказывались застигнутыми врасплох. Распоряжения на акции, допускавшие грабежи, как видно, отдавал и сам имам[100].

Приказы его в этих случаях, следует заметить, противоречили исламу, содержащему строгий запрет на такие формы завладения чужим имуществом[101]. По шариату предполагаются и строгие меры наказания за это, вплоть до смертной казни. Но перед началом разбойных нападений собиравшиеся в ватаги заведомо оправдывали свои действия, давая клятву друг другу и предводителю на Коране, что являлось прямым нарушением религиозных идеалов и указывало на наличие искажений на практике мусульманских символов веры, о весьма поверхностном их восприятии многими

---

[98] Дюма А. Кавказ. С. 132.
[99] Покровский Н.И. Государственный строй и управление имамата // Северо-Кавказский юридический вестник. 1998. № 1. С. 184.
[100] Дегоев В.В. Имам Шамиль. С. 26–27, 31, 203–205, 212, 215, 217.
[101] См. Подробнее: Коран. Перевод смыслов и комментарии Иман Валерии Пороховой. 10-е изд. доп. М., 2008. С. 58.

сподвижниками Шамиля[102]. Практика же конфискации чужой собственности («присвоение того, что не было дано») признается в качестве неблагого деяния (греха) во всех религиях[103].

Остались сведения и о том, что лезгины, как и некоторые другие народы в составе имамата, не останавливались перед обращением в рабство даже мулл, занимавшихся распространением ислама[104]. Этнополитическое обустройство в нем отнюдь не было «органичным», а мусульманское право нарушалось по самым ключевым богословским аспектам. Соответственно на каком-то этапе сила нравственного влияния России стала выше, и Шамиль вынужден был с горечью признать это в качестве решающего обстоятельства, лишившего его широкой поддержки для продолжения борьбы.

В имамате допускалась дискриминация, например, при сборе налогов с подвластного населения. Наибольшая часть их взималась с чеченцев, в сравнении с которыми, как установлено Н.И. Покровским, «дагестанец-скотовод или садовод платит несравненно меньше»[105]. Это обстоятельство не в последнюю очередь, видимо, тоже способствовало, как и другие факторы, тому, что их горные общества, включенные Шамилем в оперативное пространство войны против России, так и не стали органической частью создаваемого государства, не преодолевшего в конечном итоге барьер непрочного этнополитического объединения. В нем периодически возникали сложные конфликты, и не прекращалось противостояние управленческому аппарату[106].

Сохранившиеся свидетельства проясняют то, что Шамиль не мог положиться на чеченцев в такой же степени, как на дагестанцев. Они не раз в критических ситуациях показывали свою ненадежность. Иногда чеченцы уклонялись от участия в боевых действиях, оставляя дагестанцев без солидарной поддержки и обрекая их тем самым на поражение. В этом можно усмотреть скрытый протест, являвшийся показателем разобщения по этни-

---

[102] Дегоев В.В. Указ. соч.
[103] См. Подробнее: Библия. Ветхий завет. М., 2009. С. 58; Ермакова Т.В., Островская Е.П. Классический буддизм. СПб., 2009. С. 137, 155, 165, 169, 173 и др.
[104] Дегоев В.В. Указ. соч.
[105] Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. М., 2000. С. 369.
[106] Блиев М.М. Указ. соч. С. 152.

ческому признаку. Случаи открытого недовольства политикой Шамиля, доходившие до активного вооруженного сопротивления, происходили и в дагестанских обществах[107]. Следовательно, его поддержка не была устойчивой и вполне закономерно сужалась при определенных обстоятельствах.

Шамиль и по собственной инициативе поддерживал в имамате разобщение, культивируя между подданными недоверие. В возможности их объединения он усматривал угрозу для себя, опасаясь за сохранность своей власти. Повиновение чеченцев, к слову, обеспечивалось с привлечением аварцев, лезгин и тавлинцев, а против последних использовал вооруженные формирования из других народов. Принимавшие участие в карательных мероприятиях, как правило, вознаграждались за счет грабежей, допускавшихся по отношению к подвергавшимся репрессиям[108]. Имам в этом случае сам поощрял экспроприации, обретавшие чаще всего тотальный характер. Подвергавшееся им население аулов в результате лишалось средств к существованию.

Достигнув относительной сплоченности населения имамата, Шамиль так и не смог создать, вопреки существующим представлениям, единой идеологической (консциентальной) платформы войны против России, четко отразившейся в настроениях подданных. В качестве одного из ее элементов следует, как показывает предпринятый анализ, рассматривать набеги и связанную с ними традицию. На нее даже налагались для оправдания догматы веры, хотя это изначально противоречило его сути. Ислам, несмотря на усилия Шамиля, так и не превратился в объединительный фактор, консолидирующий и сплачивающий разнородное население. Не установилось наличие и общего языка, мировоззренческих установок, а сохранявшиеся противоречия нередко приводили к возобновлению усобиц, ослаблявших и без того хрупкое единство.

Изменение количественных показателей не затрагивало качественных характеристик, являющихся отражением устойчивости процесса. Подтверждается это и тем, что после сравнительно быстрого разрушения имамата, не наблюдалось попыток по его восстановлению. О «национальном» спло-

[107] Гаммер М. Указ. соч. С. 246, 332–333.
[108] Дегоев В.В. Указ. соч. С. 100.

чении в таких случаях говорить не приходится. Вместе с тем, располагавшийся в горных частях территории Дагестана и Чечни, имамат, по существующему признанию, «имел немало черт раннего государства», и был отнюдь не просто образованием, организованным на военно-теократических принципах[109].

Хотя по установившемуся в исламе каноническому положению прерогативы имама сводятся лишь к возможности интерпретаций мусульманских законов (шариата), в действительности Шамиль, как и его предшественники, присвоили себе, следуя этим принципам, не только духовную, но и другие разновидности властных полномочий. Являясь, кроме того, главой верховной и светской власти, он опирался на созданный в 1842 г. Тайный совет (Диван), в который входили всего два наиболее приближенных сподвижника. Этот орган имел преимущественно совещательное предназначение при разрешении наиболее важных вопросов и выполнял текущие обязанности, разгружая имама от излишних забот управления[110].

В областях власть предоставлялась его доверенным лицам, выступавшим в роли заместителей более низкого ранга. Однако наибы имели всю полноту власти в пределах вверенных им территорий, неся персональную ответственность перед имамом как верховным правителем за поддержание порядка и исполнение предписаний шариата. Его присутствие как наместника Шамиля должно было способствовать соблюдению религиозных наставлений и административных распоряжений имама. Наибы вместе с тем занимались организацией сбора налогов. В свою очередь по служебной иерархии им подчинялись те, кто призван был контролировать старейшин аульных обществ и производить непосредственное командование военными подразделениями на местах («дибиры» или «мазумы»). В сфере этой служебной зависимости находились также сельские старшины и кадии, осуществлявшие управленческие функции на местах[111].

---

[109] Краткий исторический очерк христианства кавказских горцев со времен Св. Апостолов до XIX столетия. Сочинение Генерального Штаба полковника Ракитина. 1862. СПб (публикация В.А. Захарова) // Сборник Русского исторического общества. Т. 2. (150) / Под ред. Рапова О.М. М., 2000. С. 15.

[110] Гаммер М. Указ. соч. С. 306.

[111] Гаммер М. Указ. соч. С. 307; Дегоев В.В. Указ. соч. С. 95, 226, 251; Покровский Н.И. Государственный строй и управление имамата. С. 181.

Данная категория чиновничества в наибствах, также как и в имамате, была наиболее массовой. Наибы также подвергались проверкам, часть из которых осуществлял сам имам. Но этот институт власти имел немало несогласованностей. Наибы по установленным в имамате правилам имели возможность жестко контролировать поток жалоб против себя, как и прошения иного рода. По своему усмотрению они их разрешали или запрещали, а в случаях непосредственных обращений Шамиль сам поддерживал их произвол, заявляя, что все «решено по справедливости», так как «наиб разбирал… дело и знает его лучше». При отсутствии надлежащего контроля они «грабили и убивали простых узденей», чувствуя безнаказанность и прочность своего положения[112].

Повсеместная коррумпированность и другие порочные действия наибов как представителей власти нашли отражение даже в горских источниках, несмотря на то, что все делопроизводство и связанная с управлением в имамате документация подвергались цензуре. В конце 40-х гг. XIX в. из-за наблюдавшихся многочисленных злоупотреблений надзор за наибами был ужесточен и для этого была учреждена еще одна должность (мудира). Занимался таким надзором, заметим еще раз, и сам имам. Налажена была и особая система слежки за соблюдением требований ислама, поддерживавшая широкое доносительство. Производилось оно и специальными исполнителями («мухтасибами»). В этом, как и других случаях неповиновений, действовал хорошо отлаженный репрессивный механизм. Наказания и казни обретали порой показательный публичный характер и имели устрашающее пропагандистское воздействие на массы[113].

Для ведения дел по шариату, исключенному из сферы компетенции наибов, при них находились муфтий и несколько кадиев, отвечавших за надлежащее состояние мечетей и приходов. Именно на эту категорию священнослужителей, как и на мулл, возлагались повседневные молитвенные обряды и предполагавшиеся по Корану особые проповеди. Назначение кадиев производилось муфтиями. Они рассматривали судебные тяжбы и споры в соответствии с шариатом, подчиняя этой восточной правовой тради-

[112] Там же.
[113] Там же.

ции всю общественную жизнь населения аулов. Централизованная духовная власть в наибствах замыкалась на муфтиев, имевших прерогативы общего конфессионального руководства. В этом как раз состояло несоответствие практике зарубежных мусульманских стран. Обычно кадиям отводится лишь роль судьи, а муфтиям предоставлено толкование шариата[114].

Политический режим, установленный в имамате, основывался, таким образом, на копировании того, что было в Османской империи, имея вместе с тем отдельные отклонения. Для самобытных северокавказских этнокультурных сообществ он был разрушителен. Окружение Шамиля состояло из тех, кто призван был слепо повиноваться имаму и ни в чем не нарушать его воли. Всякие отклонения от установленного порядка жестоко карались. Наказуемыми нередко оказывались даже подозрения, особенно если они были связаны с предполагавшимися посягательствами на власть[115].

В изложенных перечислениях можно усмотреть наличие классических контуров восточной деспотии. Неслучайно модель имамата оказалась в конечном итоге не конкурентоспособной в столкновении с российской практикой государственного обустройства и не выдержала испытание временем. Этнополитическое обустройство в нем отнюдь не было «органичным», допускались разобщение по этническому признаку, дискриминация при сборе налогов. «Национальной» консолидации в имамате не существовало, он не являлся воплощением народной независимости. Поддержка его постоянно сокращалась.

Движение Шамиля, как и предшествующих имамов, не подпадает под критерии «национально-освободительной борьбы». Это было проявление своеобразного сепаратизма на фоне происходившего на Кавказе и в северных его частях интеграционного процесса. Перед «туземными обществами» существовавшие исторические условия открывали перспективу выбора, от которого не в последнюю очередь зависела успешность усилий противоборствующих сторон в вооруженном конфликте.

---

[114] Гаммер М. Указ. соч. С. 308.
[115] Там же. С. 175.

Российская альтернатива

Кавказская война, в которой Россия пользовалась поддержкой у «туземного» населения, несла огромные затраты и потери, была тем не менее проблемой, при решении которой речь шла о потенциальных соотечественниках. Для зарубежных стран, предпринимавших вмешательство, Кавказская война являлась событием, не затрагивавшим безопасность их граждан, а по большому счету и геополитические интересы. Оно лишь расширяло масштаб кровопролития. Войну с Шамилем вели не только русские войска, но и народы края. Учитываться должны различные векторы Кавказской войны. Она явилась следствием внутренних региональных и горских противоречий.

По ходу событий участники даже со стороны «непокорных», в их числе, что весьма показательно, прославленный «Имам Чечни и Дагестана», многоопытный ратник и «гений мусульманского мира», как писали о нем при жизни, замечали то, что впоследствии было предано из-за идеологических коллизий незаслуженному забвению: Кавказ покорился не столько силе русского оружия, сколько силе нравственного авторитета России. Были обоюдные разрушения в ходе боевых действий, но были и построенные мечети в чеченских и других селениях на средства, выделенные теми, кто проводил российскую политику в крае. Одно из свидетельств об этом записано по рассказам самого Шамиля. В записях воспоминаний имама отмечено: «Герменчук, самый большой чеченский аул, имевший три мечети, из которых лучшая была построена на деньги, пожалованные Ермоловым»[116].

По разъяснению генерала, жесткие меры он предпринимал лишь после того, как «самая крайность к тому понудила», чтобы снисходительность, с учетом специфики края, населенного «народами непросвещенными», не воспринималась «за слабость»[117]. Наказаниям по распоряжению А.П. Ермолова подвергались только изменники и те, кто занимался грабежами, совершая набеги на русские и «туземные» селения, принявшие подданство

[116] Шамиль на Кавказе и в России. Биографический очерк / Сост. М.Н. Чичагова. С. 22.
[117] Цит. по: Клычников Ю.Ю. Деятельность А.П. Ермолова на Северном Кавказе (1816–1827 гг.). С. 12–13.

империи[118]. Строгость, как подсказывал опыт, способна предупредить «много преступлений», а меры экономической блокады против непокорных заставят, «крови… не проливая», переменить «разбойнический образ жизни» тех, кто занимается набегами. По убеждению генерала, «Россия должна повелевать властию, а не просьбами»[119]. Восточные реальности, с которыми приходилось сталкиваться представителям русской власти на Кавказе и иных азиатских окраинах империи, неизменно подтверждали правоту А.П. Ермолова.

«Смелые рейды» производили «впечатление на горцев». Нередко после их осуществления население различных аулов, осознававшее необходимость стабилизации обстановки, встречало русские войска с благодарностью[120]. Выдающиеся государственные деятели европейского масштаба также признавали, основываясь на своем собственном опыте, притягательную силу «решительной и смелой политики»[121]. Положительные результаты она давала, как видно, и в странах Запада, вырвавшихся в силу разных благоприятных обстоятельств вперед в своем развитии. Отмеченные намерения А.П. Ермолова в «преобразовании Кавказа» дают основание не согласиться с утверждением, что «он нередко становился похожим на тех, кого называл “дикарями”»[122].

По ходу же ее были, несомненно, жертвы с той и с другой стороны, но были и горские общества, которые русские войска брали под защиту от произвола мюридов. Было, как и на всякой войне, ожесточение, но были и спасенные в сражениях дети, которым русские офицеры обязывались отчислять определенный процент от своего жалования до совершеннолетия, не говоря уже о крупных разовых пожертвованиях[123]. За счет казны создавались и специальные приюты, «военно-сиротские отделения» для малолетних детей «возмутителей и изменников между горскими народами»[124].

---

[118] Там же. С. 13.
[119] Там же.
[120] Гаммер М. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. С. 289.
[121] Бисмарк О. Мысли и воспоминания. Т. 2. С. 84.
[122] Блиев М.М. Рецензия. Блиев М.М. Рецензия // Отечественная история. 2001. № 6. С. 149.
[123] Шамиль на Кавказе и в России. Биографический очерк / Сост. М.Н. Чичагова. С. 22, 104.
[124] Кавтарадзе А.Г. Генерал А.П. Ермолов. Тула, 1977. С. 82.

«Казенно-кошными воспитанниками», получавшими образование при полной поддержке государства, становились не только «дети почетных горцев», но и те, кто в силу каких-либо жизненных обстоятельств терял родителей[125].

Были штурмы крепостей, но были и суровые приказы немедленно прекратить перестрелку, как было, к слову, при взятии последнего пристанища «непокорных» Гуниба, чтобы не подвергать находившихся там женщин и детей, как помечено в приказе, «ужасам боя». Русское командование оказывало покровительство отходившим от Шамиля «туземным обществам», оберегало их аулы. Подвергшиеся разрушению вследствие боевых действий, восстанавливались, на что выделялись средства. Внимание уделялось даже вопросам обустройства. Этим наглядно опровергались слухи, распространявшиеся имамом для устрашения, о неизбежной «грядущей русской мести». Наиболее последовательно такие меры осуществлялись на завершающем этапе Кавказской войны в Северо-Восточных частях края наместником и главнокомандующим армией А.И. Барятинским, представлявшим верховную власть Российской империи.

Для России Кавказская война, в которой она пользовалась поддержкой у «туземного» населения, ориентированного на ее подданство, несла огромные затраты и потери, была внутренней весьма деликатной проблемой. При ее решении речь шла о потенциальных соотечественниках, о тех, с кем потом придется, несмотря ни на что, жить вместе в одном государстве. Для зарубежных стран, Кавказская война являлась событием, не затрагивающим безопасность их граждан, а по большому счету и геополитические интересы. Именно поэтому англичане производили на Кавказ «контрабандные поставки оружия и боеприпасов»[126], не придавая никакого значения тому, что это лишь расширит масштаб кровопролития.

Русские матери со «страхом прощались… с отправлявшимися на эту войну» и в восточнославянских семьях при таких проводах «большего горя не могло быть»[127]. М. Гаммеру следовало бы учесть и эти реальности, пре-

[125] ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 800. Л. 36-36-об.
[126] Гаммер М. Указ. соч. С. 169.
[127] Шамиль на Кавказе и в России. Биографический очерк / Сост. М.Н. Чичагова. С. 141.

жде чем с особой тщательностью заниматься неоднократными перечислениями потерь русской армии при проведении различных операций, выражая явные симпатии противоположной стороне. Нравственность при таких систематизациях, безусловно, отсутствует. Историки не должны восхищаться или выражать радость по поводу гибели людей. Сожаление вызывают и потери горцев. Геополитические и иные обстоятельства обрекали народы Кавказа на единство с Россией.

Противостояние части горцев в ходе Кавказской войны не имело перспективы. Следуя критериям объективности невозможно это не учитывать. То, что Кавказскую войну необходимо воспринимать преимущественно как внутренний для региона и империи конфликт, а не внешний, проясняют многие факты. Это можно, к слову, заметить по разбросу хронологических обозначений ее начальных событий, а также по иным затруднениям, с которыми приходится сталкиваться ученым. В качестве отсчета берутся разные вехи, как, собственно говоря, и при датировках гражданских войн, где также происходит противостояние двух частей народа с оружием в руках друг против друга. Россия, оказавшись в эпицентре этнополитических предпочтений, на всех этапах не являлась посторонним участником этого затяжного регионального конфликта, так как напрямую затрагивалась судьба ее подданных.

Право на существование в науке имеет любая точка зрения, относящая исходный рубеж Кавказской войны к первым десятилетиям XIX в. Отражавшими реальность представляются и датировки, предложенные еще очевидцами событий. В ряде случаев сложившиеся представления, появившиеся при непосредственном отражении эпохи в исторических обобщениях, не должны подвергаться пересмотру, тем более, если они опираются на вдумчивый анализ, а не на расчетливую предвзятость, порождающую мифы. Практика показывает, что именно представления очевидцев нередко являются оптимальными при дальнейшем осмыслении той или иной проблемы, хотя и не бесспорными. К прошлому и здесь должно выдерживаться уважительное отношение. В XIX в. при описании исторических событий

формирования государственного единства Кавказа с Россией указывался 1801 г., когда в ее состав вошла Грузия.

Кавказская война явилась так или иначе не только фактором длительного полувекового противостояния, но и, как уже отмечалось, государственного объединения под эгидой России другой более значительной части «туземного» населения. Этот процесс в последующую после ее окончания эпоху затронул в той или иной степени и непримиримых последователей «газавата» (священной войны). На это были направлены соответствующие подходы в проводившейся на Северном Кавказе политике, способствовавшие формированию российской всеобщности, универсалистского полиэтнического единства.

В соответствии с установившейся историографической традицией в изучении событий Кавказской войны наибольшую освещенность получали только ее трагические последствия. В концептуальном отношении они представлены в виде обычных рассуждений о покорении Кавказа, реакционных происках царизма, геноциде и угнетении горцев, выставляющих проблему в одностороннем, неприглядном для России свете. Между тем проводившаяся российская политика выступала в качестве более сильной альтернативы. Способствовала она и преодолению последствий вооруженного противостояния. Нравственное воздействие при осуществлении российской политики сыграло решающую роль и в перегруппировке самосознания самого прославленного имама, вдохновителя газавата (священной войны) с иноверной православной державой.

При сдаче Шамиля в плен 25 августа 1859 г. были признаны все его заслуги, «впечатления от которых, – как было заявлено посланником русского командования, – никогда не померкнут». Это было сделано в самую, пожалуй, тяжелую минуту его жизни, в момент обдумывания рокового, как казалось сначала, решения о прекращении борьбы, когда имам испытывал душевные муки и ожидал расправы. Но и в дальнейшем он сталкивался только с уважительным и сочувственным отношением. Руководивший операцией барон Врангель при встрече с ним «ответил ласково на его поклон,

сказав, что хотя до сих пор русские были его врагами… но теперь он найдет в них лучших своих друзей»[128].

Так же вежливо обошелся с ним наместник, главнокомандующий князь А.И. Барятинский. На его слова сожаления о том, что Шамиль не сдался раньше, последний ответил: «я не внял твоим советам, прости и не осуждай меня. Я простой уздень, тридцать лет дравшийся за религию… но теперь народы мои изменили мне… Поздравляю Вас с владычеством… над Дагестаном и от души желаю государю успеха в управлении горцами для блага их»[129].

Все мюриды, перешедшие еще до этого финального акта на русскую сторону, тут же «получали полное прощение» и с доверием принимались при желании на службу, а оставшиеся до конца «непримиримыми» были отпущены «на свободное жительство» в аулах с личным оружием, чтобы не унижать их достоинства, так же как, впрочем, оставлено оно было и самому имаму и с ним он предстал даже перед наместником, а впоследствии и перед российским монархом. Встреча с Александром II, состоявшаяся 15 сентября 1859 г. в Чугуеве Харьковской губернии, во время которой царь обошелся с ним на удивление великодушно и заверил, что Шамиль не будет раскаиваться о сдаче в плен, особенно глубоко тронула имама. Он начинал понимать, что находится «не во враждебной… а в дружественной стране»[130].

О высокой степени гуманного отношения к пленнику красноречиво говорят и приготовленный специально для него чай в серебряном сервизе в отдельной палатке по прибытии на место первого «заточения» в русский военный лагерь, и купленные наместником ему и его близким подарки (англичане, к слову, в аналогичных ситуациях предавались грабежу, обирая до нитки). Шамилю и его многочисленному семейству в Калуге, где была назначена ссылка, специально выделили большой двухэтажный дом с маленькой мечетью во дворе. Ему, кроме того, определили годовое, весьма

[128] Шамиль на Кавказе и в России. Биографический очерк / Сост. М.Н. Чичагова. С. 44, 96–98.
[129] Там же. С. 100.
[130] Там же. С. 112–113.

приличное содержание в 15 тыс рублей (состоятельность тогда смог бы обеспечить доход даже в 5).

Оплата особняка, летней дачи в окрестностях города, экипажа, обслуживающего персонала требовала ежегодно от казны дополнительных затрат, превышавших отметку в 20 тыс рублей. Учитывать следует, безусловно, и многочисленные дорогие подарки от императорской четы. Такое обхождение было не только с Шамилем и членами его семьи. В глубинке России можно было встретить и других сосланных горцев, которые «ходили на свободе, получали также от государя содержание, занимались вольной работой и жили своими домами». Видя все это, бывший имам до глубины души раскаивался, что не так содержал русских пленных[131]. Понимание того, что «от избытка зла не может произойти добро»[132], пришло к Шамилю под воздействием увиденного именно в православной империи, государственные порядки которой ему казались когда-то чуждыми, не совместимыми с цивилизационными ценностями ислама. Однако при соприкосновении с действительностью он убеждался в обратном.

При прощании по пути следования в глубь России с курским губернатором Н.П. Бибиковым Шамиль поблагодарил его за проявленное гостеприимство и откровенно признался: «Как военнопленный я не имел права ожидать повсюду ласкового приема». На это губернатор в свою очередь ответил: «Русские зла не помнят, и нет сомнения, что и далее вы встретите к себе повсюду внимание». Последующие наблюдения подтвердили это, и Шамиль неоднократно, сталкиваясь с реальностью, восклицал: «Аллах, Аллах! Зачем в горах говорили, что русские нехороший народ?»[133]. При встрече в Калуге в торжественной обстановке последовало признание его ратных свершений. Шамилю было сказано в этой связи следующее: «Мы в тебе чтим героя». Была выражена вместе с тем надежда, что он через какое-то время признает недавних «своих врагов… лучшими друзьями»[134].

---

[131] Там же. С. 126; Дегоев В.В. Имам Шамиль. С. 285.
[132] Кропоткин П.А. Великая Французская революция. М., 1979. С. 86.
[133] Дегоев В.В. Указ. соч С. 291, 295.
[134] Шамиль на Кавказе и в России. Биографический очерк / Сост. М.Н. Чичагова. С. 122, 117, 119–120,128, 172; Дегоев В.В. Указ. соч С. 291, 295.

И бывший «грозный имам» действительно убедился, что на него никто не сердится и не желает зла, даже мальчишки, а на Кавказе, по его утверждению, в таком же положении «закидали бы… грязью… прибили бы… и даже убили»[135]. Получив в России признание как герой, испытав после всего такое отношение к себе «как к другу и брату», знакомясь с достопримечательностями российских городов и столиц, показываемыми ему сопровождающими офицерами, посещая балы в дворянских собраниях и театры, имам как-то при осмотре дворца в Царском селе остановился и долго смотрел на статую Спасителя и после раздумий сказал: «Он многому прекрасному учил вас, я тоже буду ему молиться». А на заданный однажды кем-то вопрос: «Отчего вы так упорно не сдавались?», – искренне ответил: «Да, я жалею, что не знал России, и что ранее не искал ее дружбы»[136]. В качестве альтернативы противостоянию и возможных обострений обстановки в крае был противопоставлен долговременный компромисс.

Предполагалось при этом, что большинство горцев постепенно со временем признают Россию все же своим отечеством. Представители русской власти после прекращения вооруженного противостояния во второй половине XIX в. организовывали неоднократные выезды в нагорные общества, служившие опорой Шамиля в войне против России, в том числе и в самые отдаленные районы, для разъяснения покоренному населению, что его «право земельной собственности», вызывавшее у горцев наибольшую обеспокоенность, «национальные и религиозные чувства» и т.д. будут неукоснительно уважаться и соблюдаться. Кроме того, бывшим сподвижникам Шамиля давались заверения, что после прекращения борьбы все «независимо от национальности, являются верноподданными гражданами России»[137].

За семь лет нахождения в пределах России и Шамиль постепенно пришел к мысли присягнуть ей на верное подданство, обратившись в этой связи к государю с письмом на арабском языке, где, в частности, говорилось: «я завещал им (детям. – В.М.) быть верноподданными царям России и

[135] Шамиль на Кавказе и в России. Биографический очерк / Сост. М.Н. Чичагова. С. 126.
[136] Там же. С. 113.
[137] Дзидзоев В.Д. Национальные отношения на Кавказе. Владикавказ, 1995. С. 72.

полезными слугами новому нашему отечеству... Упокой мою старость и повели, государь… принести мне и детям моим присягу на верное подданство... В свидетели верности и чистоты моих помыслов я призываю всемогущего Бога... и даю клятву на священнейшем Коране». Присматривавший за ним и ставший для него очень близким в радости и горе генерал М.Н. Чичагов поддержал его в этом намерении, и, чтобы оно нашло благосклонный скорейший отклик в правящих кругах, незамедлительно известил обо всем телеграфом военного министра[138].

Соответствующие службы тут же получили распоряжение для этого торжественного случая перевести на арабский язык, «применительно к мусульманской религии», присяжный лист, назначить муллу. Символически подведя черту всему пережитому за долгие годы познания России, 26 августа 1866 г. Шамиль со всем своим семейством в зале Дворянского собрания Калуги при полном соблюдении норм шариата и связанных с ними обычаев присягнул ей на верное подданство, после чего, как и все проходившие в разное время через этот обряд, в том числе и целые народы, считался уже соотечественником. Шамиль надеялся, что все его сыновья и зятья, приняв присягу, будут служить новому отечеству и его монархам «верой и правдой»[139].

В письмах на Кавказ бывший имам просил с пониманием отнестись к его осознанию допущенных ошибок: «Бедный мой народ, вы вместе со мной искали покоя в войнах, переживая одни несчастья. Оказывается, покой можно найти только в мирной жизни и не только здесь, но и там, в горах… В отношении с русскими следуйте моему примеру, ибо их деяния, если поставить на чашу весов справедливость, перетянут больше в сторону добра»[140]. Под текстами всех обращений к соплеменникам неизменно в тот период стояла подпись: «Бедный раб Шамиль»[141]. В них содержались призывы к единству с великой страной, открытой для того, чтобы стать отече-

---

[138] Шамиль на Кавказе и в России. Биографический очерк / Сост. М.Н. Чичагова. С. 200, 202, 206.
[139] Там же.
[140] Цит. по: Чекалин С.В. Завещание Шамиля: Кавказские войны в лицах. С. 154.
[141] Там же.

ством даже для тех, кто подчинен силой оружия. Обращения писались на арабском языке[142].

После устранения вооруженного противостояния на Северо-Западном Кавказе было удовлетворено и сокровенное желание имама посетить священный город мусульман, о чем он просил государя во время личной встречи в Петербурге еще в 1861 г. Спустя 9 лет, в 1870 г., со своим семейством, на выделенное специально для этой поездки казенное пособие, он отправился в Мекку. Вернуться из-за «одолевших недугов» ему было не суждено. Шамиль умер в 1871 г. в Медине, благословляя Россию и молясь за ее монарха[143]. И это притом, что на мусульманском Востоке бывший имам столкнулся с фанатичным массовым почитанием и преклонением[144].

Изменения в его восприятии России как отечества не прослеживаются и в последнем письме, составленном 14 января в предчувствии смерти. Изложенная в нем просьба о помощи близким и сохранении заботы о них, была полностью удовлетворена, на что выделялись по-прежнему немалые ежегодные средства из российской казны[145]. Так что в обращении с Шамилем не было какого-либо корыстного политического расчета, и до конца выдерживалась честность. Существовало понимание, что он является знаковой фигурой и на отношении к нему должно демонстрироваться отношение ко всем горцам, потенциальным соотечественникам. Именно пребывание в России и произошедшие последующие переоценки прошлого в сознании Шамиля, на мой взгляд, стоят гораздо выше, чем все то, что было на предшествующем этапе. Признание России отечеством свидетельствует о широте и величии его натуры.

Консциентальные перемены с такой направленностью и явилось как раз главным содержанием эпохи Кавказской войны и тех интеграционных трансформаций, которые происходили в крае во второй половине XIX в. Судя по оценкам самого Шамиля, признание России отечеством, а не участие в противостоянии с ней, было достойным итогом его жизни. Оно ока-

---

[142] Шамиль на Кавказе и в России. Биографический очерк / Сост. М.Н. Чичагова. С. 206.
[143] Там же.
[144] Дегоев В.В. Указ. соч. С. 305, 306.
[145] Там же.

залось, по сути, вершиной пройденного пути. В судьбе Шамиля, как и в неразрывно связанной с ней жизненной участи его сыновей, словно в капле, отражена судьба всех горских народов, раздиравшихся противоречивыми настроениями «за» и «против» при единении с Россией.

Сын Шамиля Джамал-Эддин, выданный в 1839 г. отцом в заложники (аманаты) русским, был окружен вниманием и заботливо воспитан в Пажеском корпусе, самом престижном военном учебном заведении, попал на службу в один из гвардейских полков и горячо полюбил свою вторую родину. Он умер в тоске по ней, принужденный родителем помимо своей воли вернуться в Дагестан, прожив там всего 3 года. Впоследствии Шамиль именно под таким углом зрения осознал случившееся. Давая разъяснение окружающим об изменениях в восприятии России, он как-то в глубоком раздумье заметил: «Теперь я понимаю, отчего мой сын… умер!»[146].

Тем не менее, судьба других его сыновей сложилась по-разному. Шафи-Магомет стал генерал-майором, поступив служить в конвой его величества, и, судя по всему, также был патриотом России. Кази-Магомет нарушил завещание отца, не вернулся после совершения паломничества (хаджа) из-за границы и подался в турецкие войска, в составе которых он принимал деятельное участие в различных военных кампаниях против России. Показательными в этом отношении явились и события 1877–1878 гг. Но сыновья Шамиля принимали в них участие и в качестве офицеров русской армии, не нарушив завещание отца, верность данной присяги[147].

Такие же противоречия проявлялись и в интеграционных процессах с Россией у всех без исключения северокавказских народов[148]. Одна, чаще всего самая значительная часть тех или иных этнических сообществ, в конечном итоге приходила к осознанию своего единства с Россией, признанию ее своим отечеством, а другая продолжала сохранять по отношению к ней или нейтральную до поры до времени неопределенность, или даже открытую враждебность. Затрагивалась этими переменами и весьма консер-

---

[146] Шамиль на Кавказе и в России. Биографический очерк / Сост. М.Н. Чичагова. С. 83–84, 207.
[147] Там же.
[148] Матвеев В.А. Кавказская война: незамеченные итоги // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Общественные науки. 1995. № 4. С. 9.

вативная сфера религиозных приверженностей. Особенно ярко эта двойственность проступала на поверхность исторических событий в экстремальных ситуациях.

В периоды военных лихолетий, например, часть мусульман края, так же, как и миллионы других их российских единоверцев, молилась во главе со своими муллами, как когда-то и имам Шамиль, за Россию, прося всевышнего о ниспослании победы русскому оружию, а часть подпадала под сепаратистские влияния, предаваясь религиозному фанатизму. Линия на компромисс в политике, проводимой на Северном Кавказе, обеспечивавшая постепенное эволюционное приобщение иноэтнического населения к российскому согражданству выдерживалась и в начале XX в.

Изыскивались все новые возможности для более прочной интеграции края, что подтверждают, в частности, юбилейные торжества по случаю 50-летия покорения Восточного Кавказа, проходившие в Гунибе 24–25 августа 1909 г.[149] Массовое участие в них принимало и «туземное» население. Последствия Кавказской войны – покорение этого многонационального края не только силой оружия, но и силой нравственного авторитета России, политический компромисс и происходившая во второй половине XIX – начале XX в. интеграция «туземного» населения в систему ее государственных отношений оставались незамеченными в науке.

Величие Шамиля, на мой взгляд, не столько проявилось в ратной многолетней эпопее, сколько в осознании на склоне лет России в качестве отечества и признании ошибочности войны против нее. По воспоминаниям тех, кто знал его в тот период жизни, бывший имам неоднократно, возвращаясь в мыслях к прошлому, выражал искреннее сожаление, «что раньше не знал России, а то бы давно покорился» и симпатизировал ее усилиям по умиротворению горских племен на Северо-Западном Кавказе. Свои настроения на этот счет он, как глубоко верующий человек, подтверждал призывами: «пусть поразит меня и все мое семейство кара Божия!». Наблюдавшие Шамиля отмечали немыслимость измены России с его сторо-

[149] ЦГИА РГ. Ф. 13. Оп. 3. Д. 687. Л. 3; Ф. 1087. Оп. 1. Д. 170. Л. 7–7-об.

ны[150]. Это подтвердилось и во время поездки на мусульманский Восток при совершении паломничества (хаджа).

В исторической науке и этот итог оказался забытым. Усилия к окончательному примирению в проводимой политике предпринимались и на последующих этапах. Пребывание в России не поставило бывшего имама «вне истории»[151], величие его проявилось не столько в ратной многолетней эпопеи, сколько в признании ошибочности войны против нее. Возрастание нравственного влияния России лишило Шамиля поддержки для продолжения борьбы. Она не была устойчивой и вполне закономерно сужалась.

Реалистичным восприятие прошлого, связанного с Кавказской войной, сохранялось после замирения и у русских ветеранов, призывавшихся с учетом обретенных на практике знаний о крае и населявших его народов на различные административные должности, либо продолжавших службу в качестве офицеров. Проявилось это и в 1909 г. при подготовке и праздновании 50-летнего юбилея завершения «вековой борьбы в горах Чечни и Дагестана». Наместнику его императорского величества графу И.И. Воронцову-Дашкову по этому поводу поступила «масса… приветственных телеграмм со всех концов края» и других восточных областей империи[152]. При организации предусматривалось приглашение «от всех туземных народов» ветеранов, воевавших на стороне России. Извещения об этом были разосланы даже в удаленные аулы[153].

Согласно программе, выработанной штабом Кавказского военного округа, в Гуниб, где проходили торжества, были приглашены многочисленные представители от всех «туземных» народов, прибыли ходоки и по собственной инициативе. Прибывшие в Гуниб многочисленные представители мусульман молились совместно с православными участниками торжеств «по своим героям, павшим в Кавказскую войну»[154]. Примечательно и то,

---

[150] Там же. С. 166, 167–168, 191.
[151] Дегоев В.В. Указ. соч. С. 267.
[152] Кавказ. 1909. 1 (14) сент.
[153] ЦГИА РГ. Ф. 13. Оп. 3. Д. 687. Л. 3; Ф. 1087. Оп. 1. Д. 170. Л. 7–7-об; Кавказ. 1909. 23 авг. (3 сент.); 26 авг. (8 сент.); 27 авг. (9 сент.); 1 (14) сент.
[154] ЦГИА РГ. Ф. 13. Оп. 3. Д. 687. Л. 3; Ф. 1087. Оп. 1. Д. 170. Л. 7–7-об; Кавказ. 1909. 23 авг. (3 сент.); 26 авг. (8 сент.); 27 авг. (9 сент.); 1 (14) сент.

что участники праздничных мероприятий от горских и тюркских обществ не только поддержали «могучее “ура” русских войск», но и во время совместной с ними панихиды, совершенной по православным и мусульманским обычаям, молились «по своим героям, павшим в Кавказскую войну»[155].

Не менее дружно был исполнен всеми присутствующими «народный гимн “Боже, царя храни!”», после чего состоялись другие праздничные совместные мероприятия. Определявший разработку сценария празднования 50-летнего юбилея прекращения вооруженного противостояния «в горах Чечни и Дагестана», наместник его императорского величества граф И.И. Воронцов-Дашков, принимавший участие и в штурме Гуниба, предусмотрел в завершение торжеств совершение молебнов «по всем воинам», погибшим в сражениях[156]. Проводившаяся российская политика выступала в качестве более сильной альтернативы. Но «туземные общества», формировавшиеся из непримиримых, в начале XX в. сохраняли еще предрасположенность к сепаратизму.

[155] ЦГИА РГ. Ф. 13. Оп. 3. Д. 687. Л. 3; Ф. 1087. Оп. 1. Д. 170. Л. 7–7-об; Кавказ. 1909. 23 авг. (3 сент.); 26 авг. (8 сент.); 27 авг. (9 сент.).
[156] ЦГИА РГ. Ф. 13. Оп. 3. Д. 687. Л. 3; Ф. 1087. Оп. 1. Д. 170. Л. 7–7-об; Кавказ. 1909. 23 авг. (3 сент.); 26 авг. (8 сент.); 27 авг. (9 сент.).

Заключение

Государственное объединение, следует заметить, соответствовало не только интересам русских, но и всех народов Кавказа. Впервые за многие века они получили спасительную для себя защиту от внешних агрессий. Спасая сопредельные народы, Россия обретала нравственный потенциал. Он так же оказывал воздействие на интеграционный процесс. При укреплении позиций на Кавказе авторитет России имел большую эффективность, чем ставка на силу оружия. Государственное объединение в ее составе создало более благоприятные условия для этнической консолидации. Вместе с тем преодолевались многовековая вражда и разобщение, достигалась континентальная стабилизация.

Интеграция в систему российских государственных отношений происходила как накануне, так и по ходу присоединения. Этот процесс в той или иной мере охватывал значительную часть иноэтнических сообществ. Расширение его масштабов происходило не без противоречий, но в итоге оказывалось определяющим. Проводившаяся на северокавказской окраине политика основывалась на принципе единого отечества. При этом Россия выступала своего рода идеей объединения. Кавказская война соответственно также явилась не только фактором длительного полувекового противостояния, но и государственного объединения под эгидой России другой более значительной части «туземного» населения. Этот процесс в последующую после ее окончания эпоху затронул и непримиримых.

Подданными признавались все народы. Особенностями проводившейся политики являлось отрицание подходов основанных на «узком национализме». Преодолевались и ситуации, способствовавшие формированию этноцентризма. Включение внешних арен в единый государственный комплекс имело не только определившиеся состояния, но и незавершенность. Показателем в данном случае выступало явление сепаратизма. В формировании государственного единства не существовало одномерности.

В основе преодоления сепаратистской обособленности лежал долговременный компромисс, предполагавший гражданское приобщение. Он ос-

новывался на постепенности проводившейся политики и ненарушимости традиционных укладов. Угрозы самобытности не возникало.

В отличие от европейских и азиатских империй в России этничность не подавлялась. В обустройстве окраин существовала не только унитарная централизация, но и федерализация с самоуправлением иноэтнических общин. Принудительные связи, присущие всем имперским образованиям, в российской государственной системе не преобладали, а там, где они устанавливались на начальных стадиях контакта, со временем заменялись общегражданскими. Достигалось объединение не всегда мирными средствами, однако добровольная солидаризация оказывалась преобладающей.

Связи межу народами Российской империи устанавливались отнюдь не насильственные. Принуждение, присущее в прошлом всем без исключения имперским образованиям, в системе российских государственных отношений не преобладало, а устанавливавшееся на начальных стадиях, – трансформировалось общегражданский контент. Периферия утрачивала окраинные признаки, втягиваясь постепенно в совместное развитие с собственно русскими областями и губерниями. Она не подпадает под типологию колониальной.

Утвердившийся взгляд о существовании в России до 1917 г. исключительно насильственных связей не соответствует существовавшим историческим реалиям. Формирование общегражданской общности происходило уже при попадании в сферу действия государственного поля России и продолжалось на последующих этапах. На рубеже XX в. процесс формирования общегражданских связей обрел устойчивость, но завершения не получил. Интеграция не была всеохватывающей. Происходила она неравномерно, что прослеживается по краю в целом и по различным этническим общностям.

Универсалистская трансформация и связанное с ней преодоление этнической обособленности детерминировались преобразованиями, проводившимися на северокавказской окраине во второй половине XIX – начале XX в. При их проведении создавались и предпосылки для формирования горской геокультурной общности. Возрастала наряду с этим ориентирован-

ность на Россию. Неопределенность состояний подкреплялась остаточным цивилизационным тяготением к мусульманскому Востоку. Это сказывалось, так или иначе, на ситуации в регионе и отражались в динамике ее развития.

Между тем российская ориентация играла для большинства местного населения все более определяющую роль. В обустройстве окраин существовала не только унитарная централизация, но и федерализация с самоуправлением иноэтнических общин. Адаты и мусульманские приверженности разрушению не подвергались. Традиции и обычаи оберегались. Складывание согражданства с признаками нации в Российской империи происходило преимущественно при конструктивном взаимодействии разнородных начал.

Консолидации в единую государственную общность разнородных этничностей способствовало применение в российской политике не только универсалистских принципов, но и сохранение самобытных различий. Государственное присутствие в «туземных обществах» было преимущественно косвенным, происходившая эволюция приводила к вытеснению ограничительных форм управления. Утвердившийся взгляд о существовании в Российской империи исключительно насильственных связей не соответствует действительности.

В российской универсалистской трансформации на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX в. и ее воздействии на формировавшиеся этничности проявлялись как устойчивые тенденции, так и противостоявшие им альтернативы, связанные с сохранением обособленности. Преобладавшей же направленностью перемен являлось признание значительной частью «туземного» населения России отечеством. Население постепенно включалось в единую гражданскую общность. Этому способствовала также восточнославянская колонизация. С помощью ее предотвращалась угроза отторжения имевшей двойственное цивилизационное тяготение окраины, устанавливалось геополитическое евразийское равновесие. Восточнославянское этническое поле в пределах северокавказской окраины функционировало солидарно. Произошедшие демографические изменения

привели к преобладанию в структуре населения «русского фактора». Неизменно повышалась и численность «туземных» народов. Российская интеграция объединяла не только восточное славянство, но и «инородческое» население, способствовала сплочению разнородных этничностей.

Завершение получал и процесс складывания их самобытности. В зависимости от исторических обстоятельств интегрирующая и дифференцирующая тенденции обретали свойства то к усилению, то к ослаблению. Между тем этнополитическая эволюция на Северном Кавказе обретала российскую направленность. Это вызывалось общими для империи процессами универсалистской трансформации. Сепаратистская обособленность постепенно устранялась.

Библиография к приложению

Источники

Архивные материалы

Государственный архив Краснодарского края

(ГАКК, г. Краснодар)

Ф. 454. Канцелярия начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска. Оп. 2.

Центральный государственный исторический архив

Республики Грузия

(ЦГИА РГ, г. Тбилиси)

Ф. 13. Канцелярия наместника на Кавказе.1905–1917 гг. Оп. 3.

Ф. 416. Кавказская археографическая комиссия1866–1885 гг. Оп. 3.

Ф. 1087. Военно-исторический отдел Кавказского военного округа за 1876–1917 гг. Оп. 1.

Докладная документация

Государственная дума. 3-й созыв. Сессия 5. Засед. 120–153. Стенографиче-ские отчеты. Ч. 4. (с 30 апреля по 9 июня 1912 г.) СПб., 1912.

Сборники документов

Договоры России с Востоком политические и торговые / Собрал и издал Т. Юзефович. СПб., 1869.

Богословские трактаты

Библия. Ветхий завет. М., 2009.

Коран. Перевод смыслов и комментарии Иман Валерии Пороховой. Главный редактор Мухаммад Саид Аль-Рошд. Изд. десятое, доп. М., 2008.

Философское и литературное наследие

Даль В. Полунощник. (Уральское предание) // Даль В. Упырь: Страшные легенды, предания и сказки. СПб., 2009.

Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991.

Добролюбов Н.А. О значении наших подвигов на Кавказе // Собр. соч. В 9 т. Т. 5. М.-Л., 1962.

Дюма А. Кавказ. Пер. с фр. Тбилиси, 1988.

Толстой Л.Н. Варианты из рукописных редакций «Набега» // Полн. собр. соч. Т. 3. М.; Л., 1932.

Мемуарные и иные археографические свидетельства

Бисмарк О. Мысли и воспоминания / Пер. с нем. Т. 2. М., 1940.

Воспоминания участников Кавказской войны XIX в. СПб., 2001.

Записки А.П. Ермолова. 1798–1826 гг. / Сост.: В.А. Федоров. М., 1991.

Краткий исторический очерк христианства кавказских горцев со времен Св. Апостолов до XIX столетия. Сочинение Генерального Штаба полковника Ракитина. 1862. СПб (публикация В.А. Захарова) // Сборник Русского исторического общества. Т. 2. (150) / Под ред. Рапова О.М. М., 2000.

Ошаев Х. Очерк начала революционного движения в Чечне. Грозный, 1927.

Россикова А. Путешествие из центральной части горной Чечни // Зап.-Кавк. отд-е Имп. Рус. геогр. об-ва. Кн. 18. Тифлис, 1896.

Хроника Мухаммеда-Тахира Ал-Карахи. О дагестанских войнах в период Шамиля. М., 1941.

Чихачев П.А. Письма о Турции. М., 1860.

Шамиль на Кавказе и в России. Биографический очерк / Сост. М.Н. Чичагова. СПб., 1889.

Периодические издания

Газеты:

Кавказ (Тифлис). 1907–1917.

Литература

Аджи М. Полынь половецкого поля. М., 1994.

Блиев М.М. Рецензия // Отечественная история. 2001. № 6.

Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. М., 1994.

Буркин Н.Г. Революция 1905 г. в нацобластях Северного Кавказа. Ростов н/Д, 1931.

Виноградов Б.В. Горские набеги в контексте российско-кавказских взаимоотношений периода правления Павла I // Вопросы северокавказской истории. Вып. 1. Армавир, 1996.

Виноградов Б.В. Кавказ в политике государя Павла I (1796–1801 гг.). Армавир; Славянск-на-Кубани, 1999.

Виноградов В.Б. Н.С. Семенов и его очерк «День в ауле» 1869 г. Армавир, 2002.

Гаджиев В.Г. Введение: Об авторе и его книге // См. в кн.: Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. М., 2000.

ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 800.

Гаммер М. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. Пер. с англ. М., 1998.

Гапуров Ш.А. К вопросу о «набеговой системе горцев» // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Общественные науки. 2003. № 4.

Дегоев В.В. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. М., 2001.

Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. 2-е изд., доп. Сухуми, 1982.

Дзидзоев В.Д. Национальные отношения на Кавказе. Владикавказ, 1995.

Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 6. СПб., 1888.

Ермакова Т.В., Островская Е.П. Классический буддизм. СПб., 2009.

Заурбекова Г.В. Сепаратизм в Чечне // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 135. М., 2000.

История Абхазии. Сухуми, 1991. С. 194.

Кавтарадзе А.Г. Генерал А.П. Ермолов. Тула, 1977.

Казем-Заде Ф. Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. Пер. с англ. М., 2004.

Калашников М., Бунтовский С. Независимая Украина. Крах проекта. М., 2009.

Керашев М.А., Ачмиз М.Я., Аминова В.М. Гибель Черкесии. Краснодар, 1994.

Кипкеева З.Б. Карачаево-балкарская диаспора в Турции. Ставрополь, 2000.

Кипкеева З.Б. Российский фактор в миграциях и расселении закубанских аулов XIX в. Армавир; Ставрополь, 2002.

Клычников Ю.Ю. Деятельность А.П. Ермолова на Северном Кавказе (1816–1827 гг.). Ессентуки, 1999.

Клычников Ю.Ю. Набеговая система горцев и ее влияние на северокавказскую политику России в первой половине XIX в. // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северо-Западного Кавказа за 2000 г. Дикаревские чтения (7). Краснодар, 2001.

Клычников Ю.Ю. Усилия российской администрации по ликвидации последствий горского «хищничества» // Казачество в социокультурном пространстве России: исторический опыт и перспективы развития. Тезисы Всероссийской науч. конф. (28–29 сентября 2010 г., Ростов-на-Дону). Ростов н/Д, 2010.

Ключевский В.О. Исторические портреты и этюды. Афоризмы. СПб., 2009.

Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т. 2. М., 1987.

Кляшторный С.Г. Россия и тюркские народы Евразии // Цивилизации и культуры: науч. альманах. Вып. 2. М., 1995.

Кокиев Г. Военно-колонизационная политика царизма на Северном Кавказе // Революция и горец. 1929. № 6.

Кропоткин П.А. Великая Французская революция. М., 1979.

Матвеев В.А. Кавказская война: незамеченные итоги // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Общественные науки. 1995. № 4.

Матвеев О.В. Враги, союзники, соседи: этническая картина мира в исторических представлениях кубанских казаков. Краснодар, 2002.

Миронов И.А. Уголовно-правовые и криминологические аспекты похищения человека. Автореф. дисс. канд. юридических наук. Ростов н/Д, 2002.

Покровский Н.И. Государственный строй и управление имамата // Северо-Кавказский юридический вестник. 1998. № 1.

Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. М., 2000.

Русская политика в восточном вопросе (Ее история в XVI–XIX вв., критическая оценка и будущие задачи). Историко-юридические очерки С. Жигарева // Ученые записки. Московский университет. Вып. 11. М., 1896.

Спорные границы на Кавказе / Под. ред. Б. Коппитерса. М., 1996.

Сухоруков В.Д. Историческое описание Земли Войска Донского. Коммен-тарии, дополнения, вступительная статья Н.С. Коршикова и В.Н. Королева. Ростов н/Д, 2001.

Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). М., 2001.

Троицкий Е. Русский народ в поисках правды и организованности (988 – 1996). М., 1996.

Турецкая империя. Сочинение Альфреда де Бессе. Издание книгопродавца Манухина. Пер. с фр. М., 1860.

Умаханов М.-С.-К., Алиев Б.Г. Некоторые вопросы освещения борьбы горцев под руководством Шамиля: подходы и итоги изучения, перспективы // Кавказская война: Спорные вопросы и новые подходы. Тез. докл. межд. науч. конф. Махачкала, 1998.

Утверждение русского владычества на Кавказе / Под ред. генерал-лейтенанта Потто. Т. 3. Тифлис, 1904.

Фадеев Р.А. Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис, 1860.

Хачилаев Н.М. Предисловие к русскому изданию // См. в кн.: Гаммер М. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. М., 1998.

Чекалин С.В. Завещание Шамиля: Кавказские войны в лицах. М., 1998.

Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска: в 2 т. Т. 2. (Репринтное воспроизведение). Екатеринодар, б/и., 1910–1913. Краснодар, 1992.

Эшба Е. Асланбек Шерипов. Грозный, 1927.

Приложение 2

Неравномерность интеграционного процесса

Обратимся к анализу степени устойчивости универсалистского синтеза и противостоявших им факторов в «инородческой среде». Еще в конце Кавказской войны русское командование предпринимало попытки выяснить «общую цифру неприязненного населения»[1], что позволило бы определить ее этнодемографический базис для истории и степень сепаратистской угрозы для южных рубежей государства, но они так и остались нереализованными. Судить о численности участников противостояния по количеству попавших в Турцию невозможно, так как вместе с племенами, не хотевшими из-за сложившихся идеологических предубеждений принять подданство иноверной империи, в переселение были вовлечены и горцы, отнюдь не враждебные России[2].

Данные для выявления предрасположенности отдельных горских сообществ к сепаратизму в тех частях края, где не было массовых выселений, все-таки существуют. Эти расчеты можно произвести по нагорным районам, являвшимся своего рода оплотом в противостоянии с Россией и с придерживавшимися ее ориентации «туземными обществами». Но к анализу ситуации здесь надо подходить с учетом следующих сложившихся различий. С нагорной полосы в западной части окраины коренное население было сселено, и часть его, оставшаяся в России, компактно сгруппирована по этнической принадлежности на более плодородных равнинных землях в крупные аулы «для правительственного надзора»[3]. Тем самым вековая племенная обособленность, предопределенная условиями жизни в горах, была преодолена, и создались условия для более быстрой этнической консолидации на основе «общих черт нравов и быта»[4].

---

[1] Кумыков Т.Х. Выселение адыгов в Турцию – последствие Кавказской войны. Нальчик, 1994. С. 88–89.

[2] Матвеев В.А. Переселение горцев в Турцию: неучтенные детали трагедии и подлинные интересы России на Кавказе // Научная мысль Кавказа. 1999. № 4. С. 34–45.

[3] Раждаев П.Н. Основные черты организации крестьянского хозяйства на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 1925. С. 88.

[4] Россия. Энциклопедический словарь (Б/ и.: Брокгауз Ф.А. и Ефрон И.А. СПб., 1898). Л., 1991. С. 136.

В юго-восточной части окраины, в Дагестанской области, из-за исторических особенностей ее присоединения и этнодемографической обстановки было вообще сохранено прежнее территориальное деление, сложившееся в результате завоеваний в прошлом. Здесь 17% населения, в преобладающей степени тюркского происхождения, заселяло равнинные местности, а более 80%, в основном горцы, – нагорные[5]. Однако столь высокая концентрация населения в горных районах этой области не может служить в полной мере показателем его предрасположенности к сепаратизму. Масштабы данного явления вследствие проводившейся политики были значительно уменьшены, что и обусловило успешное завершение вхождения этой части края в состав России с сокращением размеров взаимных потерь. По признанию самого Шамиля, в войне с ней он «потерял свой народ»[6], что имам и назвал в качестве решающего обстоятельства прекращения борьбы.

В нагорной полосе Терской области сосредотачивалось наибольшее количество населения, перемещенного в ходе Кавказской войны и противостояния с Россией. Отчасти это произошло в результате выдвижения защитных казачьих линий и русских крепостей[7], предпринимавшегося, в том числе, для надежной защиты переходивших под ее покровительство мирных горцев. Но заселенность горных районов возрастала и из-за насильственных сселений сюда, производившихся самим имамом Шамилем для умножения своих сил, так как горские общества на равнине придерживались чаще всего российской ориентации. Это перемещение в наибольшей степени затронуло ряд чеченских обществ, часть из которых после включения края в состав России была вновь переселена на равнину с целью лучшего землеустройства[8], а также чтобы преодолеть неблагоприятную для утверждения государственной стабильности обстановку.

---

[5] РГВИА. Ф. 400. Оп. 19. Д. 154. Л. 33.

[6] Шамиль на Кавказе и в России. Биографический очерк / Сост. М.Н. Чичагова. СПб., 1889. С. 89–100.

[7] Ксавье де Местер. Кавказские пленники / Публикация, комментарии и перевод с франц. Н.В. Забабуровой // Научная мысль Кавказа. 1998. № 3. С. 61–62.

[8] РГВИА. Ф. 400. Оп. 19. Д. 1551. Л. 87; Шамиль на Кавказе и в России. Биографический очерк / Сост. М.Н. Чичагова. С. 60, 84.

Тем не менее в нагорной полосе Терской области осталось 28% «туземного» населения. Основная же его часть, 72%, преимущественно признававшая подданство России, расселялась на равнине в прежних местах[9]. Соотношение сложилось, как видно, в силу стечения ряда независимых от нее обстоятельств и в какой-то мере фиксировало настроения «за» и «против» при включении в российские государственные пределы. Отражались в нем также особенности этнополитической ситуации в этой части окраины после завершения Кавказской войны. Неслучайно жители нагорных районов враждебно относились к населению равнинных аулов[10]. Они называли себя горцами и с презрением относились ко всем остальным, воспринимавшимся как «чужой, враждебный мир»[11].

Его не щадили при набегах, подвергая грабежам вместе с сопредельными казачьими станицами и иными русскими поселениями, не делая послаблений. Только после перемещений при реализации российской политики в эпоху после завершения Кавказской войны самоопределение «горцы» получит более широкое распространение[12]. На этом сказалось то, что переселения «с гор на равнину» были массовыми, вследствие чего происходили этнические смешения[13]. Несмотря на это внутренний антагонизм «верхних» и «нижних» сохранялся[14]. По имеющимся наблюдениям, «горные» даже длительно проживая «среди плоскостных» не принимают их обычаев и нравов. Переселившиеся же воспринимались в качестве «другого народа»[15]. Складывание этой специфики происходило еще до начала утверждения позиций России в крае. Существовавшие этнополитические различия «равнинной и горной зон» неоднократно использовались и ее противниками для достижения своих стратегических замыслов[16].

---

[9] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1993. Л. 63-об, 166-об; Ф. 970. Оп. 3. Д. 1518. Л. 11; ЦГА РСО-А. Ф. 224. Оп. 1. Д. 74. Л. 26-об.; Жизнь национальностей. 1921. 26 нояб. (Подсчет авт.)
[10] Жизнь национальностей. 1921. 25 окт.
[11] Дегоев В.В. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. М., 2001. С. 28.
[12] Карпов Ю.Ю. «Верхние» и «нижние»: к проблемам функционирования горских обществ Кавказа // Научная мысль Кавказа. 2000. № 4. С. 63.
[13] Белозеров В.С. Этническая карта Северного Кавказа. М., 2005. С. 24.
[14] Карпов Ю.Ю. Указ. соч. С. 63.
[15] Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). М., 2001. С. 162.
[16] Карпов Ю.Ю. Указ. соч. С. 63.

Вследствие традиционных психологических установок и проводившейся когда-то идеологической обработки самую устойчивую предрасположенность к сепаратизму, как можно судить по различным событиям, сохранили те горные общества, которые формировались в значительной мере имамом Шамилем из непримиримых. Концентрация их происходила в восточных пределах нагорного пространства, примыкавших к Дагестанской области, где, как показывают специальные исследования, расселялось до 40% (2/5) чеченцев и около 17% (1/6) ингушей. Остальную часть его по направлению на запад занимали 33,3% (1/3) осетин, 67% (2/3) балкарцев и другие народы[17], в подавляющем большинстве не поддерживавшие противостояние с Россией и находившиеся вне консолидированной на основе идеи «священной войны» против нее демографической составляющей. При установлении ее параметров, следовательно, могут учитываться только первые показатели, то есть 40% и 17%.

Но их границы также не оставались неизменными в зависимости от складывавшихся обстоятельств. Отражаемая в остальных величинах этническая среда на сопредельных нагорных территориях могла в свою очередь обретать восприимчивость к сепаратизму, хотя и в менее устойчивых и острых формах. Прямых угроз для целостности государства они не представляли. Таким образом, «общая цифра неприязненного населения» в горах Северного Кавказа в массе всех проживавших там «туземных обществ» превышала пороговые для сохранения повышенной предрасположенности к сепаратизму значения, но под воздействием последующих интеграционных процессов постепенно сокращалась. На это оказывала влияние, безусловно, и та часть этнического поля, которая располагалась в равнинных местностях, при этом не последнюю роль в нем, по законам статистики, играли количественные показатели.

Неслучайно все, кто предпринимал попытки «волновать Чечню», как заметил еще в середине XIX в. публицист У. Лаудаев, занимавшийся сбором этнографических сведений о своем народе, «для достижения своих це-

[17] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1993. Л. 63-об., 166-об.; Ф. 970. Оп. 3. Д. 1518. Л. 11; ЦГА РСО-А. Ф. 224. Оп. 1. Д. 74. Л. 26-об.; Жизнь национальностей. 1921. 26 нояб. (Подсчет авт.)

лей обращались сперва к плоскостным жителям, с твердой уверенностью, что горные последуют за ними»[18].

Но в ряде нагорных районов пороговые демографические величины создавали условия для сохранения консерватизма среды к восприятию интеграционных импульсов. В таких случаях воздействие имело и обратную направленность, при этом не исключена была, как показывали различные события, вероятность консолидации тех же чеченских племен во всевозможных антироссийских акциях. Отмеченное выше разделение проявлялось чаще всего в экстремальных исторических ситуациях. Так, в 1877–1878 гг. население нагорной Чечни под влиянием русско-турецкой войны поднялось на восстание, перекинувшееся вскоре на нагорный Дагестан и Ингушетию[19], а равнинные аулы, напротив, сохраняли нейтральное спокойствие или даже сочувственно относились к России. В этой войне многие горцы добровольно принимали участие уже на стороне последней[20].

Еще в конце XIX в. в нагорной Чечне при упоминании проповедниками имени Шамиля старики начинали плакать, вспоминая былые времена, а в равнинных аулах население в ряде случаев само пресекало попытки антироссийской пропаганды, выдавая властям распространителей идей религиозного и этнического сепаратизма, причем даже тех, которые называли себя «имамами». Установленные подати оно платило «повсеместно с чрезвычайной аккуратностью, в назначенные сроки и совершенно безнедоимочно», что являлось «доказательством прочности правительственной власти и проникшего в умы горцев сознания в бесповоротности слияния их с остальными подданными империи»[21].

В нагорных районах собирание налогов проходило, как правило, с затруднениями, и не только, судя по всему, «по причине нужды»[22], ибо, как было замечено австрийской школой нациологии в начале XX в., «воинская

---

[18] Цит. по: Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. М., 1994. С. 127.
[19] 10 лет Советской Чечни. Ростов н/Д, 1933. С. 7; Газдиев А. М. Асланбек Шерипов в революционном движении Чечено-Ингушетии. Грозный, 1941. С. 25.
[20] Вершигора А.Д. О взаимодействии адыгов и русских в военных вопросах после Кавказской войны // Кавказская война: уроки истории и современность: Матер. науч. конф. Краснодар, 16–18 мая 1994 г. Краснодар, 1995. С. 223.
[21] Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. В 2 т. Т. 2.Тифлис, 1907. С. 75.
[22] РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1115. Л. 32-об–33-об.

и налоговая повинности служат существеннейшими признаками подданства»[23]. Неравномерность происходившей интеграции края в российское полиэтнонациональное государственное сообщество прослеживается и по различным народам. Кабардинцы, например, не отличались религиозным фанатизмом, а ряд чеченских обществ, особенно в нагорной полосе, имели к нему повышенную предрасположенность, использовавшуюся весьма широко турецкими эмиссарами, засылавшимися в начале XX в. в Россию для проповеди идей панисламизма[24].

В период революции 1905–1907 гг. в дагестанских обществах сохранялось относительное спокойствие, выступления же чеченцев в нагорной полосе с отказом от уплаты налогов и несения разного рода государственных повинностей достигли таких размеров, до каких они не доходили со времен русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Начавшись здесь позже, чем в других частях России, эти выступления кроме аграрной имели еще и некую политическую направленность, что, несомненно, отличало их от таких же движений в равнинных аулах[25]. Происходившие в тот промежуток времени акции неповиновения в чеченских обществах нагорной полосы отражали, судя по всему, тенденцию сохранявшейся обособленности, в остальных же случаях недовольство обретало социальную направленность и имело тесную взаимоувязанность с общими для страны процессами.

Ингуши нейтрально отнеслись к революционному движению 1905–1907 гг. Они не только не примкнули к нему, как отмечалось в оперативных сводках из полицейских участков, но в самый разгар нарастания социальной нестабильности послали к генерал-губернатору Терской области и наказному атаману Терского казачьего войска Колюбакину достаточно многочисленную депутацию от всех селений с выражением верноподданнических чувств и даже «с предложением услуг своих для борьбы с врагами правительства»[26]. Не замечалось и их солидарности с чеченцами, так же

---

[23] Шпрингер Р. Национальная проблема. (Борьба национальностей в Австрии). Пер. с нем. СПб., 1909.
С. 91.
[24] РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1115. Л. 26-об; 29.
[25] РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1115. Л. 27–27-об, 34; ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 21. Л. 1-об.
[26] РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1115. Л. 32-об–33-об.

как не было ее в данной и иных кризисных для российской государственности ситуациях и между всеми остальными «туземными» сообществами Северного Кавказа[27].

Впрочем, ингуши, видимо, имели особую предрасположенность к почитанию верховного правителя (монарха). Подтверждалось это неоднократно при возникновении соответствующих обстоятельств. Так, в 1911 г. ингуши организовали в Назрановском округе вооруженную дружину для отправки на пароходе из Баку в Иран в помощь бывшему шаху[28]. Однако этот эпизод был, скорее всего, лишь незначительным отступлением от общей направленности этнополитического развития в составе России. Тем не менее он указывает на наличие сохранявшегося цивилизационного раскола, так и не преодоленного на рубеже XIX–XX вв., что не находило тогда должного понимания.

Хотя в тот промежуток времени «туземное» население Северного Кавказа оставалось ко всем событиям в странах зарубежного мусульманского Востока, как сообщал в Петербург наместник его императорского величества И.И. Воронцов-Дашков, «совершенно равнодушным», а «отдельные попытки проповеди панисламизма и пантюркизма» в его среде не имели никакого успеха[29], возможности воздействия этого сопредельного региона на стабильность в крае не были еще полностью изжиты. Наблюдались и отдельные случаи «ожидания турок» для начала восстаний против России[30]. Из-за рубежа к сторонникам сепаратизма приезжали советники и поступало оружие. Но среди «инородческого» населения северокавказской окраины даже в кризисном для империи 1905 г., несмотря на предпринимавшиеся усилия, их намерения не обретали массовой поддержки[31].

Преобладающей на Северном Кавказе являлась все же тенденция к признанию подавляющим большинством «туземных обществ» России своим отечеством, о чем свидетельствуют заверения в любви к ней, звучавшие

---

[27] РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1115. Л. 33-об.
[28] ГАРФ. Ф. 110. Оп. 1. Д. 627. Л. 130, 135.
[29] Всеподданнейший отчет за восемь лет управления Кавказом генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб., 1913. С. 9–10.
[30] Жизнь национальностей. 1919. 21 сент.
[31] ЦГИА РГ. Ф. 12-с. Оп. 13. Д. 254. Л. 23.

неоднократно в наиболее «трудные исторические моменты»[32]. Широкое распространение в это время получали также проявления преданности верховному правителю России как своего рода символу государственного единства. Ходатайства о выражении «верноподданнических чувств и всеподданнейших поздравлений» императору в огромном количестве поступали наместнику от чеченского, ингушского и дагестанского народов и в связи с трехсотлетним юбилеем династии Романовых, торжественно отмечавшимся в России в 1913 г.[33]

В телеграфном послании военному министру от 20 февраля 1913 г. начальник Терской области сообщал: «По случаю трехсотлетия царствования дома Романовых… поступили ходатайства» от «всех инородческих групп населения Терской области»[34]. Далее говорилось о том, что «от представителей чеченского народа» исходило пожелание «установить обложение денежным сбором всего чеченского населения… на образование особого фонда на развитие просвещения чеченского народа», упоминалось также о намерении ингушей «собрать средства по подворной раскладке на постройку мужской гимназии»[35] и т.д. После ознакомления с поступившим 10 марта 1913 г. поздравлением «от населения Дагестана» Николай II оставил надпись: «Верю в искреннюю преданность дагестанцев престолу»[36].

Такие же резолюции налагались и на другие обращения к монарху по случаю юбилея от туземных сообществ Северного Кавказа, содержание переписки по этому поводу широко освещалось в прессе. В Петербург «на юбилейные торжества» были приглашены делегации от народов края, командирование их обретало массовую поддержку и проводилось в соответствии с традициями публичного волеизъявления. Происходившая подготовка обсуждалась на аульных сходах и непосредственно поддерживалась мусульманским духовенством всех уровней, в том числе низшим звеном, муллами, имевшими тесный контакт с общинами верующих. От народов

[32] Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв 2-й. Сессия 1. Заседания 19–38 (с 1 июня по 4 июля 1906 г.). СПб., 1906. Т. 2. С. 1038.
[33] ЦГИА РГ. Ф. 13. Оп. 3. Д. 1236. Л. 257, 361.
[34] ЦГИА РГ. Ф. 13. Оп. 3. Д. 1236. Л. 357.
[35] ЦГИА РГ. Ф. 13. Оп. 3. Д. 1236. Л. 357.
[36] ЦГИА РГ. Ф. 13. Оп. 3. Д. 1236. Л. 361.

Северного Кавказа «государю-императору» и его близким преподносились подарки[37].

В отчетном послании царю граф И.И. Воронцов-Дашков сообщал, что на Кавказе «празднование… прошло по всем, даже глухим уголкам… с таким истинно высоким подъемом патриотических чувств», вследствие чего, по его мнению, «не должно оставаться сомнения в безграничной благодарности кавказского населения венценосным вождям России за приобщение… под сень Российской державы»[38]. Вместе с тем некоторые эффендии и муллы, например, в Кубанской области, продолжали возбуждать население против нее, «существующего строя… и правительства». Они всячески стремились поддержать вражду к русским там, где она еще существовала, и вели для этого соответствующую пропаганду[39].

В том же 1913 г. старший эффендий Х.Б. Напугов, как говорилось в одной из жалоб от обеспокоенных жителей посещенных им аулов, в беседах с верующими высказывался против воинской повинности и настраивал под этим предлогом «народ против всего русского»[40]. Подавшие ее в российские административные органы уполномоченные, кроме того, отметили, что этот священнослужитель не обладал «духовными познаниями, которые необходимы для звания эффендия», и просили о пресечении его деятельности. После предпринятой проверки достоверности сообщенных сведений в рапорте участкового начальника атаману Баталпашинского отдела информация, полученная от мусульманского населения, была полностью подтверждена[41].

Интегрированность в российское полиэтническое сообщество, равно как и незавершенность этого процесса в среде туземного населения края, со всей наглядностью вскрывалась и при возникновении для империи внешних экстремальных обстоятельств на рубеже XIX–XX вв. Так, с началом русско-японской войны в 1904 г. областные правления Кубанской, Терской

---

[37] ЦГИА РГ. Ф. 13. Оп. 3. Д. 1236. Л. 357–361.
[38] Всеподданнейший отчет за восемь лет управления Кавказом генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. С. 4.
[39] ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5701. Л. 222.
[40] ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5701. Л. 229.
[41] ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5701. Л. 229, 252.

и Дагестанской областей, получив уведомление от главнокомандующего Кавказской армией, допускавшее возможность формирования горских полков, незамедлительно довели разрешение до сведения всех старейшин с просьбой собрать полные сходы и приступить к набору тех, кто хотел бы постоять за отечество[42].

Несмотря на то, что мусульмане Северного Кавказа ранее не подпадали под закон о всеобщей воинской повинности, выплачивая взамен лишь небольшой налог, и соблюдалась, как и прежде, добровольность комплектования туземных подразделений, на сборные пункты только в Кубанской области, по подсчетам А.Д. Вершигоры, желающих служить прибыло в 1,5 раза больше, чем требовалось, хотя в аулы направлялась предварительная разнарядка[43]. Быстро была организована ингушская сотня[44]. В комплектовавшиеся в Дагестанской области соединения записалось немало добровольцев и из нагорных селений[45]. На созванном специально сходе кочевники северокавказских степей приняли решение направить общинные деньги на сооружение эскадренного миноносца «Трухменец Ставрополья»[46].

Воззвание о начале войны на Дальнем Востоке разъяснялось муллами во время проповедей в мечетях. Некоторые из них вели также соответствующую агитацию, пробуждая патриотические чувства в массах, или молились со своими прихожанами за успех русского оружия в нелегком для страны испытании. Торжественно, с принятием присяги по своей вере и молебнами, происходили и проводы новобранцев. Их семьи освобождались от повинностей, а в ряде округов сельские общества по инициативе сходов выделили им даже участки земли, несмотря на то, что в ней существовала острая нужда по всему краю. Из аульных общественных сумм в значительной мере покрывались и расходы на сборы. Однако часть горских обществ, преимущественно в нагорной полосе, равнодушно отнеслась к призыву и отказалась дать добровольцев. Сельские старшины жаловались в таких

[42] Мужев И.Ф. Национально-освободительное движение горцев Северного Кавказа (1900–1914 гг.). Нальчик, 1965. С. 22.
[43] Вершигора А.Д. Указ. соч. С. 224.
[44] Жизнь национальностей. 1919. 27 апр.
[45] Очерки истории Дагестана. Т. 1. Махачкала, 1957. С. 363.
[46] История городов и сел Ставрополья: краткие очерки. Ставрополь, 2002. С. 598.

случаях на неотзывчивость соплеменников и просили продлить срок вербовки[47].

Те же горские соединения, которые попали на фронт, самоотверженно сражались за Россию и несли большие потери[48]. Видя их стойкость в боевых операциях, русские офицеры в донесениях в высшие военные инстанции неоднократно отмечали, что наступил момент для возможности распространения на горцев закона о воинской повинности. Об ингушах, например, отправивших в Маньчжурию в 1904 г. в составе Терско-Кубанского полка отдельную сотню, в рапорте, поступившем в Петербург, сообщалось, что «они показали себя с отличной стороны, как в боевом отношении, так и в смысле дисциплины»[49].

При наметившемся накануне Первой мировой войны обострении международных противоречий, в том числе и в регионе, лидеры различных национальных партий и групп Кавказа поспешили довести до сведения высших правительственных кругов и самого монарха, что их политические устремления полностью совпадают с «традиционной ролью России на Востоке»[50]. В 1914 г. на конференции в Эрзеруме Турция предприняла попытку сделать предложение мусульманам Закавказья, а также армянам и грузинам, «выступить против России», за что обещала содействие в создании автономных государств под своим протекторатом, но это не нашло сколько-нибудь широкого отклика, и устойчивость империи, несмотря ни на что, сохранялась. Выборные от народов края направляли царю телеграммы «с выражением верноподданнических чувств»[51].

Как только было объявлено о начале Первой мировой войны, для защиты отечества против австро-германского нашествия большинство горских обществ также выставили в составе русской армии свои подразделения, сформированные по всему Северному Кавказу на сугубо доброволь-

---

[47] Вершигора А.Д. Указ. соч. С. 224; Мужев И.Ф. Указ. соч. С. 23.
[48] Там же.
[49] РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1115. Л. 32-об–33-об.
[50] Лихолат А.В. Национализм – враг трудящихся: Анализ исторического опыта борьбы против национализма. М., 1986. С. 48.
[51] Очерки истории Северо-Осетинской партийной организации. Орджоникидзе, 1969. С. 32; Минц И.И. Год 1918. М., 1982. С. 449.

ной основе[52]. Разрешение на это поступило в наместничество в Тифлисе и затем было направлено на места[53]. Участие в их создании приняли еще более широкие слои населения и вместо двух, укомплектованных в 1904 г., было образовано шесть полков Кавказской конной туземной дивизии: Дагестанский, Ингушский, Кабардинский, Татарский, Черкесский, в состав которого входила, кроме того, Абхазская сотня, Чеченский, а также Осетинская пешая бригада. В среде посылавших их народов и после завершения мобилизационных мероприятий высказывались намерения «о пламенном желании встать на защиту… родины»[54].

В отношении поступавших добровольцев, например в Абхазскую сотню Черкесского конного полка, в Петербург с Кавказа сообщалось, что они шли на военную службу «движимые чувством истинного патриотизма в великом, святом деле». В посланиях особо выделялась необходимость «защиты… великой родной» России «от коварных врагов… в эпоху всеобщих тяжких потрясений и испытаний»[55]. При мобилизации в Сухумском округе, по оценке ответственных за ее проведение офицеров, получен «хороший результат»[56]. Русское командование отмечало наличие «выдающихся патриотических чувств» и у родителей на Кавказе. Были случаи, когда при гибели одного из сыновей, они просили зачислить в строй Черкесского конного полка второго[57].

За время войны Кавказская конная туземная дивизия еще четыре раза пополнялась добровольцами (количество их стало сокращаться лишь под воздействием революционной пропаганды[58], что также указывает на наличие общегражданских связей). Вследствие этого укрепилось выражавшееся

---

[52] РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1115. Л. 32-об.
[53] Вершигора А.Д. Указ. соч. С. 225.
[54] Очерки истории балкарского народа. (С древнейших времен до 1917 г.). Нальчик, 1961. С. 147; Стеклов А.П. Революционная деятельность большевистских организаций на Кавказском фронте. 1914–1917 гг. Тбилиси, 1969. С. 24; Марков А.Л. В ингушском Конном Полку. (Кавказская Конная Туземная Дивизия). (Б/и.: Париж, 1957). М., 1997. С. 13.
[55] Цвижба Л. Абхазы и черкесы на службе в русской армии // Западный Кавказ между прошлым и будущим. Научный семинар (г. Сухум, 28–29 ноября 1912 г.). Сухум–Москва, 2013. С. 57.
[56] Там же. С. 42.
[57] Там же. С. 45.
[58] Напсо Д.А., Чекменев С.А. Надежда и доверие. Из истории дружественных связей народов Карачаево-Черкесии с русским народом. Черкесск, 1993. С. 195.

неоднократно мнение о возможности привлечения туземного населения к службе в русской армии на постоянной основе. Оно доводилось до сведения правительственных инстанций и по ходу военных действий в 1915 г.[59] В участии Кавказской туземной дивизии в боевых действиях были и затишья, не отмечавшиеся особыми успехами[60]. Но такие периоды встречались в действиях всех подразделений русской армии, и по ним невозможно делать какие-либо выводы, тем более с этническим подтекстом, как это весьма часто встречается в публикациях. Это не отражает то, что было в действительности.

Высокие оценки Кавказской конной туземной дивизии по ходу Первой мировой войны оказывались преобладающими. Причем давались они не только офицерами, непосредственно руководившими боевыми операциями. Сведения на этот счет из различных источников собирались и аппаратом краевого наместничества, в котором существовали специализированные службы, умевшие профессионально проводить данную работу. В письменном разъяснении, направленном 14 сентября 1915 г. А.А. Поливанову, гофмейстер Н. Петерсон, опираясь на сведения с фронтов, обратил внимание на то, что «сформированные из мусульман Кавказа Туземная конная дивизия, Дагестанский конный полк и… татарская добровольческая дружина оказались на высоте своего призвания»[61]. По его утверждению, это «доказала практика»[62].

В одном из ходатайств командования констатировалось: «Распространение в возможно скорейшем времени воинской повинности на мусульман Кавказа представляется настоятельно необходимым»[63]. Эта мера также рассматривалась в качестве «действенного средства» наряду с другими мерами, «для слияния инородцев с коренным населением» Российской империи[64]. Немалое количество горцев изъявило желание принять участие в оборонных работах и охране военнопленных. Указ Николая II о принуди-

[59] ЦГИА РГ. Ф. 13. Оп. 3. Д. 1603. Л. 3.
[60] Литвинов А.И. Майский прорыв IX армии в 1916 году. Пг., 1923. С. 68.
[61] ЦГИА РГ. Ф. 13. Оп. 3. Д. 1603. Л. 4; Д. 1387. Л. 23.
[62] ЦГИА РГ. Ф. 13. Оп. 3. Д. 1603. Л. 4.
[63] ЦГИА РГ. Ф. 13. Оп. 3. Д. 1603. Л. 3.
[64] РГВИА. Ф. 400. Оп. 19. Д. 154. Л. 32-об.

тельном наборе для этих целей по настоянию краевой власти так и не был введен в действие и отменен вскоре после издания в 1916 г. Но и после этого ее представители, полагаясь на имевшиеся в их распоряжении сведения о бытовавших настроениях, надеялись «получить добровольно до 80 тысяч мусульман» для обеспечения функционирования тылов русской армии[65]. Такого рода настроения также проясняли устойчивость полиэтнического государственного синтеза и отсутствие массовых сепаратистских устремлений у исповедовавшего ислам населения.

На фронтах горские соединения, так же как и все остальные инородческие части, комплектовавшиеся на Северном Кавказе, проявляли героизм в сражениях и получили признание одних из лучших в русской армии. В строю оставались даже раненые. В суровых испытаниях неоднократно делались восторженные признания: «Наши! Кавказцы!» Безукоризненно нес службу на передовой и сформированный в Ставропольской губернии «Отряд Красного Креста имени туркменского народа»[66]. То, что отмеченные проявления патриотизма основаны на осознании необходимости исполнения долга перед «общей родиной», подтверждают сравнения с зарубежным опытом. Так, славянские воины в австро-венгерской армии были крайне ненадежными и зачастую готовы были при первой же возможности «сдаваться в плен русским». Если им это удавалось, на противоположной стороне они встречали сочувствие и поддержку, в качестве пленных не рассматривались, получая полную свободу перемещения[67].

С началом войны в самой Австро-Венгерской империи, в отличие от Российской, отчетливо обозначились признаки распада. Турция же при проведении мобилизации вообще не смогла собрать даже небольшие отряды из среды населявших ее пределы христианских народов, так как в ней тоже нарастало недовольство, прежде всего в немусульманских анклавах, ускорилось их отпадение от османского владычества. Сходная обстановка складывалась и в арабских странах. Не преисполнялись особо «доблестью и усердием» и колониальные соединения, выставлявшиеся крупнейшими

[65] Минц И.И. История Великого Октября: в 3 т. Т. 1. М., 1967. С. 410.
[66] История городов и сел Ставрополья: краткие очерки. С. 598.
[67] Шульгин В.В. Годы. Дни. 1920. М., 1990. С. 190, 193.

европейскими метрополиями Англией и Францией против своих геополитических соперников в масштабном вооруженном противостоянии[68].

Между тем «туземное» население северокавказской окраины продемонстрировало получившее достаточно массовый характер стремление поддержать Россию в глобальном противоборстве с могущественными враждебными державами. Это стремление прослеживается по широкому спектру проявлений. Различные слои горских обществ, например, и в этом случае демонстрировали свое единство с верховной властью. У некоторых из них, так же как и у русских, происходили при организационном содействии местных элит промонархические сходки и манифестации, поднимавшие «патриотический дух» и соответствующие порывы всемерно способствовать достижению намеченных внешнеполитических целей, которые содержали, как известно, и намерение окончательно освободить от турецкой зависимости исповедовавшие православие народы. Наиболее часто такого рода акции происходили у осетин[69].

Офицеры из среды различных северокавказских этнических сообществ, в том числе и чеченцы, находившиеся на императорской службе, нередко прилюдно исполняли гимн «Боже, царя храни!», стараясь в меру сил оказывать влияние и на своих однородцев[70]. Распространявшиеся на российской мусульманской периферии изъявления «верноподданнических чувств» к себе и державе Николай II, несмотря на возросшую занятость государственными делами, не оставлял без внимания. Так, на поступившее из Терской области сообщение о поддержке караногайцами усилий России в наступивших нелегких испытаниях генерал-губернатору был дан без промедления ответ: «Передайте… мою сердечную благодарность за выраженную… преданность, за заботы о наших раненых воинах и за пожертвования на нужды войны»[71].

С массовой поддержкой со стороны «туземного» населения этой области Николай II столкнулся и во время поездки на Кавказский фронт

---

[68] Копчев Г.И. Турецкое «наследство» и мировая война. Пг., 1917. С. 19–20; Миллер А.Ф. Оттоманская империя. (Султанская Турция). М., 1946. С. 48.
[69] Очерки истории Северо-Осетинской партийной организации. Орджоникидзе, 1969. С. 32.
[70] Ошаев Х. Очерк начала революционного движения в Чечне. Грозный, 1927. С. 10–11.
[71] Терские ведомости. 1915. 13 окт.

осенью 1914 г. При посещении Владикавказа он по этому случаю принял депутацию от кабардинцев, осетин, ингушей, чеченцев, кумыков, салатавцев и караногайцев, а также поприсутствовал на специально созванном терским казачеством войсковом круге. Подобные встречи происходили и в других частях края. В Ставропольской губернии, в частности, на станции Минеральные Воды, он принял посланцев от калмыков, туркмен и ногайцев, в Екатеринодаре – от духовенства, населения области, высших чинов местных учреждений, удостоил и здесь своим вниманием войсковой круг, созванный кубанским казачеством. Эти мероприятия регулировались наместником и администрацией на местах, так как в противном случае они могли принять еще более массовый характер[72].

Расположенная же в горах зона, оставаясь вне сферы надежного административного и идеологического контроля, по-прежнему сохраняла повышенную склонность к сепаратизму, что, безусловно, учитывалось заинтересованными силами не только внутри страны, но и за ее рубежами. Тем не менее, исходя из приведенных демографических показателей, необходимо признать: наибольшая опасность заключалась не в этом. Складывавшиеся здесь настроения могли распространиться и на какую-то часть населения равнинных местностей. Между двумя сопредельно расположенными составляющими одних и тех же этнических обособлений, несмотря на несовпадение ориентации, иногда в критических ситуациях намечалось взаимодействие, а это могло способствовать расширению масштабов нестабильности в крае.

Выделяя существование такой вероятности на основе изученных фактов, А.И. Хасбулатов также пришел к выводу, что жители равнинных селений «повинуются русскому правительству, но на них отрицательно действуют проживающие по соседству “непокорные” соплеменники, и власти боятся, что при удобном случае они перейдут на их сторону»[73]. Для предотвращения такой вероятности в условиях Первой мировой войны принимались меры. Однако они заключались лишь в увеличении численности

[72] ЦГИА РГ. Ф. 13. Оп. 3. Д. 1387. Л. 11, 22–23; ГАРФ. Ф. 270. Оп. 1. Д. 86. Л. 125, 143.
[73] Хасбулатов А.И. Этнодемографические процессы и территория Чечни (вторая половина XIX – начало XX в.) // Научная мысль Кавказа. 2000. № 1. С. 89.

гарнизонов, примыкавших непосредственно к нагорной полосе Терской области, укреплений Ведено, Шатой, Воздвиженской и др.[74] При этом недооценивалась возможность противопоставления нараставшей угрозе иных, более гибких подходов, в частности патриотического потенциала отечественного мусульманства.

То, что для ослабления и нейтрализации локальных деструктивных проявлений на Северном Кавказе можно было использовать этот фактор как в региональном, так и в более широком, российском его отражении, подтверждается многим. Представители русской администрации на Северном Кавказе на протяжении длительного времени вели поиск оптимального варианта идеологии и использовали наиболее конструктивные ее традиционные формы для укрепления устойчивости государственного порядка. С началом Первой мировой войны ставка стала делаться преимущественно на карательные силовые операции в случаях возникновения смуты. Организацией ее здесь в 1914 г. занимались зарубежные государства, особенно Германия, всячески поддерживавшая усилия Турции, своей союзницы по геополитическим устремлениям, «освободить Кавказ от русской власти»[75].

Отклик это находило лишь в ряде специфических местностей, не подвергшихся в силу ряда причин, в том числе из-за географических условий, устойчивой интеграции в систему российских общегражданских отношений. Но в горах Дагестана он был еще менее значителен, хотя предрасположенность к такого рода пропаганде у населения сохранялась[76]. Таким образом, заверение наместника его императорского величества на Кавказе графа И.И. Воронцова-Дашкова в 1913 г. по случаю упомянутого уже трехсотлетнего юбилея правления династии Романовых в том, что «никаких сепаратистских идей в мусульманской массе возникнуть не может»[77], не совсем соответствовало действительности.

---

[74] ГАРО. Ф. 826. Оп. 1. Д. 285. Л. 1; Гаджиев А.Г. Помощь русского народа в установлении Советской власти в Дагестане. Махачкала, 1963. С. 62; Ошаев Х. Указ. соч. С. 10.
[75] Жизнь национальностей. 1919. 21 сент.; Шульгин В.В. Указ. соч. С. 263.
[76] Там же.
[77] Всеподданнейший отчет за восемь лет управления Кавказом генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. С. 9.

Воздействие российского государственного поля на одну и ту же этническую среду проявлялось неодинаково. Это наглядно подтверждали события на Северном Кавказе в начале XX в.: часть иноэтнических сообществ демонстрировала свою российскую принадлежность, часть – сохраняла нейтральную неопределенность, а другие проявляли склонность к сепаратизму. Однако на том этапе предрасположенность к обособлению от России не прослеживалась в ярко выраженной форме, и поэтому наблюдение наместника имело, безусловно, под собой реальные основания. Тем не менее его не следовало, на мой взгляд, представлять в столь категоричной формулировке. Сепаратистская угроза для края все-таки существовала. Неполное знание обстановки не способствовало принятию адекватных мер противодействия при обострении тех или иных проблем.

Но с приведенным утверждением можно согласиться в главном: склонность к отделению от России на том этапе отнюдь не являлась преобладающей как в крае в целом, так и в северных его частях, включая те, которые вошли в российское государственное пространство вследствие Кавказской войны. Но интегрированность в него «туземных обществ» не была всеохватывающей и полной. Как показали последующие события, наибольшее воздействие на них оказывали все же не внешние религиозные или этнические влияния, а революционные настроения, распространявшиеся внутри страны. На северокавказской окраине они также получали солидарную поддержку.

Степень устойчивости российской интеграции обнаруживалась и при проявлениях в различных формах социального радикализма, когда происходило более устойчивое и масштабное взаимодействие горских и иных народов этой окраины с восточнославянским этническим массивом, служившим для неоднородной по этническому составу империи организующим началом. Это позволяет с большей степенью достоверности судить о глубине протекавших в ее пределах объединительных процессов. В различных акциях протеста, направленных на изменение сложившихся в

стране порядков, горцы и русские на рубеже XIX–XX вв. нередко выступали совместно[78].

Так, на митинге 8 декабря 1905 г. на станции Минеральные Воды присутствовавшие горцы обещали содействие рабочим в их борьбе и даже вошли в сформированную дружину, пояснив свои действия тем, что «готовы поддержать это дело, раз оно необходимо для блага народов России»[79]. А на совместном съезде казаков и горцев в самый разгар революционных событий было принято воззвание, в котором сформулировано весьма красноречивое предостережение: «В настоящее смутное время рознь между чеченцами и русским народом опасна. Вредные люди могут воспользоваться ею, пустить недобрые слухи и сильно ухудшить положение как тех, так и других»[80].

С наступлением экстремальных для России обстоятельств, например, в 1905–1907 гг., на ее окраинах, в отличие от других империй, не замечалось ярко выраженного стремления к обособлению[81]. «Революционное брожение» на Кавказе поддерживалось противоправительственной агитацией на почве нерешенности экономических проблем и имело сугубо внутреннюю, отнюдь не сепаратистскую направленность. Информируя барона Нольде о событиях на Кавказе, И.И. Воронцов-Дашков писал, что все волнения, включая аграрные, происходят «под влиянием общеимперского революционного движения»[82]. Наблюдение наместника подтверждалось и всеподданнейшими отчетами генерал-губернаторов и начальников областей края за 1906 г. Они позволяют заметить, что акции протеста у значительной части населения Северного Кавказа, как восточнославянской, так и «туземной», носили общегражданский характер[83].

При изучении революционного противостояния в России 1905–1907 гг. М.Н. Покровский одним из первых отметил бóльшую «органическую связь»

---

[78] Гаджиев А.Г. Указ. соч. С. 42; Невская В.П. Аграрный вопрос в Карачае и Черкесии в эпоху империализма. Черкесск, 1972. С. 136.
[79] Буркин Н.Г. Революция 1905 г. в нацобластях Северного Кавказа. Ростов н/Д, 1931. С. 18.
[80] Мужев И.Ф. Указ. соч. С. 128.
[81] Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия, Россия, Германия / Под ред. А.И. Кастелянского. СПб., 1910. С. 566.
[82] Цит. по: Османов Г.Г. Генезис капитализма в сельском хозяйстве Дагестана. М., 1984. С. 144.
[83] ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 1303. Л. 2–4.

Кавказа с Россией, чем Польши и Финляндии[84]. Именно на этих окраинах, имевших устойчивое цивилизационное тяготение к Западу, на рубеже XIX–XX вв. обозначилась угроза сепаратизма, тогда как в других частях империи она не возникала и в более критические периоды революции. Вывод М.Н. Покровского о неравномерности воздействия революционного первотолчка на окраинную периферию опирался, судя по всему, не на схематическую заданность, основанную на абсолютизации так называемого интернационализма, а на сопоставление фактов в контексте происходившего в стране. В момент развития событий эту органическую связь отмечали и представители народов Кавказа, в частности, на заседаниях Государственной думы. В их выступлениях не раз указывалось на то, что «освободительное движение, идя из России, захватило светлыми волнами и… горы!»[85].

О революционном влиянии на туземные общества Северного Кавказа, исходившем из России, неоднократно сообщалось и в рапортах ответственных за стабильность в крае чиновников разных уровней. В них также признавалось, что революционная пропаганда стала распространяться среди туземного населения, проникая даже в отдаленные от местных центров… аулы»[86]. В ее проведении, следует заметить, дестабилизирующие последствия не выделялись[87], равно как и влияние на пробуждение сепаратистских настроений. Агитировавший в нагорной Чечне Т.Э. Эльдарханов, депутат Государственной думы 1 и 2-го созывов от Терской области, настраивал, в частности, население посещаемых аулов на скорый возврат «всех земель, отнятых у них для казачьих станиц», что так или иначе провоцировало межэтническую напряженность[88].

Революционная пропаганда с направленностью на достижение «классовой солидарности» тем не менее способствовала и «интернациональному» сплочению масс. Касаясь отголоска процессов, происходивших в Рос-

---

[84] Покровский М.Н. Избранные произведения в четырех книгах. Кн. 3. Русская история в самом сжатом очерке. М., 1967. С. 524.
[85] Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв 2-й. Сессия 1. Т. II. Заседания 19–38 (с 1 июня по 4 июля 1906 г.). СПб., 1906. С. 1038.
[86] Очерки истории Чечено-Ингушской АССР: в 2 т. Т. 1. Грозный, 1967. С. 169.
[87] См. например: Шаипов И.А. Таштемир Эльдарханов. Грозный, 1960; Гакаев Д.Д. Он достоин памяти народной. Краткий исторический очерк о Таштемире Эльдарханове. Грозный, 1991 и др.
[88] РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1115. Л. 27–27-об.

сийской империи в 1905–1907 гг., И.В. Сталин заметил: «боролись вместе, независимо от национальности» (1913)[89]. В действительности же проявлялось, на мой взгляд, наличие общегражданского синтеза (российской соборности), что явилось одним из итогов универсалистской трансформации. Под воздействием революционных идей, получавших признание в России и привлекавших своей новизной, наметилось ослабление религиозного фанатизма и в тех районах, где после завершения Кавказской войны он был наиболее сильным[90]. Тем самым со всей очевидностью обнаруживалась огромная значимость идеологического фактора в государственной консолидации, особенно в зонах цивилизационных разломов. Призыв «Кавказ для кавказцев!» не имел сколько-нибудь существенной поддержки у горцев[91].

Современники, наблюдавшие непосредственно ситуацию в крае в начале XX в., отмечали искреннюю расположенность их к России[92]. Неплохо знавший край по роду деятельности в качестве корреспондента одной из местных газет, издававшихся во Владикавказе, С.М. Киров, полемизируя с В. Пуришкевичем, известным своими крайними взглядами в отношении окраин, выделил эту тенденцию интегрированности в российское общегражданское сообщество, как определяющую для понимания этнополитической ситуации на Северном Кавказе. «Вы видите людей, – писал он в одной из публикаций в 1913 г., – глубоко и искренне расположенных к России, духовно вросших в русскую культуру, любящих русский народ»[93]. Но ряд горских и иных «туземных обществ» по-прежнему сохраняли предрасположенность к сепаратизму. При возникновении же для государства неблагоприятных обстоятельств намечалось ее усиление.

Сепаратизм тем не менее на Северном Кавказе не имел широкого распространения. Тенденция к признанию России отечеством набирала силу. На то, что российская принадлежность играла для большинства иноэтнических сообществ определяющую роль, указывает, в частности, отсутствие солидарно-сти между ними в ходе различных событий в начале

---

[89] Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос // Соч. Т. 2. 1907–1913. М., 1946. С. 290.
[90] ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5765. Л. 12–13; Оп. 2. Д. 1505. Л. 12–17-об.
[91] ЦГИА РГ. Ф. 83. Оп. 1. Д. 37. Л. 3.
[92] Терек. 1913. 18 сент.
[93] Терек. 1913. 18 сент.

XX в. Между тем взаимодействие наблюдалось в непосредственном контакте с восточным славянством[94]. Российская интеграция, судя по всему, до 1917 г. охватила значительную часть «инородческого» населения, не достигнув тем не менее полноты и завершения. Происходила она неравномерно. В ряде нагорных районов сохранялся консерватизм к восприятию интеграционных импульсов.

Однако и на северокавказском направлении империя также функционировала как полиэтническое государственное сообщество, выходящее за ареалы компактного расселения русского народа. Этнические и государственное поля на северокавказской окраине, как показал анализ, имели свои особенности. Государственное поле представляло собой более или менее устойчивую общегражданскую целостность при сохранявшихся в его пределах этнических различиях.

При ослаблении централизующего начала этнополитическое равновесие в северокавказском регионе нарушалось и в иноэтнической среде в ряде случаев восстанавливалась предрасположенность к сепаратизму. Одной тенденции в процессе российской универсалистской трансформации не существовало. Взаимодействие противоречий порождало новое качество с наличием неоднородного синтеза. Но склонность к отделению от России в начале XX в. не являлась преобладающей.

[94] Гаджиев А.Г. Указ. соч. С. 42; Невская В.П. Указ. соч. С. 136.

Заключение

В Российской империи, в отличие от других, происходило формирование согражданства с признаками нации. Интеграция происходила между тем неравномерно, что прослеживается по краю в целом и по различным народам. Политика России на Кавказе во второй половине XIX – начале XX в. не подпадает под классификацию «государственной национальной». В западноевропейском варианте национального вопроса в России не существовало. Устанавившееся преобладание консолидационной тенденции свидетельствует о сложившемся еще до 1917 г. союзе народов.

Склонность к отделению от России в начале XX в. не являлась преобладающей. Данная реальность получала выражение и при проявлениях в различных формах социального радикализма, когда происходило более устойчивое и масштабное взаимодействие горских и иных народов этой окраины с восточнославянским этническим населением. Это позволяет с большей степенью достоверности судить о глубине протекавших в ее пределах объединительных процессов. Сепаратизм даже в кризисные для империи периоды не получал массовой поддержки.

Из-за особенностей развития в России сложилась геополитическая ситуация, при которой совпадение государственного и этнонационального полей в большинстве случаев не установилось. На северокавказской окраине ее государственное поле также формировалось на полиэтнонациональной основе. Вместе с тем происходило цивилизационное совмещение различных разнородных компонентов. Важнейшей скрепляющей для них составляющей являлась русская культура. Сохранялась и этническая самобытность.

Следует отметить и наличие более или менее устойчивой государственной интегрированности горского и тюркского населения Северного Кавказа в российское государственное сообщество, несмотря на предельную противоречивость ее формирования и незавершенность на предшествующих этапах. В начале XX в. тенденция укрепления

общегражданского единства на северокавказской окраине обрела еще большую устойчивость.

На формирование российского государственного поля в этом направлении оказывали влияние различные факторы, и прежде всего проводившаяся политика, многие аспекты которой были подчинены устранению этнополитической обособленности. Интеграция способствовала установлению геополитического и цивилизационного равновесия в северокавказском регионе. Взаимодействие разнородных начал в российской государственной системе происходило конструктивно и не сопровождалось разрушением самобытности.

Скрепляющим стержнем для различных этнических общностей выступала принадлежность к единому отечеству, то есть объединительное российское государственное начало. Формировавшаяся общегражданская взаимоувязанность русского и «инородческого» начал способствовала установлению геополитического и цивилизационного равновесия в северокавказском регионе. Взаимодействие в историческом процессе происходило в преобладающей степени конструктивно.

Скрепляющим стержнем для различных этнических групп окраин выступала принадлежность к единому отечеству. Прослеживается в этом процессе так или иначе наличие российской и евразийской вариаций универсалистской тенденции, имевших в реальности неодинаковое проявление. Интеграция происходила неравномерно. Но такое состояние имело признаки ослабления. Процесс формирования общегражданских связей в исследуемый промежуток времени обретал устойчивость, но завершения не получил. Предопределявшиеся российской универсалистской трансформацией перемены на Северном Кавказе не имели одного измерения. Предрасположенность к сепаратизму у части иноэтнического населения сохранялась.

Библиография к приложению

Источники

Архивные материалы

Российский государственный
военно-исторический архив
(РГВИА, г. Москва)

Ф. 400. Главный штаб. Оп. 1, 19.

Ф. 970. Военно-походная канцелярия Е. И. В. при императорской квартире. Оп. 3.

Государственный архив Российской Федерации
(ГАРФ, г. Москва)

Ф. 110. Штаб отдельного корпуса жандармов. Оп. 1.

Ф. 270. Канцелярия министра внутренних дел. Оп. 1.

Ф. 1779. Канцелярия Временного правительства. Оп. 1.

Государственный архив Краснодарского края
(ГАКК, г. Краснодар)

Ф. 454. Канцелярия начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска. Оп. 1.

Центральный государственный архив
Республики Дагестан
(ЦГА РД, г. Махачкала)

Ф. 2. Канцелярия военного губернатора Дагестанской области. Оп. 1.

Центральный государственный архив
Республики Северная Осетия-Алания
(ЦГА РСО-А, г. Владикавказ)

Ф. 224. Личные фонды. Оп. 1.

Государственный архив Ростовской области
(ГАРО, г. Ростов-на-Дону)

Ф. 826. Донское охранное отделение. ДОО. Оп. 1.

Центральный государственный исторический архив Республики Грузия (ЦГИА РГ, г. Тбилиси)

Ф. 12-с. Канцелярия главноначальствующего гражданской частью на Кавказе. 1883–1905 гг. Оп. 13.

Ф. 13. Канцелярия наместника на Кавказе.1905–1917 гг. Оп. 3.

Ф. 83. Канцелярия заведующего полицией на Кавказе.1905–1906 гг. Оп. 1.

Докладная документация

Всеподданнейший отчет за восемь лет управления Кавказом генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб., 1913.

Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв 2-й. Сессия 1. Т. II. Заседания 19–38 (с 1 июня по 4 июля 1906 г.). СПб., 1906.

Теоретическая публицистика

Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос // Соч. Т. 2. 1907–1913. М., 1946.

Мемуарные и иные археографические свидетельства

Ксавье де Местер. Кавказские пленники / Публикация, комментарии и перевод с франц. Н.В. Забабуровой // Научная мысль Кавказа. 1998. № 3.

Марков А.Л. В ингушском Конном Полку. (Кавказская Конная Туземная Дивизия). (Б/и.: Париж, 1957). М., 1997.

Ошаев Х. Очерк начала революционного движения в Чечне. Грозный, 1927.

Шаипов И.А. Таштемир Эльдарханов. Грозный, 1960.

Шамиль на Кавказе и в России. Биографический очерк / Сост. М.Н. Чичагова. СПб., 1889.

Шульгин В.В. Годы. Дни. 1920. М., 1990.

Справочные издания

Россия. Энциклопедический словарь (Б/ и.: Брокгауз Ф.А. и Ефрон И.А. СПб., 1898). Л., 1991.

Периодические издания

Газеты:

Жизнь национальностей (Москва). 1918–1922.

Терек (Владикавказ). 1913.

Терские ведомости (Владикавказ). 1893–1915.

Литература

Белозеров В.С. Этническая карта Северного Кавказа. М., 2005.

Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. М., 1994.

Буркин Н.Г. Революция 1905 г. в нацобластях Северного Кавказа. Ростов н/Д, 1931.

Вершигора А.Д. О взаимодействии адыгов и русских в военных вопросах после Кавказской войны // Кавказская война: уроки истории и современность: Матер. науч. конф. Краснодар, 16–18 мая 1994 г. Краснодар, 1995.

Гаджиев А.Г. Помощь русского народа в установлении Советской власти в Дагестане. Махачкала, 1963.

Газдиев А. М. Асланбек Шерипов в революционном движении Чечено-Ингушетии. Грозный, 1941.

Гакаев Д.Д. Он достоин памяти народной. Краткий исторический очерк о Таштемире Эльдарханове. Грозный, 1991.

10 лет Советской Чечни. Ростов н/Д, 1933.

Дегоев В.В. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. М., 2001.

История городов и сел Ставрополья: краткие очерки. Ставрополь, 2002.

Карпов Ю.Ю. «Верхние» и «нижние»: к проблемам функционирования горских обществ Кавказа // Научная мысль Кавказа. 2000. № 4.

Копчев Г.И. Турецкое «наследство» и мировая война. Пг., 1917.

Ксавье де Местер. Кавказские пленники / Публикация, комментарии и перевод с франц. Н.В. Забабуровой // Научная мысль Кавказа. 1998. № 3.

Кумыков Т.Х. Выселение адыгов в Турцию – последствие Кавказской войны. Нальчик, 1994.

Литвинов А.И. Майский прорыв IX армии в 1916 году. Пг., 1923.

Лихолат А.В. Национализм – враг трудящихся: Анализ исторического опыта борьбы против национализма. М., 1986.

Марков А.Л. В ингушском Конном Полку. (Кавказская Конная Туземная Дивизия). (Б/и.: Париж, 1957). М., 1997.

Матвеев В.А. Переселение горцев в Турцию: неучтенные детали трагедии и подлинные интересы России на Кавказе // Научная мысль Кавказа. 1999. № 4.

Миллер А.Ф. Оттоманская империя. (Султанская Турция). М., 1946.

Минц И.И. Год 1918. М., 1982.

Минц И.И. История Великого Октября: в 3 т. Т. 1. М., 1967.

Мужев И.Ф. Национально-освободительное движение горцев Северного Кавказа (1900–1914 гг.). Нальчик, 1965.

Напсо Д.А., Чекменев С.А. Надежда и доверие. Из истории дружественных связей народов Карачаево-Черкесии с русским народом. Черкесск, 1993.

Невская В.П. Аграрный вопрос в Карачае и Черкесии в эпоху империализма. Черкесск, 1972.

Османов Г.Г. Генезис капитализма в сельском хозяйстве Дагестана. М., 1984.

Очерки истории балкарского народа. (С древнейших времен до 1917 г.). Нальчик, 1961.

Очерки истории Дагестана. Т. 1. Махачкала, 1957.

Очерки истории Северо-Осетинской партийной организации. Орджоникидзе, 1969.

Очерки истории Чечено-Ингушской АССР: в 2 т. Т. 1. Грозный, 1967.

Покровский М.Н. Избранные произведения в четырех книгах. Кн. 3. Русская история в самом сжатом очерке. М., 1967.

Раждаев П.Н. Основные черты организации крестьянского хозяйства на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 1925.

Стеклов А.П. Революционная деятельность большевистских организаций на Кавказском фронте. 1914–1917 гг. Тбилиси, 1969.

Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). М., 2001.

Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия, Россия, Германия / Под ред. А.И. Кастелянского. СПб., 1910.

Хасбулатов А.И. Этнодемографические процессы и территория Чечни (вторая половина XIX – начало XX в.) // Научная мысль Кавказа. 2000. № 1.

Цвижба Л. Абхазы и черкесы на службе в русской армии // Западный Кавказ между прошлым и будущим. Научный семинар (г. Сухум, 28–29 ноября 1912 г.). Сухум–Москва, 2013.

Шаипов И.А. Таштемир Эльдарханов. Грозный, 1960.

Шпрингер Р. Национальная проблема. (Борьба национальностей в Австрии). Пер. с нем. СПб., 1909.

Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. В 2 т. Т. 2.Тифлис, 1907.

Содержание

Введение……... 3

Глава I

Восстановление набеговой традиции

Пережиточное наследие…….. 12

Предопределяющие факторы…….. 25

Глава II

Нарастание межэтнической напряженности

Невостребованные возможности…… 36

Этническая вандея…… 48

Заключение……. 54

Библиография……. 60

Приложение 1: Набеговая традиция и технологии противостояния в Кавказской войне…….. 68

Приложение 2: Неравномерность интеграционного процесса…….. 120

Научное издание

МАТВЕЕВ Владимир Александрович

Межэтнические конфликты на Северном Кавказе: опыт осмысления и противодействия на рубеже XIX – начала XX вв.

Монография

Подписано в печать 09.12.2015.
Формат 60×84 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,72. Уч.-изд. л. 6,64.
Тираж 500 экз. Заказ № 4902.

Издательство Южного федерального университета.

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной и сувенирной продукции
Издательско-полиграфического комплекса КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ
344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1. Тел. (863) 247-80-51.